

Эпосоведение
Сетевое издание
Издается с 2016 года
Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова»

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Решением Президиума ВАК при Министерстве образования и науки РФ с 8 июля 2019 года журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук».

Сентябрь 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *Ю. П. Борисов*, к. филол. н.
Выпускающий редактор: *Е. Е. Жиркова*

Члены редакционной коллегии:

Т. А. Абдырахманов, д. и. н., проф., Киргизия; *Алимаа Аюжав*, доктор фольклористики, Монголия; *Т. Г. Басангова*, д. филол. н., доцент, Калмыкия, РФ; *В. В. Винокуров*, к. филос. н., доцент, СВФУ, РФ; *В. С. Данилова*, д. филос. н., проф., СВФУ, РФ; *А. Н. Данилова*, к. филол. н., РФ; *З. Д. Джапуа*, д. филол. н., проф., Абхазия; *А. К. Егиазарян*, д. филол. н., проф., Армения; *Н. Н. Ефремов*, д. филол. н., РФ; *В. В. Илларионов*, д. филол. н., проф., СВФУ, РФ; *Б. Катуу*, доктор филологии, проф., Монголия; *Е. Н. Кузьмина*, д. филол. н., проф., РФ; *А. А. Кузьмина*, к. филол. н., РФ; *Р. Г. Кулиева*, д. филол. н., проф., Азербайджан; *А. С. Миронов*, к. филол. н., РФ; *Л. Х. Мухаметзянова*, д. филол. н., доцент, Татарстан, РФ; *А. А. Находкина*, к. филол. н., доцент, СВФУ, РФ; *О Ынкенг*, доктор фольклористики, проф., Южная Корея; *К. Райхл*, доктор филологии, проф., Германия; *К. С. Рахимов*, канд. иск., Таджикистан; *М. Б. Сабыр*, д. филол. н., проф., Казахстан; *П. В. Сивцева-Максимова*, д. филол. н., проф., СВФУ, РФ; *К. И. Сихарулидзе*, д. филол. н., проф., Грузия; *Скалдаферри Никола*, доктор этномузыкологии, доцент, Италия; *П. А. Слепцов*, д. филол. н., РФ; *М. В. Станюкович*, к. и. н., РФ; *Д. В. Сокаева*, д. филол. н., РФ; *О. А. Тогусаков*, д. филос. н., Киргизия; *А. С. Халилов*, д. филол. н., доцент, Азербайджан; *Р. Харрис*, доктор этномузыкологии, проф., США; *Г. Р. Хусаинова*, д. филол. н., РФ; *Чао Гежин*, доктор фольклористики, проф., Китай; *А. Н. Чугунекова*, д. филол. н., доцент, Хакасия, РФ; *П. Эргюн*, доктор фольклористики, доцент, Турция; *Ж. С. Эшанкулов*, д. филол. н., проф., Узбекистан.

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677013, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 101

Тел./факс: (4112) 49-68-83

E-mail: eposvestnik@mail.ru

НИИ Олонхо <http://epossvfu.ru>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № 77-82075 выдано 5 октября 2021 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Epic studies

Online periodical

Published since 2016

The frequency of publication is 4 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

By the decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on July 8, 2019, the series was included in the List of peer-reviewed scientific publications.

September 2023

THE EDITORIAL BOARD

Head Editor: *Yu. P. Borisov*, Cand. Sci. Philology

Executive editor: *E. E. Zhirkova*

The members of the editorial board:

T. A. Abdyrakhmanov, Dr. Sci. History, Prof., Kirghizia; *Alimaa Ayushjav*, Ph.D. in Folklore, Mongolia; *T. G. Basangova*, Dr. Sci. Philology, Asst. Prof., Kalmykia, Russia; *V. V. Vinokurov*, Cand. Sci. Philosophy, Asst. Prof., NEFU, Russia; *V. S. Danilova*, Dr. Sci. Philosophy, Prof., NEFU, Russia; *A. N. Danilova*, Cand. Sci. Philology, Russia; *Z. D. Dzhapua*, Dr. Sci. Philology, Prof., Abkhazia; *A. K. Eghiazaryan*, Dr. Sci. Philology, Prof., Armenia; *N. N. Efremov*, Dr. Sci. Philology, Russia; *V. V. Illarionov*, Dr. Sci. Philology, Prof., NEFU, Russia; *B. Katuu*, Dr. Sci. Philology, Prof., Mongolia; *Khalilov A. S.*, Dr. Sci. Philology, Asst. Prof., Azerbaijan; *R. G. Kulieva*, Dr. Sci. Philology, Prof., Azerbaijan; *E. N. Kuzmina*, Dr. Sci. Philology, Prof., Russia; *A. A. Kuzmina*, Cand. Sci. Philology, Russia; *A. S. Mironov*, Cand. Sci. Philology; *L. Kh. Mukhametzianova*, Dr. Sci. Philology, Asst. Prof., Tatarstan, Russia; *A. A. Nakhodkina*, Cand. Sci. Philology, Asst. Prof., NEFU, Russia; *Oh Eunhyung*, Ph.D. in Folklore, Prof., South Korea; *K. Reichl*, Dr. Sci. Philology, Prof., Germany; *K. S. Rakhimov*, Cand. of Art History, Tadjikistan; *M. B. Sabyr*, Dr. Sci. Philology, Prof., Kazakhstan; *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Dr. Sci. Philology, Prof., NEFU, Russia; *K. I. Sikharulidze*, Dr. Sci. Philology, Prof., Georgia; *Scalaferrri Nicola*, Ph.D. in Ethnomusicology, Asst. Prof., Italy; *P. A. Sleptsov*, Dr. Sci. Philology, Russia; *M. V. Stanukovich*, Cand. Sci. History, Russia; *D. V. Sokaeva*, Dr. Sci. Philology, Russia; *O. A. Togusakov*, Dr. Sci. Philosophy, Prof., Kirghizia; *R. Harris*, Ph.D. in Ethnomusicology, Prof., USA; *G. R. Khusainova*, Dr. Sci. Philology; *Chao Gejin*, Ph.D. in Folklore, Prof., China; *A. N. Chugunekova*, Dr. Sci. Philology, Asst. Prof., Khakasia, Russia; *P. Ergun*, Ph.D. in Folklore, Asst. Prof., Turkey; *J. S. Eshankulov*, Dr. Sci. Philology, Prof., Uzbekistan.

Founder and publisher address: North-Eastern Federal University, Belinsky str., 58, Yakutsk, 677000

The editorial board of the series: 101 off., Kulakovskiy str., 42, Yakutsk, 677013

Tel./Fax: (4112) 49-68-83

E-mail: eposvestnik@mail.ru

Scientific Research Institut of Olonkho <http://epossvfu.ru>

Accreditation certificate ЭИ № 77-82075 on October 5, 2021 by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Анчек С. Х.</i> Эмоциональные дискурсообразующие концепты в адыгском нартском эпосе	5
<i>Ягафарова Г. Н.</i> Междометия в структуре фольклорного текста (на примере перевода якутского олонхо на башкирский язык).....	14
<i>Меняев Б. В., Борлыкова Б. Х.</i> К вопросу изучения сюжетов несказочной прозы хошутов Калмыкии	27
<i>Озонова А. А.</i> Способы выражения сравнения в алтайском эпосе (на материале эпоса «Очы-Бала»)	42
<i>Винокурова Н. И.</i> Особенности проявления частного падежа в олонхо	56
<i>Покоякова К. А.</i> Семантика зоонимов в хакасских пословицах и поговорках.....	70
<i>Николаева Т. Н.</i> Зрительное восприятие эпической картины мира (на материале олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского).....	79
<i>Николаев Е. Р.</i> Диалектные особенности в загадках Сунтарского улуса.....	89
<i>Саввинова Г. Е.</i> Из опыта сбора сведений об олонхосутах Виллойского и Верхневиллойского улусов Якутии.....	99

РЕЦЕНЗИИ

<i>Кульганек И. В.</i> Рец. на книгу: Басангова Т. Г. Детский фольклор калмыков (система жанров). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2022. 172 с.	108
---	-----

ХРОНИКА

<i>Шишигина Ф. В.</i> XVI Ысыах Олонхо на Полюсе Холода.....	111
--	-----

CONTENT

<i>Anchek S. Kh.</i> Emotional discourse-forming concepts in the Adyghe Nart epic.....	5
<i>Yagafarova G. N.</i> Interjections in the structure of folk text (on the example of the translation of the Yakut olonkho into the Bashkir language).....	14
<i>Menyaev B. V., Borlykova B. Kh.</i> To the question of studying plots non-fairy prose of the Khoshuts of Kalmykia	27
<i>Ozonova A. A.</i> Expression of comparison in Altaian epics (on example of <i>Ochy-Bala</i>).....	42
<i>Vinokurova N. I.</i> Special characteristics of the occurrence of partitive case in Olonkho	56
<i>Pokoiakova K. A.</i> Semantics of zoonyms in Khakas proverbs and sayings.....	70
<i>Nikolaeva T. N.</i> Visual perception of the epic world picture (the case of the olonkho <i>Nurgun Bootur the Swift</i> by Platon Oyunsky)	79
<i>Nikolaev E. R.</i> Dialectal peculiarities in riddles of Suntarsky district.....	89
<i>Savvinova G. E.</i> From the experience of collecting information about the olonkhosuts of Vilyuisky and Verkhnevilyuisky districts of Yakutia.....	99

REVIEWS

<i>Kulganek I. V.</i> Review on the book: Basangova T. G. Children's folklore of the Kalmyks (system of genres). Elista, Kalmyk University Publishing House, 2022, 172 p.....	108
---	-----

CHRONICLE

<i>Shishigina F. V.</i> XVI Olonkho Ysyakh at the Pole of Cold.....	111
---	-----

С. Х. Анчек

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ДИСКУРСООБРАЗУЮЩИЕ КОНЦЕПТЫ В АДЫГСКОМ НАРТСКОМ ЭПОСЕ

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению концептуальной составляющей адыгского нартского эпоса. Цель данного исследования состоит в выявлении и описании ключевых и базовых эмоциональных дискурсообразующих концептов, представляющих адыгскую лингвокультуру, на материале адыгского нартского эпоса. Реализация поставленной цели предусматривает решение следующих задач: проанализировать циклы адыгского нартского эпоса; выявить и описать базовые эмоциональные концепты, образующие эпический дискурс; определить ключевой дискурсообразующий концепт. Для достижения цели использовались следующие методы: наблюдение, анализ, метод сплошной выборки, описательный метод. Научная новизна заключается в том, что понятие «НАРТ» рассматривается в качестве ключевого ядерного концепта адыгского эпоса, объединяющего вокруг себя базовые опорные элементы языка. Отмечается, что собственные имена персонажей всегда сопровождаются эпитетом «нарт» (*нарт Саусырыкъо*, *нарт Шэбатыныкъо* и т. д.). Вокруг нартских персонажей разворачиваются все действия, события, приключения, испытания, подвиги. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что базовыми дискурсообразующими концептами являются эмоциональные концепты «ЛЮБОВЬ», «СТРАСТЬ», «ВЕРА», «ВЕРНОСТЬ». Базовая эмоция «страсть» адыгского нартского эпоса обладает собственным набором контролируемых и неконтролируемых реакций субъекта. Контролируемые реакции субъекта отражаются в его речевом поведении, а неконтролируемые – в неречевом поведении субъекта. Любовь и страсть для нартов – соотносимые концепты. Они образуют единое целое во всех отрывках, где описывается любовная линия главных героев. Отметим, что в словах *шИулъэгъуныгъ* ‘любовь’ и *шИоигъоныгъ* ‘страсть’ единый способ словообразования и единый корень – *шИу* ‘добро’. Настоящее исследование опирается на научные труды Л. С. Абросимовой, К. А. Андреевой, З. Х. Бижевой, Л. Ю. Буяновой, А. С. Гончаровой, О. С. Макаровой, О. Г. Почепцова, Е. А. Редкозубовой, Е. К. Спицыной, А. Ш. Алтруовой, Г. Р. Нурекешовой и др. Теоретическая и практическая ценность усматривается в возможности использования результатов в теоретических дисциплинах и практических курсах по общему языкознанию, кавказским языкам, теоретической, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистике, эпосоведению, а также в процессе обучения когнитивному концептуальному анализу фольклорного текста.

Ключевые слова: адыгский нартский эпос; ключевой концепт; базовый концепт; дискурсообразующий концепт; нарт; мужество; любовь; страсть; вера; верность

Для цитирования: Анчек С. Х. Эмоциональные дискурсообразующие концепты в адыгском нартском эпосе // Эпосоведение. 2023. № 3. С. 5–13. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-5-13.

© Анчек С. Х., 2023

© Anchek S. Kh., 2023

АНЧЕК Сурет Хазретовна – доктор филологических наук, заведующая отделом языка Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева, Майкоп, Россия. E-mail: ancheksuret@mail.ru

ANCHEK Suret Khazretovna – Doctor of Philological Sciences, Head of Department of Language, Adygea Republic Research Institute for the Humanities named after T. M. Kerashev, Maykop, Russia. E-mail: ancheksuret@mail.ru

S. Kh. Anchek

Adyghe Republic Research Institute for the Humanities named after T. M. Kerashev

Emotional discourse-forming concepts in the Adyghe Nart epic

Abstract. This article is devoted to the study of the conceptual component of the Adyghe Nart epic. The purpose of this study is to identify and describe the key and basic emotional discourse-forming concepts representing the Adyghe linguoculture, based on the material of the Adyghe Nart epic. The realization of this goal provides for the solution of the following tasks: to analyze the cycles of the Adyghe Nart epic; to identify and describe the basic emotional concepts that form the epic discourse; to determine the key discourse-forming concept. To achieve the goal, the following methods were used: observation, analysis, continuous sampling method, descriptive method. The scientific novelty lies in the fact that the concept of “NART” is considered as the key nuclear concept of the Adyghe epic, which unites the basic supporting elements of the language around itself. It is noted that the proper names of the characters are always accompanied by the epithet “nart”. All actions, events, adventures, trials, exploits unfold around the Nart characters. As a result of the conducted research, we came to the conclusion that the basic discourse-forming concepts are the emotive concepts of “LOVE”, “PASSION”, “FAITH”, “LOYALTY”. The basic emotion “passion” of the Adyghe Nart epic has its own set of controlled and uncontrolled reactions of the subject. Controlled reactions of the subject are reflected in his speech behavior, and uncontrolled reactions are reflected in the non-speech behavior of the subject. Love and passion are correlated concepts for sleds. They form a single whole in all the passages where the love line of the main characters is described. You can notice a single way of word formation and a single root Shiu “good” in the words *Shiulegunig* ‘love’ and *Shioigunig* ‘passion’. The basic emotion “passion” of the Adyghe Nart epic has its own set of controlled and uncontrolled reactions of the subject. Controlled reactions of the subject are reflected in his speech behavior, and uncontrolled reactions are reflected in the non-speech behavior of the subject. Love and passion are correlated concepts for sleds. They form a single whole in all the passages where the love line of the main characters is described. You can notice a single way of word formation and a single root Shiu “good” in the words *Shiulegunig* “love” and *Shioigunig* “passion”. The present study is based on the scholarly works by L. S. Abrosimova, K. A. Andreeva, Z. H. Bizheva, L. Y. Buyanova, A. S. Goncharova, O. S. Makarova, O. G. Pocheptsov, E. A. Redkozubova, E. K. Spitsyna, A. Sh. Altruova, G. R. Nurekeshova and other scholars. The theoretical and practical value is seen in the possibility of using the results in theoretical disciplines and practical courses in general linguistics, Caucasian languages, theoretical, applied and comparative linguistics, epic studies, as well as in the process of teaching cognitive conceptual analysis of folklore text.

Keywords: Adyghe Nart epic; key concept; basic concept; discourse-forming concept; nart; courage; love; passion; faith; loyalty

For citation: Anchek S. Kh. Emotional discourse-forming concepts in the Adyghe Nart epic. *Epic studies*. 2023; (3): 5–13. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-5-13.

Введение

Лингвокультурный и когнитивный аспекты исследования языка адыгского нартского эпоса представляются нам значимыми для развития адыгского языкознания и фольклористики. Это обусловлено когнитивной ролью языка, которая преимущественно рассматривается с двух сторон: с одной стороны, как средство познания, приобретения знаний, с другой стороны, как инструмент для переработки, хранения, передачи и порождения текстовой информации. «Соотношение между миром и его языковым представлением или образом» [1, с. 113] является составной частью языковой ментальности. Языковые феномены «слово», «фразеологизм», «текст», «концепт» в речедискурсивных процессах, по мнению Л. Ю. Буяновой, «служат “строительным материалом” друг для друга, образуя своеобразное ментальное пространство национального языка, а концепт выступает той когнитивно-ментальной структурой языка, в которой наиболее выпукло проявляется этнокультурная специфика мировосприятия и принципов мироустройства» [2, с. 15]. Нужно еще учитывать мнение З. Х. Бижевой, что «культура неотделима от

человека по способу своего бытия: именно человек является субъектом и самоцелью развития культуры» [3, с. 55]. «Так как субъектом культуры, в общем, и словотворчества, в частности, является человек, мы всегда обращаемся к его духовной сфере, которая имеет свою природу, включает процессы познания и является богатым источником творческих новаций» [4, с. 21].

Современным лидером среди объектов лингвистического исследования сегодня выступает дискурс человека и культуры. Характеристика эпического дискурса как речемыслительного процесса невозможна без описания концептов, определяющих миропонимание коллектива. А. Ш. Алтруова и Г. Р. Нурекешова выделяют дискурсообразующие и недискурсообразующие концепты. Они отмечают, что «дискурсообразующие концепты являются ключевыми, базовыми для дискурса, вокруг них строится фольклорный дискурс, они образуют концептосферу дискурса. Для фольклорного дискурса таковыми выступают концепты, отражающие ценности фольклорного коллектива, экзистенциальные значимости, концепты, которые становятся темой рефлексий, обсуждений в фольклоре. <...> На раскрытии дискурсообразующего концепта, который является темой обсуждения, строятся тексты разных жанров (например, любовные песни, пословицы о семье). Данные концепты взаимодействуют, вступая в отношения пересечения с другими фольклорными концептами» [5, с. 58].

В данной статье исследуются материалы адыгского нартского эпоса с целью выявления ключевых и базовых эмоциональных дискурсообразующих концептов эпического дискурса. По мнению А. М. Гадагатля, «адыгский эпос “Нартхэр” – самобытное древнейшее создание адыгских (черкесских) народов. Порожденный действительностью, он показывает, как жили люди, боролись с невзгодами природы, утверждали идеалы храбрости, добра и человечности» [6, с. 61].

Ключевой концепт адыгского эпического дискурса

Нарты – это благородные и отважные герои-богатыри, наделенные невероятной силой, о происхождении и приключениях которых адыго-абхазские народы сложили сказания. Адыги считают их своими предками, они идентифицируют себя с нартами. Инициальной формулой адыгских сказаний о нартах часто становятся такие языковые единицы как «в те поры, когда жили нарты», «во времена нартов», содержащие ключевое для всего эпоса слово «НАРТЫ»: *Ижъ дэд ар зыхъугъэр. Ащыгъум тихэку нартхэр исыгъэх* [6, с. 215] – ‘А было это давно. **В то время** в наших краях жили нарты’¹; *Нартхэм я зманым цылац испыхэр лъэккыу* [6, с. 181] – ‘**Во времена нартов** жили карлики-испы’.

Концепт «НАРТ» в адыгском эпосе репрезентирован такими единицами адыгейского языка как 1) *Нартхэр* «Нарты»: *Нартхэм ямылэрысэ ехьыллагъэу мыц фэдэ хъишъэ горэ адыгэмэ ахэль* [6, с. 95] – ‘Среди адыгов бытует сказание о золотой яблоне **нартов**’; 2) *Нарт я Бын* «Семейство (Общество) Нартов»: *Нарт я Бын гумэкл илэ хъугъэ* [6, с. 96] – ‘**Семейство Нартов** постигло горе’; 3) *Нарт я Хасэ* «Совет Нартов»: *Нартхэм я Хасэ зэфэси, Иофым эпэсыгъэн фаем рыгуыцлагъэх* [6, с. 96] – ‘**Совет Нартов** собрался, обсудили, что с этой проблемой делать’; 4) *Нартыжъхэм я Хэку* «Страна нартов»: *Нартыжъхэм я Хэкум зэгуэрэм бишъэ бзаджэу чынтыдзэр кызэрыгуат, – нарт блыпкъ ткъутэниц, Нарт хэку тхъуницлэниц, нарт лъапсэр дгъэныниц, – жаIэри* [6, с. 29] – ‘Однажды на **страну нартов** напали злые вражеские чинты, – разгромим нартскую основу, разграбим **страну нартов**, срежем нартский корень, – сказав’.

Языковые единицы *Нарт*, *Нарт я Бын*, *Нарт я Хасэ*, *Нартыжъхэм я Хэку* образуют синонимический ряд, доминантой которого является лексема «НАРТ». Она так же становится определяющим ключевым понятием, т. е. эпитетом, для «100 антропонимов» [7], которые образуют антропонимическую систему адыгского нартского эпоса: *нарт Саусырыкъо* ‘нарт Саусырыко’, *нарт Шэбатыныкъо* ‘нарт Шабатыныко’, *нарт Пэтэрэз* ‘нарт Пэтэрэз’, *нарт Ацэмэз* ‘нарт Ащамез’, *нарт Лъэптиш* ‘нарт Глепш’, *нарт Нэсырен* ‘нарт Насрен’ и др.

¹ Здесь и далее переводы примеров на русский язык произведены автором статьи.

Как видно из фактического материала, в качестве ядерного концепта адыгского эпоса, объединяющего вокруг себя базовые опорные элементы языка, выступает концепт «НАРТ». Отметим, что собственные имена персонажей всегда сопровождаются эпитетом «нарт». Вокруг нартских персонажей, а их в адыгском эпосе встречается около ста, разворачиваются все действия, события, приключения, испытания, подвиги. И им, как и любому человеку, присущи различные эмоции. Эмоции отражают субъективное оценочное отношение человека к различным ситуациям и объектам. К классу эмоций относятся настроения, чувства, аффекты, страсти, стрессы.

«Сюжетным ядром адыгского эпоса “Нарты” служат культурные деяния героев, таких как Сатанай-гуацэ, Саусырыко, Шэбатыныко, Тлепш, Ащамез, Пэтэрэз и другие. Каждый из этих героев выделяется среди остальных по своему преобладающему качеству. Например: Сатанай-гуацэ выделяется среди остальных героев своей неимоверной красотой и дальновидностью, нарт Саусырыко – своим умом и хитростью, Шабатынуко – храбростью, Тлепш – умелым владением кузнечным ремеслом, Ащамез и Пэтэрэз – своим бесстрашием, Лацын – “острием” языка и неимоверной силой, Адыиф – как излучающая свет, Маличипху – как находчивая хозяйка и верная жена и т. д.» [8, с. 157]. Преобладающие качества нартов становятся источником эмоционального дискурса, призывая к коммуникативному существованию, наполненному человеческими переживаниями.

Ценностный центр героя весьма динамичен, изменчива его структура, в частности, иерархия концептов. А. С. Миронов отмечает, что «для одного и того же эпического героя в различные периоды его богатырской “биографии” разной ценностью обладает собственное призвание (Добрыня) и принятые на себя заповеди (Илья) или обеты (Садко), институт княжеской власти (Илья), пленные соотечественники (Добрыня), институт христианского брака и “любовь телесная” (Алеша, Потык), воспитание ребенка (Илья), “золота казна” (Садко), вино (Потык)» [9].

Референции «достойный витязь», «достойный юноша», «совершавший подвиги», «сильный и мужественный витязь», «славился умом и хитростью», выявленные в адыгском эпическом дискурсе, характеризуют силу, мужество, героизм нартов. О нарте Саусырыко: «**Добрый, справедливый и мудрый**», «Славился умом и хитростью», «Рассказывают, что Саусоруко был **достойным витязем**» [10, с. 20]. О нарте Шабатыныко: «**сильный и мужественный витязь**» [10, с. 29], «**достойный** юноша» [10, с. 27]. О нарте Насрен: «**Добрый, справедливый и мудрый** предводитель по имени Насрен» [10, с. 22]. О нартах: «Собрались они на хасе. Вспомнили и Имыса, Арыша, Саусырыко, ранее **совершавших подвиги**» [10, с. 22]. Выявленные адъективы (мудрый, достойный, сильный, мужественный, добрый, справедливый, умный) являются средствами репрезентации широкого гнезда концептов, таких, как «героизм», «воинственность», «мужество», «взаимопомощь», а их ядром является концепт «нарт». Так же отметим, что концепт «нарт» сопряжен с такими базовыми дискурсообразующими эмоциональными концептами как «любовь», «страсть», «вера», «уверенность», «верность».

Базовые дискурсообразующие эмоциональные концепты

В отличие от других этносов, у адыгов было не принято говорить прямо о своих чувствах, поэтому, как отмечает Н. А. Тов, «в ситуации сватовства обеими сторонами использовался *хьорыбзэ* – метафорический иносказательный язык игрового ухаживания. Когда девушка выбирала потенциального жениха, она через посредников ставила в известность родителей об этом. В случае их согласия на брак, молодые обменивались *Луж* – залогом верности и назначалась дата увоза невесты.

Была и такая форма брака у адыгов как умыкание. Он имел три разновидности: насильственное похищение – вопреки воле девушки и ее родных; увод невесты с ее согласия, против воли родителей; уход невесты, то есть фиктивное похищение по соглашению всех заинтересованных сторон» [11, с. 426].

Концепт «ЛЮБОВЬ» является одним из базовых эмоциональных концептов в любой лингвокультуре. В этнокультурном выражении нартского языкового сознания концепт *ШУЛЬЭГЪУНЫГЪ* «ЛЮБОВЬ» часто заменяется самым близким концептом-синонимом «СТРАСТЬ», который в адыгском эпическом дискурсе передается словами: *шлоигъоныгъ* ‘желание’, *гуетынышхуагъ* ‘обожание’, *фэцэныгъ* ‘склонность к чему-л.’. Любовь и страсть для нартов соотносимые концепты. Они образуют единое целое во всех отрывках, где описывается любовная линия главных героев. Можно заметить единый способ словообразования и единый корень *шу* ‘добро’ в словах *шульэгъуныгъ* ‘любовь’ и *шлоигъоныгъ* ‘страсть’.

Отражая адыгское языковое сознание, «Русско-адыгейский словарь» под редакцией Ю. А. Тхаркахо описывает «любовь» как: 1) *шульэгъу* ‘любовь’, *гукIэгъу* ‘милосердие’, 2) *шульэгъуныгъ* ‘любовь’, *гүфэбагъ* ‘проявление нежности, теплоты’, *кIэсэныгъ* ‘милое отношение’, ‘проявление любви’, *гъэшлоныгъ* ‘ласка’, ‘лелеяние’, *гүфэбэ-кIэсагъ* ‘теплота’, ‘нежность’ [12, с. 682]. «Страсть» описывается как: 1) *шлоигъоныгъ* ‘желание’, *гүпльырыгъ* ‘горячее сердце’: *гүпльырыгъгъэр гъэкIосэн* ‘обуздывать страсти»; *шлоигъоныгъгъэр гъэблын* ‘разжигать страсти»; 2) *гуетынышхуагъ* ‘большое напряжение’, ‘большая страсть’: *ефыжсагъгъэу Iоф ышIэнэу ыкIи гуетыныгъэшхо хэлъынэу ешIы шIэныгъэм (наукэм) цIыфыр* ‘большого напряжения и великой страсти требует наука от человека’ (И. П. Павлов); 3) *фэцэныгъ*: *тхылъым фэцэныгъ* ‘страсть к книге»; 4) *инэу зыфэцагъгъэр, шу ыльэгъурэр*: *къэгъагъэхэр инэу шу сэлъэгъух* ‘цветы моя страсть’ (Ромашов); 5) *шульэгъуныгъгъэ зымышIэжъ*: *ац шульэгъуныгъгъэ зымышIэжъ сэ экIэм къысхилъхъагъ* ‘она возбудила во мне мгновенную страсть’ [13, с. 741].

На наш взгляд, базовая эмоция «страсть» адыгского нартского эпоса обладает собственным набором реакций субъекта, куда относятся контролируемые и неконтролируемые реакции. Контролируемые реакции субъекта отражаются в его речевом поведении, а неконтролируемые – в неречевом поведении субъекта. В разных вариантах нартских текстов неречевое поведение субъекта – нартского пастуха, охваченного страстью, манифестируется в языковых формах: *бэрэ къехъуапсэу къепльыгъ* ‘долго страстно смотрел’, *идэхэгъэ шлогъэшIэгъонэу къехъопсагъ* ‘ее красота была причиной страсти’, *зыфэмыIажэу дихъыхыгъ* ‘воспылал страстью’, *ыгу къэбырсырыгъ* ‘затрепетало его сердце’, *зэкIэм къызэкIэблагъ* ‘огонь охватил тело’.

Согласимся с мнением Е. К. Спицыной и К. А. Андреевой, что «эмоциональная доминанта концепта “страсть” передает значение скоротечности и непостоянства этого чувства» [14]. К примеру, в адыгском нартском эпосе встречаются примеры, передающие следующие значения концепта «страсть»: 1) значение «скорость, быстрота»: *зехъуапсэм, нэпсыр шуIэкIэкIи* ‘охватившись страстью, не совладал он с собой»; 2) значение «неуправляемость»: *къехъуэпсацэри инэпсыр хуэубыдыжакъым* ‘слишком увлёкся и не смог удержать своё семя»; 3) значение «сила и интенсивность чувства»: *зы чылэхъэ ткIопс псыкIыIумджэ къызыфегъачъэм* ‘когда в ее сторону пустил семя по поверхности воды’, *инэпсыр бгъурыль мывэм тыригъэхуац* ‘его семя на камень попало’.

Страсть может возникнуть при появлении предмета обожания. К примеру, главная героиня нартского эпоса Сатанай-гуаша, которая *дахэу, къабзэу, зэкужу цытац* ‘была красивой, чистой, аккуратно сложенной’ [15, с. 149], *лъэшэу дэхэгъ* ‘очень красивая была’, *ыкIышго фыжъ* ‘светлокожая’, *цIыхубз дахэт* ‘красивая женщина’ [15, с. 25], *шъузышуIу, дэхэ блэIигъгъэу цытыгъ* ‘благородная, неестественной красоты женщина’ [15, с. 27], *хъабз уд дахэр* ‘красивая сучка’ [15, с. 28], *гоцэ гъэшIэгъон* ‘интересная княгиня’, *гоцэ ебгэ шхъуахъ* ‘злая княгиня-проказница’ [15, с. 22], становится объектом страсти нартского пастуха, увидевшего ее на берегу реки: *Сэ сицIэкIэ къэхъуа гуэбдзэджым и хъопсэныгъэм куэдрэ жыжъгъэ пэтми къыхэкIац, – жиIац Сэтэней* гуашэ ‘Я была причиной его страсти; хоть и была я очень далеко, так случилось, – ответила Сатаней-гуаша’ [6, с. 190].

Нарт Саусырыко при виде одинокой красавицы Адыиф, оказавшись с ней под буркой, обошелся с ней как мужчина с женщиной: *Бзыльфыгъэ закъоу ахэтыр ыгу рихъыгъ*. <...> *Къэло-налом хэмышъу, зэрэхъугъэми гу лъамытэу лыгъэ-шыузыгъэкIэ Саусырыкьо бзыльфыгъэм дзэкIуагъ* [16, с. 167] – ‘Единственная женщина среди них понравилась ему. <...> Не вступая в разговор, не понимая, что делает, Саусырыко обошелся с ней как мужчина с женщиной’. Данный микротекст отражает страсть как одну из многих граней любви, охватившую разум, победившую гордость. Далее происходит удивительная трансформация страсти, которая переходит в «ответственность»: *Ац лыпытэу Саусырыкьо Iадыиф шыузыкIэ ыштэжьыгъ* [16, с. 167] – ‘После случившегося Саусырыко сразу же взял Адыиф в жены’.

О. С. Макарова и А. С. Гончаров считают, что «для многих Нартов страсть скорее соотносится с концептами “вера”, “уверенность”, “верность”, становясь при этом переходным аттрактором. Эти концепты образуют единое целое во всех отрывках, где описывается любовная линия главных героев» [17, с. 106]. Адыиф была уверена в правдивости действий первого мужа, поэтому верила ему и была верна до тех пор, пока эта уверенность не потеряла смысл. И тогда ее охватила страсть в значении «боль/ужас», которая заставила совершить следующие вербальные и невербальные действия: *Джы нэс мы дунаим илашIугъэ сыхэзгъэныгъэр, къычIэсхынышь хъамэ язгъэшхыцт, – ылуи къэм хъанцэ жицт тыритхъугъ* [16, с. 167] – ‘Того, кто до сих пор лишал меня сладости жизни, выкопаю и отдам собакам на съедение, – сказав, начала раскапывать могилу’.

Предметом обожания самой главной героини нартского эпоса становится «ЦВЕТОК», которую она увидела на бору и принесла домой: *Сэтэнай-Гуацэм къэгъэ дахэ горэ Пшызэ Iушьо, мэзблыгу горэм къотэу къыцилгъэгъугъ* [6, с. 95] – ‘Сатанай-Гуаша увидела **какой-то красивый цветок** на бору возле реки Кубань’. Она все сделала, чтобы окультурить ее и видеть каждый день у себя.

К примеру, предметом страсти трех голубей становится «ЯБЛОНЯ»: *Натыхэмэ дышгъэ чыгъ горэ ялагъэу къаIотэжьы* [6, с. 98] – ‘Рассказывают, что у нартов была одна золотая яблоня’. *Мафэ къэс зы мыIэрысэ къытыкIэтыгъ* [6, с. 98] – ‘Каждый день давала по одному яблоку’. Каждую ночь голуби прилетали и крали это яблоко, надеясь на то, что за ним придет суженый. Емынеж, узнав о яблоне, которое по сказанию *Сыфым игъашиIэ хэКырым фэдиз а мыIэрысэм къыхигъэхъожьэуцтыгъ* [6, с. 102] – ‘То яблоко добавляло в жизнь человека ровно столько, сколько уходило’, был охвачен страстью завладеть им. Сатанай-гуаша догадалась, что у Емынеж злые умыслы и отказала ему. Тогда, сказав: *Ац ишIуагъэ къысэмыкIынэу цытмэ, шьори къышьозгъэКынэл* [6, с. 102] – ‘Если мне не сможет оказать помощь, пусть и вам не помогает!’, вырубил золотую яблоню нартов.

Итак, источником страсти могут стать качества предметов:

1) *дэхагъэ* ‘красота’: *Сэтэнай-гуацэм къэгъэгъэ дахэ горэ, Пшызэ Iушьо <...> къыцилгъэгъугъ. «Мыц фэдиз зидэхгъэ къэгъэгъэр тиунэ пчъэлупэ IузгъэтIысхъанышь, зылгъэгъурэм ыгъэшагъоу Iорэт!» – ылуи ядэжь (Сэтэнай – прим. А. С.) къыхыгъагъ* [6, с. 95] – ‘Однажды Сатанай-гуаше на побережье Кубани **красивый цветок** <...> увидела. «Посажу-ка я этот **необычайной красоты** цветок перед входом в наш дом, пусть растет на удивление всем!» – сказав, принесла к себе домой’;

2) *шэн-сэн гъэшIэгъон* ‘волшебные качества’: *шэн-сэн зэмылIэужыгъохэр* ‘разные волшебные качества’ [6, с. 102], *къызэрыкIоу цытыгъэп* ‘не простое’ [6, с. 102], *изыбгъу – плъыжьыгъэ, изыбгъу – фыжьыгъэ* ‘одна сторона – красная, одна сторона – белая’ [6, с. 98];

3) функции и возможности предмета: *гъэ мэзыхым <...> хахъоу, адырэ мэзыхым <...> хагъоу – зы мыIэрысэ <...> къытыкIэуцтыгъ* ‘в течение шести месяцев <...> увеличивалось, в течение шести месяцев <...> уменьшалось’ [6, с. 103]; *Шъузы мыльфэм / Фыжьэр зэрэIофэу – / Шъхъац дэнэфэу / Пиъашигъэ ац къыфэхъу, / Шъузы мыльфэм / Плъыжьэр зэрэIофэу / Шъзофыцхъу – / Нат шъаор къельфы!* [6, с. 103] – ‘Бесплодная женщина, /

Белую сторону отведав, – / С шелковистыми волосами / Девочку родит, / Бесплодная женщина, / Красную сторону отведав, / Мальчика добротного – / Нартского сына родит’. При описании функций предметов используются целые синтаксические конструкции, противопоставления антонимичных слов и т. д.

Страсть может принимать и отрицательную семантику: *гур изыхэу* ‘жуть’, ‘устрашающий’: (описание внешности Еригуна): *Гур изыхэу ынэтлэгэу, / Ямышлыкэу зы нэ ис, / Унэ шлунклым исмэ, / Зэрысыри ыгээнэфэу, / Чэциым, шлунклым кыхахъэмэ, / Мафэм фэдэу нэфы ышлэу* [6, с. 197–198] – ‘Устрашающий на лбу, / Своеобразный глаз один, / Окажись он в темной комнате, / Сразу станет светло, / Окажись он ночью в темноте, / В ясный день он превратит её’.

В нартском эпосе адыгов верным другом, ближайшим помощником и объектом обожания каждого нарта является конь, который в любой ситуации помогает выжить, ради которого нарт мог пойти на смерть. Нарт никогда не бросит своего коня, даже в случае его гибели. А если он все же потеряет коня, то его по этикету считали при жизни умершим. Об этом свидетельствует данная референция, отражающая нартский обычай: *Нарт хэбзэ гээнэфагэу цыфхэм ахэлыгыгь. <...>. Ишы темысыжэу, лэсэу кьаклоу кьыдэхъажэбырэр, мылагэу, улагэу темытэу, кьыздэхъажэдыжэрэ, «лагэу» алоты, фэтхъаусхэхэти, унэм кымыклынэу цагуиклын Иофы нэпэмыкыдыджэрэ цаум алээгъоу дэмытынэу, гьомлапхэу фахыызэрэ унэм цышкэу олэжыфэдэжэ «цылэ-лагэу» ралоу цытыгыгь* [18, с. 180–181, 243] – ‘Среди людей бытовал нартский обычай. <...> Того, кто пешим ходом, не на коне, здоровый, без всякой раны, вернется, считали «умершим», соболезновали ему, запрещали без всякой нужды выходить во двор, носили ему в дом еду, до смерти называли его «умершим при жизни’». Следующий микротекст отражает страсть, наполнившую все сердце любовью и уважением к данному анималистическому образу: – *А сипкэгьолэжэ, о узыцэлэм сэ сытхыцтыгыгь, джы о уцылэжээти, сэ усхын, ылуи, пкэгьолэжээр ыпшэдакэ дильхы, цыумэ аклэлэжэжэжы, зыдэклонхэ фаем ежэ апэу нэсыгыгь* [6, с. 202] – ‘О мой конь Пчеголеж, пока ты был жив, меня носил, теперь ты умер, я тебя поношу, сказав, закинул коня на шею, погнался за всадниками, обогнал их и пришел первым на место’.

Заключение

Итак, концепт «НАРТ» является ядром антропонимической системы адыгского нартского эпоса и широкого гнезда концептов, таких, как «ГЕРОИЗМ», «ВОИНСТВЕННОСТЬ», «МУЖЕСТВО», «ВЗАИМОПОМОЩЬ». В то же время, он связан с такими базовыми дискурсообразующими эмоциональными концептами как «ЛЮБОВЬ», «СТРАСТЬ», «ВЕРА», «УВЕРЕННОСТЬ», «ВЕРНОСТЬ». Любовь и страсть для нартов – соотносимые концепты. Концепт «СТРАСТЬ» в адыгском нартском эпосе обладает собственным набором контролируемых и неконтролируемых реакций нарта. Ключевыми значениями концепта «СТРАСТЬ» являются «скорость и быстрота чувства», «неуправляемость», «сила и интенсивность чувства», «охвативший разум», «победивший гордость», «любовь и уважение». Лексическое значение «ужас/жуть/ужасающий» актуализировано в некоторых микротекстах эпоса, описывающих устрашающий внешний вид эпического персонажа.

Литература

1. Почепцов, О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110–122.
2. Буянова, Л. Ю. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность. – Ставрополь : СГУ, 2010. – 283 с.
3. Бижева, З. Х. Адыгский фольклор и этнолингвокультурология // Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры и языка : сборник научных статей / ответственный редактор М. М. Паштова. – Нижний Архыз : ИП «Паштов З. В.», 2015. – С. 55–59.

4. Абросимова, Л. С., Редкозубова, Е. А. Когнитивные основания словообразовательной мотивации // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3 : Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (20–21 апреля 2023 г.). – Часть II. – С. 21–25.
5. Altruova, A. Sh., Nurekeshova, G. R. Folklore discourse as a special type of collective speech // International scientific review of the problems and prospects of modern science and education: collection of scientific articles LVI International correspondence scientific and practical conference (Boston, USA, March 24–25, 2019). – Boston : Problems of Science, 2019. – P. 58–62. (На англ. яз.)
6. Нарты. Адыгский эпос. Собрание текстов в семи томах. Т. 1 / систематизация, составление, вступительный очерк и комментарии А. М. Гадагатля. – Майкоп : ООО «Полиграф-Юг», 2017. – 296 с. (На адыгском яз.)
7. Формы бытования ста собственных имен адыгского народного эпоса «Нарты» и вариации их произнесения у других народов, живущих на Кавказе, и убыхов, находящихся в Анатолии (Таблица 1) // Гадагатль А. М. Героический эпос «Нарты» и его генезис. – Краснодар : Кн. изд-во, 1967. – С. 425–429.
8. Анчек, С. Х. Адыгский фольклор как этнокультурный феномен: когнитивный и лингвокультурный аспекты. – Майкоп : ООО «Полиграф-Юг», 2022. – 264 с.
9. Миронов, А. С. Картина мира русского эпического сознания: цивилизационные особенности // Культурное наследие России. – 2018. – № 4. – С. 36–42.
10. Сказания и сказки адыгов / составление, вступительная статья и комментарии Ш. Х. Хута ; перевод с адыгского Ш. Хута и А. Алиевой. – Москва : Современник, 1987. – 320 с.
11. Тов, Н. А. Семья в адыгской культуре в контексте приобщения подрастающего поколения к традициям этноса // Сохранение и развитие национального языка в условиях глобализации: современные методы и технологии : материалы V Международной научно-методологической конференции, посвященной Международному десятилетию языков коренных народов (2022–2032) (Майкоп, 14–16 марта 2023 г.) / научный редактор-составитель С. Х. Анчек. – Майкоп : Изд-во Магарин О. Г., 2023. – С. 219–223.
12. Тхаркахо, Ю. А. Русско-адыгейский словарь : в 2 томах. Т. I : А – Н. – Майкоп : ГУРИПП «Адыгея», 2004. – 892 с.
13. Тхаркахо, Ю. А. Русско-адыгейский словарь : в 2 томах. Т. II : О – Я. – Майкоп : ООО «Качество», 2015. – 1025 с.
14. Спицына, Е. К., Андреева, К. А. Сопоставительный анализ эмоциональных доминант в репрезентации концепта «СТРАСТЬ/PASSION» (На материале произведений А. Н. Толстого «Хождение по мукам» и Г. Д. Лоуренса «Влюбленные женщины») // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2015. – Т. 1. – № 3. – С. 89–98.
15. Нарты. Адыгский эпос. Том 2 / ответственный редактор А. Б. Чуяко. – Майкоп : ООО «Полиграф-Юг», 2017. – 304 с. (На адыгском яз.)
16. Нарты. Адыгский эпос. Том 5 / ответственный редактор Д. Г. Кастанов. – Майкоп : Адыгейская областная типография управления по печати Краснодарского крайисполкома, 1970. – 336 с. (На адыгском яз.)
17. Макарова, О. С., Гончарова, А. С. Анализ базисных культурных концептов и ценностных аттракторов эпоса «Нарты» в поиске историко-культурного пути развития народов Северного Кавказа // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2020. – № 4. – С. 96–110.
18. Нарты. Адыгский эпос. Том 6 / ответственный редактор Д. Г. Кастанов. – Майкоп : Адыгейская областная типография управления по печати Краснодарского крайисполкома, 1971. – 330 с. (На адыгском яз.)

References

1. Pocheptsov, O. G. Linguistic mentality: a way of representing the world. *Voprosy Jazykoznanija*. 1990, no. 6, pp. 110–122. (In Rus.)
2. Buyanova, L. Yu. Terminological derivation in the language of science: cognitiveness, semioticity, functionality. *Stavropol, Stavropol State University Publ.*, 2010, 283 p. (In Rus.)
3. Bizheva, Z. H. Adyghe folklore and ethnolinguoculturology. In: *Problems of preserving Circassian folklore, culture and language: collection of scientific articles*. Ed. by M. M. Pashtova. Nizhny Arkhyz, “Pashtov Z. V.” Publ., 2015, pp. 55–59. (In Rus.)

4. Abrosimova, L. S., Redkozubova, E. A. Cognitive bases of word-formation motivation. *Cognitive studies of language*. 2023, no. 3: Cognition, communication, discourse: modern aspects of research: proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation (April 20–21, 2023), part II, pp. 21–25. (In Rus.)
5. Altruova, A. Sh., Nurekeshova, G. R. Folklore discourse as a special type of collective speech. In: International scientific review of the problems and prospects of modern science and education: collection of scientific articles LVI International correspondence scientific and practical conference (Boston, USA, March 24–25, 2019). Boston, Problems of Science Publ., 2019, pp. 58–62.
6. Narts. Adyghe epic. Collection of texts in 7 volumes. Vol. 1. Systematization, compilation, introductory essay and comments by A. M. Gadagatl. Maikop, LLC “Poligraf-Yug” Publ., 2017, 296 p. (In Adyghe)
7. Forms of a hundred proper names of the Adyghe folk epic “Narts” and variations of their pronunciation in other peoples living in the Caucasus and Ubykhs in Anatolia (Table 1). In: Gadagatl, A. M. Heroic epic “Narts” and its genesis. Krasnodar, Book Publ. House, 1967, pp. 425–429. (In Rus.)
8. Anchek, S. Kh. Adyghe folklore as an ethnocultural phenomenon: cognitive and linguocultural aspects. Maikop, LLC “Poligraf-Yug” Publ., 2022, 264 p. (In Rus.)
9. Mironov, A. S. The world picture of Russian epic consciousness: civilizational features. *Cultural Heritage of Russia*. 2018, no. 4, pp. 36–42. (In Rus.)
10. Tales and fairy tales of the Adyghe. Compilation, introductory article and comments by Sh. H. Huta; translation from Adyghe by Sh. Huta and A. Alieva. Moscow, Sovremennik Publ., 1987, 320 p. (In Rus.)
11. Tov, N. A. Family in Adyghe culture in the context of familiarizing the younger generation with the traditions of ethnos. In: Preservation and development of the national language in the conditions of globalization: modern methods and technologies : materials of the V International scientific and methodological conference dedicated to the International Decade of Indigenous Languages (2022–2032) (Maikop, March 14–16, 2023). Scientific editor-composer S. Kh. Anchek. Maikop, Magarin O. G. Publ., 2023, pp. 219–223. (In Rus.)
12. Tkharkakho, Yu. A. Russian-Adygean dictionary: in 2 volumes. Vol. I: A–N. Maikop, “Adygeya” Publ., 2004, 892 p.
13. Tkharkakho, Yu. A. Russian-Adygean dictionary: in 2 volumes. Vol. II: O–Ya. Maikop, LLC “Kachestvo” Publ., 2015, 1025 p.
14. Spitsyna, E. K., Andreeva, K. A. Comparative analysis of emotional dominants in the representation of the concept “PASSION” (On the material of A. N. Tolstoy’s “The Walking in Pains” and G. D. Lawrence’s “Women in Love”). *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*. 2015, vol. 1, no. 3, pp. 89–98. (In Rus.)
15. Narts. Adyghe epic. Vol. 2. Ed. by A. B. Chuyako. Maikop, LLC “Poligraf-Yug” Publ., 2017, 304 p. (In Adyghe)
16. Narts. Adyghe epic. Vol. 5. Ed. by D. G. Kastanov. Maikop, Adygea Regional Printing House of the Press Department of the Krasnodar Regional Executive Committee Publ., 1970, 336 p. (In Adyghe)
17. Makarova, O. S., Goncharova, A. S. Analysis of basic cultural concepts and value attractors of the epic “Narts” in the search for the historical and cultural way of development of the peoples of the North Caucasus. *Moscow University Translation Studies Bulletin*. 2020, no. 4, pp. 96–110. (In Rus.)
18. Narts. Adyghe epic. Vol. 6. Ed. by D. G. Kastanov. Maikop, Adygea Regional Printing House of the Press Department of the Krasnodar Regional Executive Committee Publ., 1971, 330 p. (In Adyghe)

Г. Н. Ягафарова

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН

МЕЖДОМЕТИЯ В СТРУКТУРЕ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА (на примере перевода якутского олонхо на башкирский язык)

Аннотация. В статье ставится цель проанализировать языковую специфику междометий в структуре фольклорного текста. В качестве материала взят выдающийся якутский героический эпос олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», созданный П. А. Ойунским. Данный эпос был переведен на башкирский язык в рамках проекта «Издание взаимопереводов эпосов народов мира». Задачи исследования заключаются в выявлении междометий, которые используются в олонхо; в стремлении установить грамматические и семантические особенности междометий, специфика которых обнаруживается при переводе эпического произведения с якутского на башкирский язык. Для решения поставленных задач в работе в качестве основного используется метод сравнительного анализа, а также функционально-семантический метод. С их помощью устанавливаются языковые нюансы перевода с одного тюркского языка на другой, выясняется, какими средствами наиболее адекватно передается оригинальный текст в переводе. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучить языковые возможности достижения адекватности или эквивалентности текста при переводах фольклорных эпических произведений с родственных языков, в т. ч. с учетом особенностей перевода отдельных частей речи. Новизна исследования заключается в том, что впервые междометия башкирского и якутского языков, используемые в фольклорном тексте, подвергаются анализу в аспекте перевода. Подобное изучение способствует более глубокой проработке в сравнительном плане функционально-семантических возможностей целой тематически организованной группы слов в родственных языках, помогает выявить их жанровое языковое своеобразие, присущее конкретным языкам. Междометия передают чувства, душевные переживания героев произведения, классифицируются на универсальные, понятные всем языкам, общие для тюркских языков или специфические (такие составляют большинство). Отнесенность междометий к безэквивалентной лексике обусловила их передачу в процессе перевода посредством транскрипции, грамматически не изменяя слова, что обеспечивает сохранность самобытности, национальной специфики и культурного колорита текста-источника. Оригинальные, глубоко национальные междометия, используемые в олонхо, способствуют воссозданию уникального мира олонхо, помогают постичь глубокие тайны духовного наследия якутов, а перевод позволяет другим народам прикоснуться к духовной сокровищнице народа. Представленное исследование имеет перспективу для дальнейшего изучения особенностей функционирования частей речи в языке фольклора.

Ключевые слова: лингвофольклористика; язык фольклора; тюркский эпос; тюркские языки; перевод фольклорного текста; олонхо; междометия; якутский язык; башкирский язык; адекватность перевода

Для цитирования: Ягафарова Г. Н. Междометия в структуре фольклорного текста (на примере перевода якутского олонхо на башкирский язык) // Эпосоведение. 2023. № 3. С. 14–26. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-14-26.

© Ягафарова Г. Н., 2023

© Yagafarova G. N., 2023

ЯГАФАРОВА Гульназ Нурфаязовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом языкознания, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия. ORCID: 0000-0003-4363-2940. E-mail: rishrinat@mail.ru

YAGAFAROVA Gulnaz Nurfayezovna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Linguistics, Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia. ORCID: 0000-0003-4363-2940. E-mail: rishrinat@mail.ru

G. N. Yagafarova

Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature –
Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the RAS

Interjections in the structure of folk text (on the example of the translation of the Yakut olonkho into the Bashkir language)

Abstract. The article aims to analyze the linguistic specificity of interjections in the structure of a folklore text. The material used is the outstanding Yakut heroic epic olonkho *Nyurgun Bootur the Swift*, created by Platon Oyunsky. This epic was translated into the Bashkir language as part of the project “Publishing mutual translations of epics of the peoples of the world”. The objectives of the study are to identify interjections that are used in olonkho; in an effort to identify the grammatical and semantic features of interjections, the specifics of which are revealed when translating an epic work from Yakut to Bashkir. To solve the assigned problems, the main method used in the work is comparative analysis, as well as the functional-semantic method. With their help, the linguistic nuances of translation from one Turkic language to another are established, and it is found out by what means the original text is most adequately conveyed in translation. The relevance of the study is due to the need to study the linguistic possibilities of achieving adequacy or equivalence of the text when translating folk epic works from related languages, including taking into account the peculiarities of the translation of individual parts of speech. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the interjections of the Bashkir and Yakut languages used in folklore texts are analyzed in the aspect of translation. Such a study contributes to a deeper comparative study of the functional-semantic capabilities of an entire thematically organized group of words in related languages, and helps to identify their genre linguistic identity inherent in specific languages. Interjections convey the feelings and emotional experiences of the characters in the work; they are classified into universal, understandable to all languages, common to Turkic languages, or specific (these make up the majority). The classification of interjections as non-equivalent vocabulary determined their transmission during the translation process through transcription, without grammatically changing the words, which ensures the preservation of the originality, national specificity and cultural flavor of the source text. The original, deeply national interjections used in olonkho help to recreate the unique world of olonkho, help to comprehend the deep secrets of the spiritual heritage of the Yakuts, and translation allows other peoples to touch the spiritual treasury of the people. The presented research has prospects for further study of the peculiarities of the functioning of parts of speech in the language of folklore.

Keywords: lingua-folkloristics; folklore language; Turkic epic; Turkic languages; translation of folklore text; olonkho; interjections; Yakut language; Bashkir language; adequacy of translation

For citation: Yagafarova G. N. Interjections in the structure of folk text (on the example of the translation of the Yakut olonkho into the Bashkir language). *Epic studies*. 2023; (3): 14–26. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-14-26.

Введение

Фольклор как кладезь народной мудрости важен не только в аспекте нравственно-духовных ценностей этноса. Устное народное творчество является источником языкового богатства, аккумулируя в себе многообразие слов и смыслов с обширным потенциалом для пополнения лексического состава языка.

Каждый элемент языка в его структуре не случаен. Грамматически слова принято подразделять по частеречной принадлежности, считая самостоятельные части речи несущими основную информацию о мире. Однако, как показывают исследования, языковые нюансы – смысловые, эмоционально-экспрессивные, синтаксические – заключены в служебных частях речи, наличие которых в предложениях может сместить акцент с одного значения на другой, а иногда даже проявить противоположную семантику. К числу служебных слов относятся междометия – выразители душевных, эмоциональных состояний человека. Их главная функция заключается в том, что они намеренно или произвольно выказывают чувства человека, помогают сформировать

эмоциональную, экспрессивную сторону речи. Поскольку произведения, фольклорные или литературные, призваны воздействовать на чувства других, то роль междометий в них огромна. В данной статье мы ставим целью проанализировать языковую специфику междометий в структуре фольклорного текста на примере перевода текста выдающегося якутского героического эпоса олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского на башкирский язык. Задачи исследования заключаются в выявлении междометий, которые используются в олонхо, определении их грамматических и семантических особенностей, обнаруживающихся при переводе эпического произведения с якутского на башкирский язык, установлении способов перевода, обеспечивающих точность перевода. Для решения поставленных задач в работе в качестве основного используется метод сравнительного анализа, который дает возможность проследить, как наиболее точно передается оригинальный текст в переводе, а также функционально-семантический метод. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучить языковые формы достижения адекватности или эквивалентности текста при переводе фольклорного эпического произведения с родственных языков. Новизна исследования заключается в том, что впервые междометия башкирского и якутского языков, используемые в фольклорном тексте, подвергаются анализу, что дает возможность глубже изучить в сравнительном плане функционально-семантические возможности целой тематически специфической группы слов.

Под междометиями принято считать особую служебную часть речи, объединяющую слова и выражения, в которых отражается эмоциональное отношение субъекта речи к объекту речи. В отличие от самостоятельных частей речи, междометия не называют явлений реальности, им не свойственна номинативная функция, они призваны показать эмоциональное состояние человека, облечь в словесную форму оценочное суждение. Значения междометий тесно связаны с контекстом, одно и то же междометие может выражать самые различные эмоции. Например, в словаре В. И. Даля у наиболее частотного междометия *ой* указаны самые различные случаи использования: *ой* – междометие боли либо испуга и недоумения, изумления, сомнения; негодования [1, ст. 1702]. В лингвистике междометия изучаются, классифицируясь по структуре, происхождению, разновидностям, в соответствии с этим выделяются когнитивные, эмоциональные, императивные; простые, сложные или составные; производные и непроизводные их разновидности. Несмотря на существующие специальные исследования по междометиям, их лингвистический статус в разных языках определяется по-разному, например, в числе междометий часто рассматриваются звательные слова, отдельные клишированные речевые формулы, этикетные выражения.

В башкирской лингвистике междометия неоднократно становились предметом исследования. В работах Х. Г. Юсупова [2; 3] анализируется система междометий башкирского языка в целом и в структуре фразеологических оборотов. В монографии Б. С. Саяргалиева [4] междометия изучаются среди других служебных частей речи, в ней определяются их грамматический статус и семантические особенности. Специальные исследования междометиям посвятили З. Г. Ураксин [5], М. В. Зайнуллин [6]; Г. А. Исянгуловой подготовлена монография по междометиям и подражательным словам [7]. В данных работах решаются вопросы выделения, классификации и семантического разнообразия междометий башкирского языка. Однако, будучи частью речи, значение элементов которой в большей мере зависит от контекстного окружения, на наш взгляд, не до конца проработаны вопросы, связанные с выявлением функций, семантических оттенков, стилистической принадлежности междометий. В частности, башкирские междометия вовсе не рассмотрены с точки зрения лингвофольклористики, а также не анализировались в аспекте переводоведения. В данной статье предпринимается попытка охарактеризовать междометия в структуре фольклорного текста с точки зрения выполняемых ими функций, языковой специфики, обнаруживающейся при переводе фольклорных произведений с якутского на башкирский язык.

Междометия в башкирском фольклоре

Одной из основных функций произведений словесного искусства является стремление донести до слушателей информацию, знания или сведения доступно и эффективно, воздействуя на чувства других людей через слова и выражения. Это относится к произведениям фольклора, которым свойственно влиять на окружающих через образные описания героев и персонажей, через их речь. Воздействие осуществляется на уровне эмоций, при этом эмоциональность воссоздаётся через многие средства, среди которых выделяются междометия как слова, содержащие уже в своей семантике определенные эмоции, чувства. Таким образом, становится понятно, что в фольклорном тексте отводится немалая роль междометиям. Они выполняют различные функции: придают исполнению характерную тональность, помогают ярче передать содержание текста, настраивают слушателей на требуемый лад, облегчают им восприятие текста. Специфические значения, присущие междометиям, находят отражение в словарях. Так, у междометия *ай* в «Академическом словаре башкирского языка» указаны следующие значения: испуг; сожаление, огорчение, боль, страдание; возмущение, недовольство; радость, восхищение, изумление; особо отмечено использование слова в народных песнях, кубаирах для усиления эмоциональности и дополнения размера стиха [8, с. 170].

В произведениях обычно используется стандартный арсенал междометий (подсчитано, что в башкирском языке имеется порядка 70 корневых междометий, от которых произошли и другие производные [9, с. 336]). В произведениях фольклора применяется лишь малая их часть (*ай, ау, эй, хай, эй*). Использование междометий наблюдается в каждом жанре башкирского фольклора, так как сфера устного народного творчества строится на раздумьях, личностном восприятии окружающего мира индивидом, включающего в себя эмоции и необходимость ими поделиться. К примеру, некоторые малые фольклорные жанры, к числу которых относятся *кулямасы* (шуточные прозаические произведения), целиком основаны на выражаемых междометиями эмоциях:

– <i>Кайза йәшәйһең?</i>	– Где живешь?
– <i>Мәскәүҙә.</i>	– В Москве.
– Оһо! <i>Кайза эшләйһең?</i>	– Ого! Где работаешь?
– <i>Министрлыҡта.</i>	– В министерстве.
– Оһо-һо! <i>Кем булып эшләйһең?</i>	– Ого-го! Кем ты работаешь?
– <i>Сапкынсы булып.</i>	– Курьером.
– Иһу-һий генә-ә... [10, с. 328]	– Ихи-хии... ¹

В таком лирическом жанре, как песни, содержание которых связано с передачей переживаний, настроения и чувств человека, междометия приобретают характер маркера душевного состояния исполнителя или автора. Из песни «Ай-хай да, Бибиамиля» («Ай-хай за, Бибиамилә»):

<i>Күңелкәйең миңә бик һалкын.</i>	Твоя душа ко мне очень холодна.
<i>Һинең генә күңелең, ай, һалкынға,</i>	К твоей душе, ах , холодной,
<i>Ай-хай за, Бибиамилә,</i>	Ай-хай да, Бибиамиля,
<i>Йөрәгемдә яна ут-ялҡын</i> [11, с. 113].	В моей душе пылает огонь и пламя.

При этом обращает внимание на себя тот факт, что в песнях определенной тематики выделяются те или иные наиболее частотные междометия. К примеру, в исторических песнях,

¹ Здесь и далее переводы примеров с башкирского языка на русский и с русского языка на башкирский осуществлены автором статьи.

в песнях о родном крае особенно часто встречаются *ай, эй*, выражающие особое отношение к раздолью родной земли, в традиционных протяжных песнях помогающие воссоздать величие родных просторов, родины, Урала:

<i>Урал буйкайзары, ай, урманлык, Кошкайзары найрай башинда.</i>	Вдоль по Уралу, ах , леса, Птицы на верхушках все поют.	«Урал» [11, с. 27]	«Урал»
<i>Гакмар гына буйы, ай, тау-урман...</i>	Вдоль по Сакмаре, ах , горы, леса...	«Искэндэр» [11, с. 45]	«Искандер»
<i>Сэзе буйыкайы, ай, киң ялан...</i>	Раскинулись луга, ах , вдоль Саз-реки...	«Сэзе буйы» [11, с. 33]	«Берега реки Чижиги»

Богатырская сила и удаль передаются через мужественное *хай* («Урал»):

<i>Ерен-һыуын һаклап, хай, һуғыша Киң күкрәкле башкорт балаһы</i>	Защищая свою землю и воду, хай , сражается Широкогрудый башкирский богатырь.	[11, с. 27].
---	--	--------------

Женская красота, стыдливость и скромность должны угадываться через междометие *ай-хай* («Бибибайнур» («Бибибайнур»)):

<i>Ай-хай, Бибибайнур, Сылтыр-сылтыр силәге</i>	Ай-хай , Бибибайнур, Полны ведра до краев.	[11, с. 109].
---	--	---------------

Как видим, отличительной особенностью этих междометий является то, что они встречаются и в начале, и в середине, и в конце предложения.

Кроме того, среди междометий выделяется группа слов, очень ярко демонстрирующая эмоции слушателей в виде одобрения, воодушевления исполнителя, радость и восторг от услышанного: *вай, вэй, вэ-һэй, вэшкэй, үзшкэй*, сочетаний *эйе, эйе лә* 'ой да', *ана шулай* 'вот так', *хай йыр* 'ах песня', *шулай тиген* 'так скажи', *эйт шуны* 'скажи это', *афарин* 'молодец', *маладис* 'молодец' и т. д. Например: *Ғилаждың ағаһы озон бер көйгә йырлап ебәрзе. – Үҙш-кә-ә-эй. Эйт шуны... Афарин! – кунактар йырзы күтәрәп ебәрзеләр* 'Брат Гилажа затянул песню на длинную мелодию. – Ваш-ка-а-ай. Так скажи... Молодец! – гости поддержали песню' (Дж. Киекбаев, «Родные и знакомые») (об этом подробнее см. [12]).

В тексте такого серьезного произведения, как эпос, мы видим не меньшую функциональную нагрузку междометий. Применяемые чаще всего в диалогах, прямой речи персонажей междометия ярче показывают отношение героя к тому, что он говорит и к кому обращается. Примечательно, что использование междометий характерно и женским, и мужским персонажам, лексический состав однотипен, без разделения по гендерным показателям. Из эпоса «Алпамыша и Барсынхылу»:

<i>Ай атайым, вай атайым, Алты йәшәр Алпамышаң, Ай атайым, вай атайым, Кыл ерәнде бирсе, атайым. Кылтаба агай өйөрөнән Кыл ерәнде бирсе, атайым</i>	Ай , отец мой, вай , отец мой, Шестилетний Алпамыша, Ай , отец мой, вай , отец мой, Рыжего коня дай мне, отец мой. Из косяка дяди Кылтаба Рыжего коня дай мне, отец мой.	[13, с. 38].
---	---	--------------

Рассмотренные здесь произведения – стихотворного характера, что накладывает свой отпечаток и на функциональную нагрузку междометий: помимо экспрессивной оценки, в поэтическом тексте междометия также служат для образования строфы, ритмики произведения.

Таким образом, междометия в башкирском устном народном творчестве играют определенную роль, заключая в себе особые поэтические и эмоционально-экспрессивные функции. Следует подчеркнуть, что семантика башкирских междометий в структуре фольклорного поэтического текста еще ждет своих исследователей.

О переводе олонхо на башкирский язык

В последние годы ведется масштабная работа по переводу тюркских сказаний с одного языка на другой. Проект «Издание взаимопереводов эпосов народов мира» был запущен по инициативе якутских коллег, в его рамках до настоящего времени были осуществлены переложения таких значительных уникальных фольклорных произведений тюрков, как «Манас» – на башкирский, якутский, «Маадай Кара», «Урал-батыр» – на якутский, «Нюргун Боотур Стремительный» – на кыргызский, алтайский, башкирский языки. Перевод героического якутского эпоса олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» на башкирский язык был выполнен сотрудниками Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской Академии наук (ИИЯЛ УФИЦ РАН) [14].

Несмотря на то, что оба языка – и якутский, и башкирский – относятся к тюркским языкам, их фонетико-морфологический и лексический состав довольно далеки друг от друга: якутский язык входит в якутскую подгруппу уйгуро-огузской (по классификации Н. А. Баскакова) группы или относится к условно выделяемой «северо-восточной» группе, а башкирский язык – к кыпчакской группе тюркских языков [15]. «Имея некоторые весьма характерные особенности, общие с древними языками – древнеогузским, древнеуйгурским – и новыми – тувинским, хакасским, башкирскими языками, якутский язык обладает в большей мере чертами расхождения с другими тюркскими языками» [15, с. 282]. В связи с этим затрудняется непосредственный перевод с одного языка на другой, и именно поэтому в качестве оригинала был взят текст издания на русском языке «Нюргун Боотур Стремительный: Якутский героический эпос олонхо» (Якутск, 1982) [16]. Данный вариант эпоса был воссоздан в 1920–1930 гг. талантливым олонхосутом П. А. Ойунским из известных ему вариантов олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» («Дьулуруйар Ньургун Боотур»). Вариант состоит из девяти песен, написан полностью стихотворным текстом (свыше 36 000 строк), отличается сюжетной полнотой, в нем имеются мотивы, не встречающиеся в вариантах других олонхосутов. «В этом монументальном произведении сохранены дух и стиль народного эпоса, а в центральном образе Нюргуна, богатыря и защитника племени и всех обиженных на земле, переданы основные идеалы олонхо», – указывается в учебном пособии по олонховедению, составленному известными исследователями олонхо В. В. Илларионовым и Т. В. Илларионовой [17]. Поэтому выбор именно данного варианта олонхо не случаен.

Конечно, русский перевод, мастерски выполненный выдающимся поэтом-переводчиком В. В. Державиным, не смог передать те языковые особенности оригинального произведения, которые помогли организовать строгую внутреннюю структуру якутского варианта олонхо. Так, перевод на типологически другой язык не дал возможности В. В. Державину сохранить уникальную вертикальную аллитерацию, пронизывающую текст П. А. Ойунского и являющуюся характерной чертой данного варианта [18]. Тем не менее, сказание, включенное в список шедевров устного и нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО, красочно воссоздает живописный рассказ о мироздании и мировосприятии якутов: в нем представлен удивительный эпический мир со сложной системой образов, стройное повествование ведется с начала времен, описывая извечную борьбу добра и зла. В воссоздании эпического полотна немаловажная роль отводится языку произведения, посредством которого достигается уникальность и своеобразие олонхо.

Междометия в структуре фольклорного текста: специфика использования

Язык фольклора представляет собой отдельную подсистему общенародного языка, отличающуюся от литературного, диалектного или разговорного языков. Его особенности складываются и отшлифовываются веками, более того, каждый жанр устно-поэтического творчества народа приобретает узнаваемые черты, которые характеризуют его именно как отдельный жанр. В отношении олонхо – неповторимого памятника духовной культуры якутов – исследователь А. А. Васильева писала: «Эпический мир олонхо состоит из пространственных картин, мифологических представлений, устойчивых сюжетных мотивов, узнаваемых образов. Данные объекты эпического мира имеют словесное воплощение в виде уникально организованного текста, состоящего из системы безэквивалентной лексики, в переводе называемых реалиями; устойчивой образности в виде постоянных эпитетов, метафор и т. п.; эпических формул, состоящих из традиционных описаний, построенных из аллитерованных синтаксических параллелизмов. Всё это формирует уникальный стиль олонхо, признаки которого необходимо в той или иной мере передать при переводе на другие языки, в т. ч. и на русский» [19, с. 47]. Уникальность стиля олонхо достигается посредством различных языковых средств, среди которых выделяются многочисленные междометия и междометные слова, служащие языковым средством создания не только образа, но и эпического мира олонхо. Междометия являются существенными структурными компонентами в олонхо, выступая вводными словами к значимым разделам эпоса, зачином смысловых частей, началом речи персонажей, обращениями, воззваниями. Вне зависимости от того, где они используются, их функции сводятся к довольно определенным моментам. Рассмотрим их подробнее.

1. Междометия в якутском тексте вводятся при необходимости подготовить слушателей к дальнейшему повествованию, к его специфической тональности. В олонхо они используются как вступительные слова к песням, например, в песне Горбатой Бёглюкээн:

Исиллигим-тасыллыгим!

Башка худа – совсем беда!

Бай-бай, сынок, засыпай! [16, с. 19]

В данном примере применено междометие, являющееся специфичным припевом-запевом женщин племени *абаасы* (чудовищ). Оно настраивает на печальный лад. В тексте олонхо подобных запевов множество. Имея своеобразную устоявшуюся семантику, при переводе все они оставляются без изменений, тем самым способствуют вхождению в мир культуры якутов.

Алаата (алаатыгар) – междометие, выражающее удивление, удовольствие, испуг, досаду, сожаление. В олонхо часто служит запевом песнопений персонажей-абаасы.

Алаатыгар-улаатыгар – припев песнопений женщин-абаасы, выражающий их неумную восторженность и бурное проявление чувств.

Бой-Бой! – запев песнопений богатырей.

Джэ буо (дьэ буо) – в олонхо запев песнопений персонажей *айыы* (людей и божеств); *дьэ* ‘вот; вот, ну’; *буо* от *бу* ‘вот, вот этот, такой’.

Кёр бу (көр бу) ‘смотри вот’ – запев песнопений богатырей-айыы.

Следует отметить, что подобных специфических, присущих конкретным образам зачинов песнопений в башкирском фольклоре не наблюдается, поэтому не представляется возможным подобрать абсолютно эквивалентный перевод. Можно лишь отметить наличие приблизительно равных по смысловой нагрузке междометий, используемых в протяжных песнях, например, в «Гарипкул» («Гәрипкол»):

Э-эй... Силбекэйзазең аръягында
Гызылып ук ята тимер юл.

Э-эй... Егет, мескен, китэ, ай, илдэргэ –
Ризык-нэфэкэ язган ерзэргэ [11, с. 52–53].

Э-эй... За Челябинском
Вытянулась железная дорога.

Э-эй... Егет, бедняжка, идет, ах, по свету –
Туда, куда его ведет судьба.

По-видимому, значения и переводы запевов песнопений якутского языка в настоящее время требуют дальнейшего изучения, сопоставления с данными других языков. Так, запев *бууйака* (*бууйа*) – запев песнопений богатырей, обычно из племени абаасы, в комментариях к русскому тексту находит уточнение: «*Буйа-буйака* – это не простой запев, а произнесение краткой сакральной формулы богатырского приветствия или заклятия, что видно из продолжения: *Пусть будет буйака, что не вынесет земля*. В лексике японского языка есть весьма интересные слова: *бую* – отвага, храбрость (2 слога: первый слог *бу* в письме отмечается иероглифом, обозначающим боевое оружие, боевое искусство; второй слог *ю* (долгое) – иероглиф, обозначающий мужчину). А обычный эпический запев *Джэ буо* обычно переводят “ну, вот”. Такой перевод я считаю неверным, японское *дзёфу* – богатырь, мужчина – это прямое обращение как к мужчине, богатырю» [16, с. 730–731]. Следовательно, в отдельных случаях семантика клишированных зачинов требует уточнения и дополнительного разъяснения.

2. Междометия – выразители эмоций человека, которые в каждом языке организуют собственную систему возгласов, иллюстрирующих степень проявления чувства через те или иные звуки с разным экспрессивным наполнением. В связи с этим междометия рассматриваются в числе безэквивалентной лексики. Так же, как этнографическая лексика, междометия могут рассматриваться в качестве национальных маркеров, они «относятся к реалиям с наиболее ярким колоритом» [19, с. 52]. Их перевод невозможен ввиду отсутствия безусловных эквивалентов в других языках: такие междометия передаются при переводе фольклорных текстов в неизменном виде. В исследовании [20] авторы проводили классификацию и анализ групп безэквивалентной лексики, отобранной методом сплошной выборки из олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского. В результате анализа среди 825 примеров, в числе которых названия реалий (99 единиц), фразеологизмы (88 единиц), имена собственные (191 единица), обращения (120 единиц), звукоподражания (121 единица), наибольшее количество отмечается в группе междометий – 206 примеров [20].

Судя по материалам, в олонхо междометия-ономатопы усиливают силу эмоционального воздействия. К ним относятся эмоциональные междометия, которых в текстах большинство (*абытай* – восклицание, выражающее боль или опасение возможной боли, неприятности), магические восклицания (*аан арчы*), благопожелания (*Уруй-айхал, уруй-мичил* – благословение и пожелание благополучия), императивы (*Кёр-буу! Кёр-буу!* ‘Вот, смотри-ка!’), различные звукоподражания, выражающие эмоции (*Аай-аайбын! Бый-ыйбын!* – звукоподражание плачу; *доом-эрэ-доом* – звукоподражание ударам шамана колотушкой о бубен, произносится в шаманских заклинаниях; *Анньаса! Анньаса!* – звукоподражание ржанию коня) и др. Также здесь должны рассматриваться традиционные инициальные формулы жанров народного творчества, в частности, запевы песен, например: *Буйа-буйа-буйакам* – запев в начале песни-монолога богатыря-абаасы и т. п. Поскольку лексические средства одного языка не позволяют передать данные лексемы средствами другого без ущерба значению используемых слов, в фольклорном тексте они оставляются без перевода (как в русском, так и в башкирском переводах):

Дьэ-бо-о!

Дьэ-бо-о!

Я давно отсюда гляжу
На подножье высоких небес,
Потонувшее в дыхании бед,
В ледяном дыхании бурь... [16, с. 58]

Дьэ-бо-о!

Дьэ-бо-о!

*Байтактан карап торам
Дауылдарзың бозло һулышына,
Бэлэ-каза тынына күмелгән
Бейек күктәң итәгенә...*

Повышенная эмоциональность, экспрессивность и яркая выразительность междометий способствуют их передаче в неизменном виде в фольклорных текстах. Вкрапление в перевод оригинальных якутских слов способствует восприятию текста как самобытного, помогает оставаться в той культурной среде, где был рожден текст. Использование междометий в песенном, эпическом творчестве без перевода дает возможность сохранить и передать национальные особенности речевого этикета, специфику якутского текста. К примеру:

Подросток отчаянный, удалой,

Пути рвал порой на себе,

Вскакивал и кричал:

– **Аарт-гатай!**

Адьараи вышли из-под земли,

Уничтожают, теснят,

Истребляют народ айыы... [16, с. 62]

Сая кызыу йәши егет,

Өстөндәге быгаузарын өзгөсләп,

Һикереп тороп, кыскырган кай сак:

– **Аарт-гатай!**

Адьарайзар сыккан ер астынан,

Тар-мар итәләр, кысалар,

Айыы халкын кырларал...

Вместе с тем такое решение требует подготовки специального глоссария, поскольку используемые междометия уникальны. Поэтому они включаются в особые словари непереведенных слов, например, см. [21], либо подробно объяснены в комментариях, например: «*Алаатанг-улаатанг... Айдааным-куйдааным* – причитание междометиями, выражающее удивление, ожидание и прочие чувства. Можно примерно перевести по смыслу: надо же, будет же... Суета мне, суматоха...» [16, с. 726]. Таким образом, отличительная особенность безэквивалентной лексики – ее непереводимость – позволяет сохранить национальный колорит повествования, что оправдывает использование данной лексики без перевода. Приведенные пояснения и комментарии дают возможность понять риторику текста, эмоциональный посыл строк.

3. С точки зрения грамматики междометия – это обособленная группа неизменяемых слов, в синтаксическом плане они чаще всего являются словами-предложениями. Их полный перечень, приводимый в глоссариях, неизменен не только в направлении двуязычных переводов, но и в направлении трех и более язычных переводов, т. е. междометия фольклорного текста как безэквивалентные слова будут применяться в неизменном виде в переводах на любые языки. В отличие от других слов якутского языка, подвергшихся изменениям при переводе (например, имена собственные, принимающие падежные и родовые окончания), междометия таким изменениям не подвергаются. Графически передаются транскрибированием [22].

4. Как мы говорили выше, междометия выражают чувства героев. Эти чувства в фольклорном тексте лишь обозначаются, перечисляются, дальнейшего развития психологического облика персонажей не происходит. Поэтому можно утверждать, что весь психологизм героев, равно как и их эмоциональное состояние, заключен в междометиях, очень точно воспроизводящих обуревающие героев чувства, например, в словах богатырей племен *айыы аймага*:

– **Аарт-гатай!**

Ах, братья-друзья!

Ах, какая досада нам...

Ах, какая обида нам! [16, с. 39]

– **Аарт-гатай!**

Ах, дуһтар-туһандар!

Ах, шуңдай кызғананс...

Ах, шуңдай үкенес!

Бурная реакция на эпические события всегда сопровождается тирадой междометий, их низывание как раз и отображает сильный эмоциональный всплеск. Например, в песне шаманки Ытык Хахайдаан:

Алаатанг-улаатанг!

Аа, какая напасть,
Аа, какая бедастряслась...

Исилликпин, тасыллыкпын!

Испепели, спали!
Ястребом налети,
Истреби!

Эчийэ-эминэ,

Туомуй-туомуй!

Эх ты, черная прорва моя,
Эх, горе мое! [16, с. 130]

Алаатаң-улаатаң!

*Аа, кайһындай каза,
Аа, кайһындай ыза...*

Иһилликпин, таһыллыкпын!

*Үртә, өт!
Карсыга булып ташлан,
Кырып бөт!*

Эчийэ-эминэ,

Туомуй-туомуй!

*Эх һин, кара улырым,
Эх, баш бэләһе!*

Такое описание не требует дальнейшей детализации или описания эмоций, т. к. междометия их передают очень ярко.

5. Как языковое явление, междометия и междометные слова подразделяются на несколько разновидностей. В их составе имеются универсальные, понятные всем языкам (*ай, ой, эй, ух, эгей*), общие для тюркских языков (*һаа-һаа, ха-ха, һа-һа-һа*) или специфические якутские (*Аай-аайбын! Ыый-ыйбын*). Вместе с тем сравнительное изучение якутского и башкирского текстов показывает, что якутские междометия глубоко национальны, неповторимы, их количество значительно превосходит эквивалентные башкирские. Например:

Взвыл от боли старец небес,
Громовым голосом завопил:
– **Абытаай!!! Абытаай!!!**

*Ауыртыузан күк карты акырып ебэргән,
Күкрәп торған тауыш менән үкерә башлаган:
– **Абытаай!!! Абытаай!!!***

6. Еще одна характерная особенность якутских междометий, на наш взгляд, это то, что они, будучи поэтически связанными с исполняемым произведением, подбираются сообразно особенностям словоупотребления. Так, в якутском тексте начало песен обычно тянется, поэтому структура слога строится в соответствии с этим: слог – открытый.

Заключение

Перевод произведений устнопоэтического творчества требует особого отношения к фольклорному тексту, основанного на знании культуры, менталитета, духовных ценностей народа-творца. В данной статье мы проанализировали междометия, являющиеся составной частью как общенародного языка, так и емкими весомыми компонентами эпических полотен. Мы выявили ряд специфических особенностей, которые необходимо учитывать при переводе произведений на другие языки. Перевод, пусть даже в пределах родственных языков, осложняется глубоко национальными особенностями народного духа, менталитета, обычаев, традиций, а также специфическим языковым восприятием мира, заключающимся в фонологической интерпретации выражаемых чувств, в значениях и семантических оттенках обозначаемых эмоций.

На примере перевода текста олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского на башкирский язык мы рассмотрели возможности раскрытия эмоциональных значений применяемых в тексте междометий, которые, в свою очередь, являясь глубоко оригинальными, национальными, выражающими отношение этноса к другим людям и окружающему миру, содержат в своих значениях представления и стереотипы народа об эмоциональной составляющей

жизни. Кроме того, междометия, используемые в олонхо, способствуют воссозданию уникального мира олонхо, помогают постичь глубокие тайны духовного наследия якутов.

Думается, что последующее издание великого якутского эпоса-олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» на башкирском языке будет способствовать открытию новых перспектив для фольклорной компаративистики, будет иметь научное значение для дальнейших сравнительных исследований в сфере тюркского фольклора, знакомя широкого читателя и заинтересованных исследователей с богатейшим духовным наследием тюркских народов в контексте объединяющего образного, сюжетного, мировоззренческого единства.

Литература

1. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Исправленное и значительно дополненное издание / под редакцией И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 2 : И–О. – Санкт-Петербург ; Москва : Т-ва М. О. Вольф, 1905. – 2030 ст.
2. Юсупов, Х. Г. Междометия в башкирском языке // *Bashkortostan ukytyusyhy*. – 1975. – № 3. – С. 50–52. (На башкирском яз.)
3. Юсупов, Х. Г. Структура и семантические разновидности междометий во фразеологических оборотах // *Bashkortostan ukytyusyhy*. – 1990. – № 10. – С. 24–26. (На башкирском яз.)
4. Саяргалиев, Б. С. Служебные слова в башкирском языке. – Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1960. – 107 с. (На башкирском яз.)
5. Ураксин, З. Г. О междометиях и их классификации // Исследования по грамматике современного башкирского языка / под редакцией А. А. Юлдашева, З. Г. Ураксина. – Уфа : ИИЯЛ БФАН, 1979. – С. 88–93.
6. Зайнуллин, М. В. Императивные междометия // Система лексических и лексико-грамматических средств выражения модальных значений в башкирском языке. – Уфа : Башкирский госуниверситет, 1981. – С. 41–43.
7. Исянгулова, Г. А. Междометия и подражательные слова в современном башкирском языке (структурный, лексико-семантический и синтаксический аспекты) : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Уфа, 2017. – 547 с.
8. Академический словарь башкирского языка : в 10 томах. Т. I : (Буква А) / ответственный редактор Ф. Г. Хисамитдинова. – Уфа : Китап, 2011. – 432 с.
9. Грамматика современного башкирского литературного языка / ответственный редактор А. А. Юлдашев. – Москва : Наука, 1981. – 496 с.
10. Башкирское народное творчество. Кулямасы / главный редактор А. И. Харисов. – Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1985. – 384 с. (На башкирском яз.)
11. Башкирское народное творчество. Песни и напевы. С нотами / главный редактор А. И. Харисов. – Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1983. – 312 с. (На башкирском яз.)
12. Ягафарова, Г. Н. Междометия как эмоционально-оценочные слова-предложения (на материале башкирского фольклора) // *Казанская наука*. – 2021. – № 12. – С. 188–191.
13. Башкирское народное творчество. Эпос. Кн. 2 / главный редактор А. И. Харисов. – Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1973. – 342 с. (На башкирском яз.)
14. Хусаинова, Г. Р., Ягафарова, Г. Н. О переводе якутского эпоса олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» на башкирский язык // *Пространства коммуникации: Язык, литература, медиа : материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Иркутского государственного университета (18–21 сентября 2018 г.)* / ответственный редактор О. Л. Михалева. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. – С. 119–126.
15. Баскаков, Н. А. Введение в изучение тюркских языков. – Москва : Высшая школа, 1962. – 334 с.
16. Нюргун Боотур Стремительный : Якутский героический эпос олонхо / воссоздал на основе народных сказаний П. А. Ойунский ; перевод на русский язык В. В. Державина. – Якутск : Кн. изд-во, 1982. – 431 с.
17. Введение в курс «Олонховедение» : учебное пособие / В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова. – Якутск : Бичик, 2009. – 48 с.

18. Саввинова, Г. Е. Особенности эпического стиха олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и «Сын жестокого неба Эр Соготох» Г. Ф. Никулина // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. – 2020. – № 2. – С. 107–115. – DOI : 10.25587/x0043-3059-9254-t.
19. Васильева, А. А. Стратегии создания эпического мира олонхо средствами русского языка // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. – 2017. – № 2. – С. 46–57.
20. Собакина, И. В., Лукачевская, Л. А. Безэквивалентная лексика в якутском героическом эпосе олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. – 2020. – № 2. – С. 123–136. – DOI : 10.25587/15921-6412-2441-и.
21. Словарь непереведенных слов. URL : <http://olonkho.info/ru/index.php?title=Словарьнепереведенныхслов> (дата обращения : 21.10.2021)
22. Васильева, А. А. Основные приемы якутско-русского перевода // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2011. – № 2. – С. 105–112.

References

1. Explanatory dictionary of the Living Great Russian language by Vladimir Dal. Ed. by I. A. Baudouin-de-Courtenay. Vol. 2: I–O. Saint Petersburg, Moscow, Tovarischestvo M. O. Wolf, 1905, 2030 columns. (In Rus.)
2. Yusupov, Kh. G. Interjections in the Bashkir language. *Bashkortostan teacher*. 1975, no. 3, pp. 50–52. (In Bashkir)
3. Yusupov, Kh. G. Structure and semantic varieties of interjections in phraseological units. *Bashkortostan teacher*. 1990, no. 10, pp. 24–26. (In Bashkir)
4. Sayargaliev, B. S. Functional words in the Bashkir language. Ufa, Bashkir Book Publ. House, 1960, 107 p. (In Bashkir)
5. Uraksin, Z. G. On interjections and their classification. In: Studies on the grammar of the modern Bashkir language. Ed. by A. A. Yuldasheva, Z. G. Uraksina. Ufa, Institute of History, Language and Literature of the Bashkir Branch of the Academy of Sciences, 1979, pp. 88–93. (In Rus.)
6. Zainullin, M. V. Imperative interjections. In: System of lexical and lexico-grammatical means of expressing modal meanings in the Bashkir language. Ufa, Bashkir State University Publ., 1981, pp. 41–43. (In Rus.)
7. Isyangulova, G. A. Interjections and imitative words in the modern Bashkir language (structural, lexical-semantic and syntactic aspects). Dissertation thesis for the degree of Doctor of Philological Sciences. Ufa, 2017, 547 p. (In Rus.)
8. Academic dictionary of the Bashkir language: in 10 volumes. Vol. I: (Letter A). Ed. by F. G. Khisamitdinova. Ufa, Kitap Publ., 2011, 432 p. (In Bashkir)
9. Grammar of the modern Bashkir literary language. Ed. by A. A. Yuldashev. Moscow, Nauka Publ., 1981, 496 p. (In Rus.)
10. Bashkir folk art. Kulyamasy. Chief editor A. I. Kharisov. Ufa, Bashkir Book Publ. House, 1985, 384 p. (In Bashkir)
11. Bashkir folk art. Songs and tunes. With notes. Chief editor A. I. Kharisov. Ufa, Bashkir Book Publ. House, 1983, 312 p. (In Bashkir)
12. Yagafarova, G. N. Interjections as emotional-evaluative words-sentences (based on the material of Bashkir folklore). *Kazan Science*. 2021, no. 12, pp. 188–191. (In Rus.)
13. Bashkir folk art. Epic. Book 2. Chief editor A. I. Kharisov. Ufa, Bashkir Book Publ. House, 1973, 342 p. (In Bashkir)
14. Khusainova, G. R., Yagafarova, G. N. On the translation of the Yakut olonkho epic “Nyurgun Bootur the Swift” into the Bashkir language. In: Spaces of communication: Language, literature, media: materials of the International scientific conference dedicated to the 100th anniversary of Irkutsk State University (September 18–21, 2018). Ed. by O. L. Mikhaleva. Irkutsk, ISU Publ. House, 2018, pp. 119–126. (In Rus.)
15. Baskakov, N. A. Introduction to the study of Turkic languages. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1962, 334 p. (In Rus.)

16. Nyurgun Bootur the Swift: Yakut heroic epic olonkho. Recreated on the basis of folk tales by P. A. Oyunsky; translation into Russian by V. V. Derzhavin. Yakutsk, Book Publ. House, 1982, 431 p. (In Rus.)

17. Introduction to the course “Olonkho Studies”: textbook. V. V. Illarionov, T. V. Illarionova. Yakutsk, Bichik Publ., 2009, 48 p. (In Rus.)

18. Savvinova, G. E. Features of the epic verse of the olonkho “Nyurgun Bootur the Swift” by P. A. Oyunsky and “Son of the cruel sky Er Sogotokh” by G. F. Nikulin. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2020, no. 2, pp. 107–115. DOI: 10.25587/x0043-3059-9254-t (In Rus.)

19. Vasilyeva, A. A. Strategies for creating the epic world of Olonkho using the Russian language. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2017, no. 2, pp. 46–57. (In Rus.)

20. Sobakina, I. V., Lukachevskaya, L. A. Non-equivalent vocabulary in the Yakut heroic epic olonkho “Nyurgun Bootur the Swift” by P. A. Oyunsky. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2020, no. 2, pp. 123–136. DOI: 10.25587/15921-6412-2441-u (In Rus.)

21. Dictionary of untranslated words. URL: [http://olonkho.info/ru/index.php?title=Dictionary of untranslated words](http://olonkho.info/ru/index.php?title=Dictionary%20of%20untranslated%20words) (accessed: October 21, 2021) (In Rus.)

22. Vasilyeva, A. A. Basic techniques of Yakut-Russian translation. *Bulletin of the North-Eastern Federal University*. 2011, no. 2, pp. 105–112. (In Rus.)

Б. В. Меньяев, Б. Х. Борлыкова

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ СЮЖЕТОВ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ ХОШУТОВ КАЛМЫКИИ

Аннотация. Настоящая работа является продолжением начатого изучения устного наследия хошуты Калмыкии, широко бытовавшего в прошлые столетия. Актуальность исследования продиктована подготовкой к изданию корпуса хошутских фольклорных текстов в книге «Историко-культурное наследие хошуты Калмыкии» (2023). Целью статьи является описание сюжетного состава хошутской несказочной прозы. Источником исследования послужили личные полевые материалы авторов (2006–2021), зафиксированные в г. Элиста и по районам Калмыкии, а также архивные материалы, хранившиеся в Научном архиве Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН и Национальном архиве Республики Калмыкия. Для сравнения были привлечены тексты из печатных изданий, а также экспедиционные материалы, собранные авторами в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая (2012–2019). При написании настоящей статьи авторы использовали описательный метод, сравнительно-типологический метод и сравнительно-сопоставительный анализ. Источниковедческий анализ архивных и изданных материалов, расшифровка записей с магнитных лент (1960–1978), проведенные авторами статьи, позволили пролить свет на неизвестные и малоизвестные произведения несказочной прозы, зафиксированные калмыцкими учёными (Н. Н. Убушаевым (1967, 1970), А. В. Бадмаевым (1970), А. Ш. Кичиковым (1970), Л. С. Сангаевым (1978), Э. Б. Оваловым (1982) и др.) во второй половине XX в. у хошутских сказителей Очира Бадмаева (1896–1992), Нусхи Тюрбеева (1900–1986), Егора Мукабенова (1903–1980), Чимида Комаева (1903–1992), Бориса Боктаева (1927–2014) и Шани Боктаева (1933–2010). Сопоставление с несказочными сюжетами других народов способствовало классификации и систематизации некоторых сюжетов мифов, легенд, преданий и устных рассказов хошуты Калмыкии. Схожесть сюжетов с ойратскими, монгольскими и бурятскими произведениями свидетельствует об общем национальном фольклорном фонде, а совпадение некоторых сюжетов с образцами несказочной прозы других народов можно трактовать как результат исторических контактов, а также мыслительных возможностей человеческих обществ, находившихся на одной и той же ступени развития. В результате анализа рассмотренных текстов установлены интерпретации и дифференцирующие элементы сюжетов мифов, легенд, исторических преданий и устных рассказов хошуты Калмыкии, связанные с их локальной традицией.

© Меньяев Б. В., Борлыкова Б. Х., 2023

© Menyayev B. V., Borlykova B. Kh., 2023

МЕНЯЕВ Бадма Викторович – специалист Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на евразийском пространстве» Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, Элиста, Россия. ORCID: 0000-0002-9205-4537, Scopus Author ID: 57219295236. Email: bmeyayev@mail.ru

MENYAYEV Badma Viktorovich – specialist of International Research Center “Oirats and Kalmyks in the Eurasian space”, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russia. ORCID: 0000-0002-9205-4537, Scopus Author ID: 57219295236. E-mail: bmeyayev@mail.ru

БОРЛЫКОВА Босха Халгаевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научного отдела Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, Элиста, Россия. ORCID: 0000-0001-9264-3430, Scopus Author ID: 57219252992. E-mail: borlboskha@mail.ru

BORLYKOVA Boskha Khalgaevna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Research Associate, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russia. ORCID: 0000-0001-9264-3430, Scopus Author ID: 57219252992. E-mail: borlboskha@mail.ru

Ключевые слова: фольклор; несказочная проза; хошуты Калмыкии; полевые материалы; архивные источники; аудиозаписи; расшифровка; сюжеты; мифы; легенды; предания; устные рассказы

Для цитирования: Меняев Б. В., Борлыкова Б. Х. К вопросу изучения сюжетов несказочной прозы хошутов Калмыкии // Эпосоведение. 2023. № 3. С. 27–41. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-27-41.

В. В. Меняев, В. Х. Борлыкова
B. V. Gorodovikov Kalmyk State University

To the question of studying plots non-fairy prose of the Khoshuts of Kalmykia

Abstract. This work is a continuation of the study of the oral heritage of the Khoshuts of Kalmykia, which was widely used in past centuries. The relevance of the study is dictated by the preparation for publication of a corpus of Khoshut folklore texts in the book “Historical and cultural heritage of the Khoshuts of Kalmykia” (2023). The purpose of the article is to describe the plot composition of Khoshut non-fairy tale prose. The source of the study was the personal field materials of the authors (2006–2021), recorded in the city of Elista and the regions of Kalmykia, as well as archival materials stored in the Scientific Archive of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences and the National Archive of the Republic of Kalmykia. For comparison, texts from printed publications were used, as well as expeditionary materials collected by the authors in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China (2012–2019). When writing this article, the authors relied on the descriptive method, the comparative typological method and the comparative analysis. Source analysis of archival and published materials, decoding of records from magnetic tapes (1960–1978), carried out by the authors of the article, made it possible to shed light on unknown and little-known works of non-fairy tale prose, recorded by Kalmyk scientists (N. N. Ubushaev (1967; 1970), A. V. Badmaev (1970), A. Sh. Kichikov (1970), L. S. Sangaev (1978), E. B. Ovalov (1982) and others) in the second half of the 20th century from Khoshut storytellers Ochir Badmaev (1896–1992), Nuskha Tyurbеev (1900–1986), Yegor Mukabenov (1903–1980), Chimid Komaev (1903–1992), Boris Boktaev (1927–2014) and Shani Boktaev (1933–2010). Comparison with non-fabulous plots of other nations contributed to the classification and systematization of some plots of myths, legends, tales and oral stories of the Khoshuts of Kalmykia. The similarity of plots with Oirat, Mongolian and Buryat works testifies to a common national folklore fund, and the coincidence of some plots with samples of non-fairy tale prose of other peoples can be interpreted as a result of historical contacts, as well as the mental capabilities of human societies that were at the same stage of development. As a result of the analysis of the considered texts, interpretations and differentiating elements of the plots of myths, legends, historical traditions and oral stories of the Khoshuts of Kalmykia, related to their local tradition, are established.

Keywords: folklore; fairy tale prose; Khoshuts of Kalmykia; field materials; archival sources; audio recordings; decoding; plots; myths; legends; tales; oral stories

For citation: Menyаev B. V., Borlykova B. Kh. To the question of studying plots non-fairy prose of the Khoshuts of Kalmykia. *Epic studies*. 2023; (3): 27–41. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-27-41.

Введение

Современные хошуты Калмыкии (икицохуровские хошуты¹) – потомки хошутов, которые в XVII в. переселились в несколько этапов из Джунгарии на Волгу и составили один из субэтносов калмыков [1, с. 135]. Ныне они компактно проживают в Кетченеровском (пос. Сарпа, пос. Алцын-Хута) и Октябрьском (пос. Хошеут) районах, а также в городе Элиста Калмыкии.

Этимологию этнонима «хошут» исследователи связывают с военно-административной структурой средневекового монгольского общества и трактуют следующим образом: 1) *хошу-ун* «острие; клюв; морда; воинский строй (авангардное построение при войске типа клина)» [2, с. 64]; 2) *кошакул* (*кошагул* > *кошуул* > *кошууд* > *хошууд* (хошуты)) – войска Чингис-хана, защищавшие границы завоеванных стран и их народов, а также стражи нойонов и князей [3, с. 239–240].

¹ Икицохуровские хошуты – хошуты Икицохуровского улуса Астраханской губернии.

Происхождение хошутов восходит к восточномонгольским племенам. Прямыми потомками младшего брата Чингис-хана – Хабуту Хасара – являлась главенствующая знать хошутов (тайши, нойоны, ханы). Представители правящей династии хошутов Бубей-мирза, Хани-нойон Хонгор, Кундулен Убаши, Гуши-хан, Байбагас-батур, Аблай-гайджи, Очирту Цецен-хан, Галдама более ста лет являлись одними из влиятельных среди ойратов [2].

Устное наследие хошутов представляет исследовательский интерес как составная часть фольклора калмыцкого народа. До настоящего времени не было специальных монографических исследований, посвященных рассмотрению хошутского фольклора в целом. Частично фольклор хошутов рассматривался в работах калмыцких исследователей-фольклористов. Репертуар хошутского сказителя Ш. В. Боктаева исследован Б. Б. Манджиевой: «Сказитель Ш. В. Боктаев и его репертуар» [4], «Тема депортации калмыков в Сибирь в сказительском творчестве Ш. В. Боктаева» [5]. Ряд исследований в рамках научного проекта РФФИ проведен Б. В. Меняевым и Б. Х. Борлыковой: «Песенный фольклор хошутов Калмыкии (по полевым материалам 2004–2018 гг.)» [6], «Образцы поэтического фольклора хошутов Калмыкии» [7], «Песни хошутов Калмыкии: опыт кластерного описания именной лексики» [8], «О персонажах волшебных сказок хошутов Калмыкии» [9] и др. Некоторые образцы легенд и преданий, сказочных сюжетов рассмотрены Т. Г. Басанговой, Б. Ю. Сенглевым, Б. Б. Горяевой и И. С. Надбитовой: «Мифы, легенды и предания калмыков» [10], «Исторические предания и легенды о Мазан-батыре у калмыков: эпическая биография» [11], «Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система» [12], «Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок» [13].

Произведения устного народного творчества хошутов сохранились благодаря талантливым сказителям, унаследовавшим традицию предков. Сказители обладали своей индивидуальной исполнительской манерой. В XIX – первой половине XX вв. среди хошутов были известны талантливые сказители: Чакна Бадм (1880–1959) из рода шарад, Кокан Боова (18??–1945) из рода луузнгуд, Бадмин Очр (1896–1992) из рода сагсгуд. Их имена часто упоминаются сказителями позднего времени.

В 30-х гг. XX в. в Калмыкии велась активная работа по сбору калмыцкого фольклора (газеты «Сталинградская правда», «Ленинский путь», «Литературная газета», «Улан хальмг» и др.). Известно, что в эти годы учителя сельских школ провели две фольклорные экспедиции по Калмыкии. Фольклорные тексты, записанные писателями, поэтами, учителями и студентами Астраханского педтехникума, опубликованы в 1941 г. в книге «Калмыцкий фольклор» («Хальмг фольклор») [14].

В 1935 г. в Элисте состоялась Олимпиада самодеятельного искусства Калмыкии, со всех аймаков в ней участвовали сотни представителей, многочисленные хоровые коллективы, домбровые оркестры, певцы, сказочники, чтецы, танцоры. В газете «Ленина ачнр» за 1935 г. на фотографии запечатлен домбрист из Хошутовского сельского совета – Улюмджиев Сангаджи из рода ик махлахн.

После возвращения калмыков из сибирской ссылки в 1957 г. был восстановлен и начал свою работу Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (далее КНИИЯЛИ), в котором успешно осуществлялась собирательская и публикационная деятельность в области калмыцкого фольклора и этнографии. Лучшие фольклорные образцы, записанные в экспедициях по Калмыкии, составили четырехтомное издание сказок под названием «Калмыцкие сказки» («Хальмг туульс»: 1969, 1972, 1974, 1976). В эти тома вошли сказки из репертуара хошутских сказителей Н. Тюрбева, Ч. Комаева и Е. Мукабенова. В 1960–1980 гг. сотрудниками сектора литературы и фольклора КНИИЯЛИ (Н. Н. Убушаевым, Е. Д. Мучкиновой, А. В. Бадмаевым, Л. С. Сангаевым, Э. Б. Оваловым и др.) были проведены несколько экспедиций в пос. Сарпа, где на катушечный магнитофон удалось записать репертуар сказителей Очира Бадмаева (1896 г. р.), Нусхи Тюрбева (1900 г. р.), Чимида

Комаева (1903 г. р.), Далты Шараева (1892 г. р.), Егора Мукабенова (1903 г. р.), Бориса Боктаева (1927 г. р.).

Все вышеуказанные аудиозаписи оцифрованы с магнитных лент на современные электронные носители Б. Х. Борлыковой в рамках научно-исследовательской работы «Составление электронного лингво-фольклорного аудиоархива КИГИ РАН» (2010–2012) [15] и расшифрованы Б. В. Меняевым.

Отдельные разрозненные образцы хошутского фольклора можно обнаружить в газетах («Хальмг үнн», «Утро Калмыкий», «Алтн булг» и др.), книге «Устное народное творчество калмыков» («Хальмг амн урн үгин билг-эрдм») [16], интернет ресурсах, а также в частных архивных аудио-видеозаписях и рукописях. В Научном архиве Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (далее НА КИГИ РАН) хранится рукопись «Калмыцкие народные сказки и легенды, записанные Л. Сангаевым»¹. В рукопись вошли 18 текстов, из них две сказки «Сказка о юноше Зунду, имевшем сто красных баранов» («Зун улан иргтэ Зунду гидг залуһин туск тууль»), «Сказка о старике и старухе и их дочери из древесной коры» («Холтхсн күүктэ эмгн өвгн хойран туск тууль»), записанные в 1978 г. в Элисте у хошутского сказочника Чимида Комаева. Примечательно, что тексты сказок подверглись литературной обработке собирателя и утратили самобытность подлинной устной речи Ч. Д. Комаева. В рукописи «Песни, йорялы, пословицы»² обнаружены образцы семи загадок, записанные в 1967 г. ученым-лингвистом Н. Н. Убушаевым от Нусхи Кичиковича Тюрбеева.

В 2010 г. в серии «Наследие предков» («Өвкнрин зөөр») увидела свет книга на калмыцком языке, посвященная фольклорному репертуару хошутского сказителя Шани Боктаева «Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев» («Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня») [17]. В книгу вошли мифы и предания, сказки, предсказания и приметы, анекдоты и небылицы, хошутские песни, загадки, пословицы и считалки, воспоминания сказителя. Несколько песен – «Шохан Андраев» («Андран Шохан»), «Иджа Нимгиров» («Нимгрэ Ижэ»), «Ади Натыров» («Натра Эдэ»), «Шорва Монилов» («Мооньга Шорва»), вошедшие в книгу, записал Б. В. Меняев.

Годом позже по материалам, изложенным Ш. В. Боктаевым, была издана уникальная книга «Генеалогия икицохуровских хошутов», описывающая полную родословную хошутов Калмыкии [18]. В нее вошли схемы 17 хошутских родов, включающие родственников не только по мужской линии (*ачнр*), но и по женской линии (*зеенр*).

Авторами настоящей статьи в течение довольно длительного периода с 1999 по 2023 гг. собран обширный материал образцов устного народного творчества хошутов Калмыкии, в т. ч. произведения несказочной прозы: мифы, легенды, предания и устные рассказы.

Мифы

Миф издавна находится в поле зрения исследователей и, несмотря на всестороннюю изученность, он до сих пор представляет интерес для специалистов. Миф, по определению Е. М. Мелетинского – «сказания о богах, духах, обожествлённых или связанных с богами своим происхождением героях, о первопредках, действовавших в начале времени и участвовавших прямо или косвенно в создании самого мира, его элементов как природных, так и культурных» [19]. Он ориентирован на поддержание гармонии личного, общественного, природного и является первичной моделью идеологии [20, с. 5–6].

В монгольской и калмыцкой традициях изначально отсутствовал специальный термин, обозначающий понятие «миф». Такого рода фольклорные прозаические произведения рассказчики называли *тууль* ‘сказка’ или *тууж* ‘предание’. В синьцзян-ойратской устной традиции, по утверждению известного китайского фольклориста Б. Дамринджава, мифы, легенды и предания назывались либо *тууль* ‘эпос, сказка’, либо *туук* ‘история’³. В последние десятилетия

¹ НА КИГИ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 80.

² НА КИГИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 135.

³ Полевой материал авторов.

монгольские фольклористы жанр несказочной прозы именуют на собственное усмотрение. Калмыцкие специалисты мифом называют *домг*, синьцзян-ойратские и монгольские – *домогулгэр* (этимология слова происходит от слова *дом* ‘магия, магическое средство, знахарство, колдовство’) [21, с. 6–7]. Исследователь калмыцкой несказочной прозы Т. Г. Басангова в своей работе приводит ещё один синонимичный термин для обозначения мифа: *хуучан келх* ‘говорить, повествовать о старине’ [22, с. 8]. В несказочной прозе хошутов Калмыкии имеется два интересных архаических мифических сюжета, один – о происхождении общества (социогенный миф), второй – о происхождении домашних животных (этиологический миф), бытующий в устной традиции разных народов. В фольклористике, как отмечает С. Ю. Неклюдов, имеются три способа объяснить сходства между бытующими мифическими текстами: 1) генетический, наличие у сходных явлений общего предка; 2) через заимствования, культурные диффузии, взаимообмен устными текстами в условиях культурного и лингвистического двуязычия; 3) типологический, это когда близкие, одинаковые сюжеты или мотивы сложились благодаря одинаковым обстоятельствам, либо причин для объяснения сходств столь много, что учесть их в полном объеме практически невозможно и типология просто оказывается такой корзиной, в которую сметаются все совпадения, необъяснимые через общего предка или заимствования [23]. На основе работ фольклориста Ю. Е. Березкина, исследователем рассматривается четвертый способ, объясняющий сходства мифов разных народов: «некоторые схождения являются результатом миграционных процессов, фольклорно-мифологическими следами пребывания древних популяций в тех или иных местах» [23].

Два хошутских мифических сюжета о происхождении людей и козы были записаны исследователем Н. Н. Убушаевым в 1967 г. на ферме № 1 совхоза «Сарпа» Юстинского района у сказителя Нусхи Тюрбеева. По рассказам сказителя, свои произведения он усвоил изустно от отца Тюрби Кичикова, который в свою очередь перенял репертуар своего дяди по материнской линии (*наһцх*). Дядя же отца владел ойратской письменностью «тодо бичик» и читал книгу «Море притч» («Улгурин дала») – «Сутра о мудрости и глупости» представляет собой один из наиболее популярных образцов мировой буддийской литературы [24, с. 69].

В монгольской мифологии человек создается из глины, а жизнь наполняется божественным дыханием. В представлении ойратов Синьцзяна, фигурку из глины оживил бог-творец Эджибаба (добуддийский персонаж), в монгольских и калмыцких же вариантах мифа о сотворении человека упоминаются божества буддийского пантеона – бодхисаттва Манджушри («покровитель мудрости») и Будда Шакьямуни. «Бурхан-Бакши, впервые спустившись с небес на землю, ехал на лошади. Вскоре он увидел шедшего по берегу человека, который только что был сотворен. Подъехав к нему и поздоровавшись, он понял, что этот человек не имеет разума. Бурхан-Бакши, благословляя его, вдохнул в него через нос и рот душу и разум. Если этот человек будет жить один, то не будет народа, – подумал Бурхан-Бакши и привел свою дочь, отдав ее в жены тому человеку. У них появились дети, и потомство их размножилось. Так во вселенной зародилось человечество» [25, с. 339]. Легенды о сотворении людей из глины или земли встречаются у многих народов. К примеру, в древнегреческой мифологии людей создал из земли и воды Прометей, сын титана Иапета, двоюродный брат Зевса; у народов Африки верховное божество догонов Амма лепит из сырой глины первую человеческую пару; в шумерском мифе о Лахаре и Ашнан, по повелению Намму, матери богов и Нинмах, с помощью других богов, смешав воду и глину, был сотворен человек.

В мировой мифологии люди и все живые существа создаются божественным и полубожественным существом или героем, устанавливающим правило и регулирующим общество. В хошутской несказочной прозе сохранился миф об установлении правил в обществе, а именно, о введении брачных обычаев и свадебных ритуалов – «О происхождении людей» («Эмтн үүдснэ тускар»). Идеей мифа является недопущение брака между родственниками. Как известно, у калмыков родственники вплоть до седьмого колена считаются близкими и браки между

ними строго запрещены во избежание кровосмешения. Выражение «семь поколений» (термины родства по мужской линии) в калмыцком языке передаётся фразой *долан үй* 'семь поколений предков' [26, с. 204]. В книге Ш. В. Боктаева обозначена генеалогия семнадцати хошутских родов до семи или одиннадцати поколений. Согласно книжным материалам, у икицохуровских хошутов насчитывается 22 рода – *төрл: ээрһүд* 'аргуды', *баадгуд* 'бадгуды', *дашихн* 'дашихины', *зээсгүд* 'зайсанги', *көткүрмүд* 'кеткермоды', *кавшахн* 'кавшахины', *карвжэахн* 'карвджахины', *луузгүд* 'лузунги', *моңһлмүд* 'монголы', *мөрчихн* 'мерчихины', *мелшэахн* 'мельшахины', *маага* 'мага', *сагсгүд* 'сагсаги', *савһрмүд* 'савгармуды', *хасгүд* 'хасгуды', *хошут* 'хошуты', *харахн* 'харахины', *чонахн* 'чонахины', *шарад* 'шарады', *шааркихн* 'шаркахины', *эвэахн* 'эвэахины', *дермнэахн* 'дермянкины'. Среди хошутских родов имеются и пришлые рода, в народе их называют *оруд төрл* (букв.: рода, принятые со стороны) [18].

В зачине мифа «О происхождении людей» («Өмтн үүдснэ тускар»)¹ говорится о начальном времени появления людей, тогда их образ жизни мало отличался от животных, они не носили одежду, у них отсутствовала социальная регуляция. Для того, чтобы наделить людей разумом и ввести правила жизни (брачные обычаи, свадебные ритуалы), Хан Зверей созвал совет. Инициатором введения обычаев выступает опоздавший на совет культурный герой – хан Мудрый Ёж (Зара Цецн хан)². Образ Мудрого Ёжа в роли советника бога встречается в мифологии многих народов. Согласно мифам славянских народов, ёж настолько мудр, что даже Бог, создавая землю, прислушивался к его советам³. В мифологии народов Балкан Ёж давал советы Богу, как вернуть Земле, вытянутой Дьяволом, правильные размеры, и даже расстроил свадьбу Солнца и Луны, потому что от их детей на земле всё бы сгорело⁴. В бурятском фольклоре Мудрый Ёж, будучи советником бога, помогает восстановить космос, вернуть небесные светила Солнце и Луну хану Хормусте. Авторы каталога фольклорно-мифологических мотивов Ю. Е. Березкин, Е. Н. Дувакин пишут о ёже, что он мудрее и хитроумнее всех богов и животных; «обладает знаниями, жизненно важными для существования людей»⁵. В мифологии ойратских народов хан Мудрый Ёж выступает как создатель брачных обычаев и свадебных ритуалов. В хошутском варианте Мудрый Ёж дает совет, чтобы люди носили одежду из пёстрой ткани, пищу употребляли в меру, блюли родственные связи и особенно с родственниками по материнской линии. Согласно сведениям из книги по генеалогии хошут, действительно в родословную входят племянники и внуки по женской линии. В калмыцкой пословице говорится: *Зееһэн авхла, зел тасрна* 'Если женишься на родственнице по женской линии, то прервется счастье' (букв.: Аркан для привязывания молодняка). Образ Мудрого Ёжа на материале двух мифологических преданий, записанных в конце XIX в. И. И. Поповым, рассмотрен Т. Г. Басанговой и Д. В. Убушиевой [27, с. 392–403; 28, с. 34–37]. В первом предании Мудрый Ёж, дабы калмыки не женились на своих родственниках, даёт совет: «Взяв мясо ножками, бурдюками араки, повяжите пояс пестрым. Беря в жены чужих, становитесь мужем и женой. Не живите как скотина. Это не ваш закон». Мифологическое предание схоже с хошутским и синьцзян-ойратским преданиями: Мудрый Ёж, произнося мудрые слова, спасает человеческий род от вырождения. У олёта Хуцин Айнты из г. Кульджа Или-Казахской АО СУАР КНР Б. В. Меняевым обнаружена рукопись «Сутра о сватовстве» («Зус тэвх судр кемэх оршв»)⁶. В сутре описано, как по наставлению Мудрого Ёжа (Зара

¹ Информант Тюрбеов Нухса Кичикович (1900–1986), хошут из рода сагсгүд. Записано Н. Н. Убушаевым в 1967 г. Ферма № 1 пос. Сарпа Юстинского (ныне Кетченеровского) района Республики Калмыкия. Оригинал записи хранится: Научный архив КИГИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Магн. лента 78 (69). Оцифровано Б. Х. Борлыковой. Расшифровано Б. В. Меняевым.

² В синьцзян-ойратской мифологии Зара Цецен 'Мудрый Ёж' – это имя святого человека, ламы, который родился после сотворения Замбутиба. *Замбутиб* (санскр. *Jambudvīpa*) – первоначальное название одного из материков, под которым буддисты подразумевали полуостров Индостан, иногда – всю Азию или даже всю земную поверхность.

³ URL: <https://www.liveinternet.ru/users/2715353/post104250246/>

⁴ URL: <https://www.livemaster.ru/topic/2390045-ezhik-v-mifologii-raznyh-narodov?ysclid=ldsqqhkv6199762401/>

⁵ URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/c31.html/>

⁶ Фотокопия рукописи хранится в личном архиве Б. В. Меняева.

Сесен) сторона жениха во время сватовства привезла сватам дары: хадак (ойр. *xadaq*), отварную баранину (ойр. *torʻyon xonini šüüsün*), клей (ойр. *zusun*), белый платок (ойр. *caʻyān alciur*), сладости (ойр. *šikir*), ширдак (ойр. *širdaq*), кисломолочные продукты (ойр. *caʻyān idēn*), огниво (ойр. *sakiur*), плиточный чай (ойр. *cai*). При этом объясняется значение каждого предмета.

В мировой мифологии Бог является творцом всех живых существ на земле. В хошутском мифе «Эт Мерген Темен» («Өт Мергн Темн»)¹ Бурхан Бакши, сотворив людей, следом создает пять видов домашнего скота: лошадь, верблюда, корову, овцу и козу. Дивясь появлению козы, поскольку коза считается животным дьявольского происхождения, Эт Мерген Темен последовал за Бурханом Бакши. Бурхан Бакши пояснил Эт Мерген Темену, для чего он сотворил козу: «Мясо передней ножки козы будет лекарством больному, мясо задней ножки будет едой здоровым людям. Эта скотина быстро размножается, будет пропитанием беднякам. Поэтому пусть рождается!». Далее в мифе дается подробная характеристика каждого вида скота. Собираемый образ домашних животных у монголов воплощен в понятии *таван хошуу мал* ‘пять видов скота’ (лошади, верблюды, коровы, овцы и козы), а у калмыков *дөрвн зүсн мал* ‘четыре вида скота’ и коза не входит в основные виды, поскольку ее создателем считается *шулмус* ‘черт, демон, злой дух’ [17, с. 17]. В хошутской демонологической легенде «О споре черта с женщиной» («Шулм залу хойр марһж») коза является ездовым животным шулмуса [17, с. 88]. Негативное отношение к козе нашло отражение в пословицах ойратских народов: *Хад деер эс харвл / Ямани санан амрдаг уга* ‘Пока не заберется на скалу, / Коза не успокоится’ [18, с. 375]; *Му куунд дун ик, / Му ямана мээллһн ик* ‘Голос плохого человека громкий, / Блеяние плохой козы громкое’ [29, с. 452] и др. Коз держали бедные семьи, об этом говорится в пословицах: *Ядсн күмнд / Яман мал* ‘Бедному человеку / И коза – скотина’; *Ядсн күн ямасг* ‘Обедневший человек и козам рад’ [18, с. 141]; *Бээх цагт темэ өскдг, / Угарх цагт яма өскдг* ‘Когда богатеют – разводят верблюдов, / Когда беднеют – разводят коз’ [29, с. 585]; *Яман мал биш, / Хотн күн биш* ‘Коза не скотина, хотон не человек’².

В репертуаре хошутского сказителя Шани Боктаева представлено мифологическое предание «При сотворении человека и животных» («Күн, мал үүдх цагт») [17, с. 17–18], в котором объединены два рассмотренных нами сюжета. Имеется также мотив, отсутствующий в обоих сюжетах о состязании шулмуса с Бурхан Бакши. Мотив повествует о том, что если Бурхан Бакши создал *ном* ‘учение’ и *аршан* ‘божественный напиток’³, то шулмус создал табак и водку [17, с. 18]. В рукописном сборнике на ойратской письменности «тодо бичик», разъясняющем о вреде водки, говорится о девяти элементах, составляющих водку: 1) *һалзу цаһан арслцгин толһан эки* ‘мозг свирепого белого льва’; 2) *һалзу зөөгин бал* ‘мёд злой пчелы’; 3) *күчтэ муңхг занын амна көөсн* ‘пена из пасти разъяренного слона’; 4) *хорта моһан кели* ‘яд из жала ядовитой змеи’; 5) *һалзу ноһан шүлсн* ‘слюна из пасти бешеной собаки’; 6) *шулм эмин чимгнэ тосн* ‘яд из костного мозга дьяволицы’; 7) *һалзу чонын нүдн* ‘зрачок глаза бешеного волка’; 8) *үкэрин маһн* ‘мясо трупа’; 9) *маңһс эмин оман цусн* ‘утробная кровь дьяволицы’⁴. Создание табака и водки является устойчивым сюжетом в русских письменных памятниках [30], его связывают с козьями дьявола [31, с. 144–159].

Легенды

В калмыцком фольклоре бытуют жанры несказочной прозы – легенды, предания и устные рассказы. Легенде присуще осмысление чудесных событий как достоверных. А. Н. Веселовский полагал, что легенда является средством перенесения сюжетных элементов мифологии

¹ Информант Тюрбеев Нусха Кичикович (1900–1986), хошут из рода сагсгуд. Записано Н. Н. Убушаевым в 1967 г. Ферма № 1 пос. Сарпа Юстинского (ныне Кетченеровского) района Республики Калмыкия. Оригинал записи хранится: Научный архив КИГИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Магн. лента 78 (69). Оцифровано Б. Х. Борлыковой. Расшифровано Б. В. Меняевым.

² Сарт-калмыцкая пословица, записанная Б. В. Меняевым.

³ Аршан – санскр. *рашани* ‘нектар, напиток богов’, ‘целебная вода’.

⁴ Копия рукописного сборника хранится в личном архиве Б. В. Меняева.

в религиозную (христианскую) картину мира и показал, как в фольклоре Западной Европы и России происходит развитие общих мотивов [32, с. 283–331]. Легенды в фольклоре систематизируются по жанрам, темам, сюжетам и мотивам. Предания носят реалистический характер и ориентированы на достоверное изложение событий. Устные повествования об исторических личностях и их подвигах являются сутью исторических преданий.

В калмыцком фольклоре нет четкого разграничения между жанрами «легенда» (*дамг*) и «предание» (*тууж*). Исследователи Д. Э. Басаев [33, с. 8–9] и Т. Г. Басангова [34, с. 8] легенды и предания калмыков тематически классифицируют следующим образом: космогонические, буддийские, этиологические, демонологические, исторические, топонимические, генеалогические, социально-бытовые и о сакральных лицах.

У хошутов бытует демонологическая легенда «О шулмусе и ламе» («Шулм лам хойрин тускар»)¹, где рассказывается как шулмус по имени Йирзем, превратившись в красавицу, напоил водкой медитирующего ламу и отвратил его от Учения Будды. Варианты настоящей легенды зафиксированы у ойратов Синьцзяна². «В своем “исходном” амплуа *шулмус* – это прежде всего демон-искуситель, который противостоит буддийской проповеди. Он создатель алкоголя и табака» [35, с. 249]. Слово *шулм* с монгольского переводится как «черт, демон, дьявол, бес, ведьма, нечистая сила, злой дух», слово *шулам-шимну* означает «существо, которое вредит и мешает совершать добродетель», приводится как заимствование из тюркских языков *šimni* «демон, дьявол, сатана», восходящее к согдийскому *šmnw / šimanu* [36, с. 126] «иранское божество тьмы Ангро-Майнью или демон Мара» [37, с. 249]. В монгольской легенде из собрания А. П. Беннигсена говорится, что шулмы – ведьмы, в них превращаются женщины, совершившие десять чёрных грехов (калм. *арви хар нул*). Они рыскают по земле, делая всем гадости. Сила их заключается в одном золотом волосе. Они не стареют, не умирают и самостоятельно не размножаются. Спасти от них можно только колючкой и козлами [38, с. 10].

В астральной легенде «Семь звезд» («Долан одн»)³, записанной у сказителя Ч. Д. Комаева, повествуется о превращении семи разбойников в созвездие Большой медведицы и их кражи одной звезды из Плеяды. Если бы они не украли звезду у Плеяды, то всё живое на земле погибло бы от зимней стужи. Подобный сюжет имеется в казахской мифологии, где семь братьев-разбойников, живших в звёздном мире, умыкнули красавицу из созвездия Плеяды, не желая соблюдать свадебных обычаев (сватовство, калым, проводы невесты, пир на стороне жениха и др.). Звезда Плеяды выходит замуж за самого сильного из семи разбойников, среднюю звезду ручки небесного Ковша (Мицар)⁴. В комаевском варианте украденная звезда Плеяды расположена у второй мерцающей звезды Большой медведицы.

Легенда «О хозяине времени» («Цагин эзнэ тускар»)⁵ отражает народные представления о калмыцком лунном календаре, о необходимости введения «двойных дней» (*давхр өдр*) и «пропущенных дней» (*масрха өдр*). Миссионер Н. В. Львовский пишет об особенностях летоисчисления калмыцкого народного календаря: «Калмыцкие дзурхачи (астрологи), чтобы пополнить разность между лунным и солнечным счислением, добавляют через каждые два года на тре-

¹ Информант Тюрбеев Нухса Кичикович (1900–1986), хошут из рода сагсгуд. Записано Н. Н. Убушаевым в 1967 г. Ферма № 1 пос. Сарпа Юстинского (ныне Кетченеровского) района Республики Калмыкия. Оригинал записи хранится: Научный архив КИГИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Магн. лента 78 (69). Оцифровано Б. Х. Борлыковой. Расшифровано Б. В. Меняевым.

² Полевой материал авторов.

³ Информант Комаев Чимид Докаевич (1903–1992), хошут из рода улан манжихн. Записано Л. С. Сангаевым в мае 1978 г. Оригинал записи хранится: Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. 462. Оп. 1. Д. 4. Л. 109–111. Информант Комаев Чимид Докаевич (1903–1992), хошут из рода улан манжихн. Записано Э. Б. Оваловым в мае 1982 г., г. Элиста, 1 мкр. Оригинал записи хранится: Научный архив КИГИ РАН. Ф. 16. Оп. 2. Магн. лента 291 (282). Оцифровано Б. Х. Борлыковой. Расшифровано Б. В. Меняевым.

⁴ URL: https://vk.com/wall-134279173_535?ysclid=llj7djf7yh794663909

⁵ Информант Комаев Чимид Докаевич (1903–1992), хошут из рода улан манжихн. Записано Э. Б. Оваловым в мае 1982 г., г. Элиста, 1 мкр. Оригинал записи хранится: Научный архив КИГИ РАН. Ф. 16. Оп. 2. Магн. лента 291 (282). Оцифровано Б. Х. Борлыковой. Расшифровано Б. В. Меняевым.

тий один летний месяц, и прибавка эта всегда падает на третий месяц данного года. В таком году два месяца подряд называются одним и тем же именем – «Лу-сара» (дракон-луна). Вследствие этого такой год имеет 384 дня. Но т. к. и после этого оказывается разность в счислении, то дзурхачи или пропускают по календарю известные числа, или же два дня сряду считают одним и тем же числом. Пропущенные числа называются пропавшими и считаются несчастными, а повторенные числа называются парными и считаются счастливыми. В то же время такая перестановка дней помогает дзурхачеям вести летоисчисление так, чтобы каждый месяц кончался тридцатым числом; поэтому и те месяцы, которые имеют по 29 дней, (бога-сара) оканчиваются не двадцать девятым днем, а тридцатым» [39, с. 120–121].

В легенде «Легенда о пуговицах» («Товчин тускар»)¹ говорится о том, почему калмычки на входе носили шесть серебряных пуговиц, что служило им напоминанием верности мужу. Легенда повествует о Тенгрии, который женится на дочери владыки подводного мира Усн Хадын хана. Как-то юноша был на охоте, в это время семь мангасов, обитавших у склона гор, соблазняют его жену. Узнав, юноша убивает мангасов и их шесть голов вешает на шею жены. Шесть пуговиц на входе замужних калмычек служит напоминанием о том давнем событии. Такое же количество серебряных украшений на входе традиционной женской одежды обнаруживается у ойратов Монголии и Синьцзяна. В мифологии монгольских народов мангасы (*manguius* ‘мифологическое чудовище’, *tangas* ‘злой дух, пожиратель людей’ [40, с. 15], *mañhc* ‘мангус, сказочное чудовище’ [26, с. 229], *мангас* ‘мангус, многоголовое человекоподобное существо, вредящее людям; сказочное чудовище’ [41, с. 319] – это многоголовые (чаще пятнадцатиголовые) демонологические существа, пожирающие всё что угодно, в их желудки может вместиться целая гора. Победителем мангасов считается Гесер хан, который победил их и запер в подземной пещере [38, с. 11].

Предания и устные рассказы

В фольклоре хошуты активно бытуют предания (*кезэнк туужэс, хуучна цагин туужэс* ‘предания далекого прошлого’). Героями исторических преданий хошуты явились исторические личности эпохи Джунгарского и Калмыцкого ханств – Очирту Цецен хан (ум. ~1676–1680), Галдма-батыр (1635–1667), Аюка-хан (Актан хан, 1645–1724), Мазан-батыр (ум. 1683 г.), Цебек-Дорджи, Убаши хан (1744–1774) и др.

Мазан-батыр стал популярным героем хошутских исторических преданий. Предания посвящены его героическим деяниям в борьбе с внешними врагами. Мазан-батыр предстает храбрым, справедливым воином-богатырем, защитником народных интересов и их любимцем. У хошутских сказителей в разные годы был записан целый цикл о Мазан-батыре из девяти преданий: в 1967 г. – Нусхи Тюрбеева, в 1970 г. – Очира Бадмаева, в 2010 г. – Шани Боктаева. Наиболее популярные сюжеты посвящены происхождению Мазан-батыра, его семье и детству, чудесным способностям. В предании «О сыне Очира Мазан-батыре» («Очра Мазна туск тууж»)² повествуется о Мазане, оставшемся сиротой на воспитании у дяди. Из второго предания «Мазан батыр» («Мазн баатр»)³ узнаем, что дядю Мазана по отцу звали Девян: *Кезэнэһэ Мазн баатр гижэ келгдэж. Келгдэснь үг, Очр Девэн гижэ ах-дү хойр бээж. Очрнь үкнэ, Девэнь үлднэ. Девэн долан көвүтэ, Очртнь һанцхн көвүн үлдэж. Очрин һанцхн көвүг Девэн гидэ*

¹ Информант Комаев Чимид Докаевич (1903–1992), хошут из рода улан манжихн. Записано Э. Б. Оваловым в мае 1982 г., г. Элиста, 1 мкр. Оригинал записи хранится: Научный архив КИГИ РАН. Ф. 16. Оп. 2. Магн. лента 291 (282). Оцифровано Б. Х. Борлыковой. Расшифровано Б. В. Меняевым.

² Информант Бадмаев Очир Мурсулдаевич (1896–1992), хошут из рода сагсгуд. Записано Н. Н. Убушаевым 5 июня 1970 г. в пос. Сарпа Юстинского (ныне Кетченеровского) района Республики Калмыкия. Оригинал записи хранится: Научный архив КИГИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Магн. лента 114 (105). Оцифровано Б. Х. Борлыковой. Расшифровано Б. В. Меняевым.

³ Информант Тюрбеев Нусха Кичикович (1900–1986), хошут из рода сагсгуд. Записано Н. Н. Убушаевым в 1967 г. Ферма № 1 пос. Сарпа Юстинского (ныне Кетченеровского) района Республики Калмыкия. Оригинал записи хранится: Научный архив КИГИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Магн. лента 78 (69). Оцифровано Б. Х. Борлыковой. Расшифровано Б. В. Меняевым.

күн көвүдтәһән хамднь хадһлад бәәнә – ‘В старину говорили о Мазан-батыре. Говорили, что было два брата Очир и Девен. Когда умер Очир остался Девен. У Девена было семь сыновей, а у Очира был единственный сын. Единственного сына Очира Девен стал воспитывать вместе со своими сыновьями’ (пер. авторов статьи). Согласно третьему преданию «О сыне Очира Мазан-батыре» («Очра Мазна тускар»), Мазан воспитывался в семье дяди по материнской линии Тоолы-Малы: *Би бичкндән соңслав. Кезәнә Очра Мазна гер буулһсна тускар. Тер Очра Мазн гидг күн өнчн үлдсн бәәж. Өнчн үлдәд, эж-эцк уга бичкнәсн үлдсн цагтнь нег наһүхнь Тоол-Мала гидг күн авад асрад өскәж* [17, с. 28] – ‘Я в детстве слышал о том, как женился сын Очира – Мазан. Тот Мазан сын Очира был сиротой. Когда он осиротел, оставшись без отца и матери, то его взял на воспитание дядя по материнской линии Тоол-Мала’ (пер. авторов статьи). Далее предание поясняет, что Мазан по отцу был торгун из рода Аюки-хана, по матери хошут из рода Аблай-хана. Интересен факт, что фольклорная традиция сохраняет имя отца исторического Мазан-батыра – Очира, соединяя его с именем героя. По преданию оба дяди Мазана Девян и Тоол-Мала помогают племяннику раскрыть свой богатырский потенциал и сватают ему ханскую дочь. Девян дарует племяннику рыжего годовалого жеребенка, Тоол-Мала одаривает племянника нарядными штанами, дает ценные советы о пристойном поведении в присутствии родни невесты и занимается организацией свадьбы [17, с. 28].

В традиции хошутов бытовало предание о Митр-нойоне. Прототипом легендарного Митр-нойона исследователи называют Нитара-Дорджи, одного из сыновей Чакдор-Джаба и внука Аюки-хана. Связанные с ним события, происходившие в 1722–1725 гг., в свое время были описаны историком М. Новолетовым [42]. Интересны также сведения, собранные А. Г. Митириным [43, с. 149–164]. Нитар-Дорджи вел борьбу за ханский титул в пользу своего брата Дасанга. Отличался отчаянным характером. Известна его страсть к лошадям. Нитар-Дорджи был убит в 1725 г. «Предание о Митр-нойоне» («Миитр нойна туск тууж») [17, с. 35–37] рассказывает о смелом и сильном герое, за антиправительственное выступление он был арестован и заключен в Астраханский кремль. Митр-нойону удается совершить побег через стену кремля верхом на своем резвом скакуне. После побега из России он клянется, что вернется и освободит калмыков от царского гнета. Митр-нойон предстает в предании поборником идеи борьбы за свободу.

Традиции хошутов известны религиозные предания об астрологах (*зурхач*) и лекарях (*эмч*): «Об астрологе Камыше [Окчаеве], служившем в Хошутовском хуруле» («Хошуда хурлд суусн Камш зурхачин тускар») [18, с. 23], «Гесенов Кокор» («Геснә Кокр») [18, с. 23–25], «О хошутовском лекаре, служившем в хуруле» («Хошуда эмч хурлд үүлдж йовсна тускар») [18, с. 25], «Зодва Далатан» («Зодва Далатн»). Предание о хошутском лекаре Зодва Далатане записано калмыцкими учеными у хошутовских сказителей: Е. У. Мукабенова (1970 г.)¹, Б. В. Боктаева (2008 г.)², Ш. В. Боктаева (2010 г.) [17, с. 125–128]. В преданиях говорится о талантливом хошутском лекаре Зодве Далатане, который во времена правления калмыцкого хана Дондук-Омбо (1735–1741) выучился на врача в Тибете³.

В древности при каждом улусе были свои знаменитые борцы. В хошутской несказочной прозе сохранилось «Предание о борцах Калцу и Уту Басанге» («Хошуда хойр бөк Калцу болн Ут Басң») [17, с. 134–136]. Национальная борьба «Бөк бәрлдән» относилась к боевым искусствам, с течением времени оно видоизменилось, став зрелищным состязанием.

¹ Информант Мукабенов Егор Улюмджиевич (1903–1980), хошут из рода чопахн. Записано Н. Н. Убушаевым, А. В. Бадмаевым и А. Ш. Кичиковым 5 июня 1970 г., ферма № 3 «Шорвин Кең» совхоза «Сарпа» Юстинского района. Оригинал записи хранится: Научный архив КИГИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Магн. лента 114 (105).

² Информант Боктаев Борис Васильевич (1927–2014), хошут из рода чопахн. Записано Б. В. Меняевым 5 января 2008 г. в пос. Сарпа Кетченеровского района Республики Калмыкия. Оригинал записи хранится в личном архиве автора. Расшифровано Б. В. Меняевым.

³ Дондук-Омбо (1735–1741), третий калмыцкий хан, сын Гунджапа и внук хана Аюки. Родоначальник княжеского рода Дондуковых (Дондуковы-Корсаковы).

В несказочной прозе хошуттов особое место занимает жанр устных рассказов. Ему свойственна свободная форма повествования. Устные рассказы тяготеют к историческим преданиям, поскольку повествуют о важных событиях в жизни народа, его мировоззрении и излагают ценные этнографические сведения.

Повествование с элементами живой разговорной речи ведется от первого лица, что придает рассказу большую достоверность. Устные рассказы «О том, как юноша сватался» («Көвүн яһж хадмуд хээдгин тускар»)¹, «Об Андран Манджи» («Андран Манжин туск тууж»)², «Об этнониме «хошут» («Хошуд нернэ тускар»)³, «О волке» («Чонын тускар»)⁴, «О поединке» («Мархана тускар»)⁵, «О том, как привезли невесту-черкешенку» («Серкшэс күүк буулһсна тускар»)⁶ записаны учеными КНИИЯЛИ в 1960–1970 гг. у сказителей: Н. К. Тюрбеева, Е. У. Мукабенова, Б. В. Боктаева. Опубликовано более 20 рассказов о свадебной пище калмыков, повадках зверей и птиц, хошутских силачах и монахах, изложенные Шаней Боктаевым в книге «Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев» («Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня») [17].

Заключение

Таким образом, устные рассказы, предания, легенды и мифы в традиции хошуттов Калмыкии представляют интерес для исследователей не только как уникальный, архаичный пласт народной культуры, но вместе с тем позволяют приблизиться к пониманию всей системы традиционного фольклора калмыков, проследить мифологические истоки отдельных верований и культов. Совпадение некоторых сюжетов несказочной прозы хошуттов можно трактовать как результат генетического родства, исторических контактов, а также «мыслительных возможностей человеческих обществ, находившихся на одной и той же ступени развития» [44, с. 7]. Введение в научный оборот архивных материалов и собственных многолетних полевых записей авторов могут быть актуальны для дальнейших фольклористических, лингвистических, исторических и этнографических исследований. Изучение несказочной прозы хошуттов будет способствовать сохранению исторической памяти народа, его духовных ценностей и национальных традиций.

Список информантов

Бадмаев Очир Мурсулдаевич (1896–1992), хошут из рода сагсгуд.

Боктаев Борис Васильевич (1927–2014), хошут из рода чонахн.

Боктаев Шаня Васильевич (1933–2010), хошут из рода чонахн.

Комаев Чимид Докаевич (1903–1992), хошут из рода улан манжихн.

Мукабенов Егор Улюмджиевич (1903–1980), хошут из рода чонахн.

Тюрбеев Нусха Кичикович (1900–1986), хошут из рода сагсгуд.

¹ Информант Тюрбеев Нусха Кичикович (1900–1986), хошут из рода сагсгуд. Записано Н. Н. Убушаевым 17 июля 1967 г., с/з Сарпа Юстинского района. Оригинал записи хранится: Научный архив КИГИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Магн. лента 72 (63). Оцифровано Б. Х. Борлыковой. Расшифровано Б. В. Меняевым.

² Информант Мукабенов Егор Улюмджиевич (1903–1980), хошут из рода чонахн. Записано Н. Н. Убушаевым, А. В. Бадмаевым и А. Ш. Кичиковым 5 июня 1970 г., ферма № 3 «Шорвин Кец» совхоза «Сарпа» Юстинского района. Оригинал записи хранится: Научный архив КИГИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Магн. лента № 114 (105).

³ Информант Боктаев Борис Васильевич (1927–2014), хошут из рода чонахн. Записано А. В. Бадмаевым 5 июня 1970 г., на ферме № 3 пос. Сарпа Юстинского (ныне Кетченеровского) района Республики Калмыкия. Оригинал записи хранится в НА КИГИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Магн. лента № 114 (105).

⁴ Информант Боктаев Борис Васильевич (1927–2014), хошут из рода чонахн. Записано А. В. Бадмаевым 5 июня 1970 г., на ферме № 3 пос. Сарпа Юстинского (ныне Кетченеровского) района Республики Калмыкия. Оригинал записи хранится в НА КИГИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Магн. лента № 114 (105).

⁵ Информант Боктаев Борис Васильевич (1927–2014), хошут из рода чонахн. Записано Б. В. Меняевым 5 января 2008 г. в пос. Сарпа Кетченеровского района Республики Калмыкия. Оригинал записи хранится в личном архиве автора. Расшифровано Б. В. Меняевым.

⁶ Информант Боктаев Борис Васильевич (1927–2014), хошут из рода чонахн. Записано Б. В. Меняевым 5 января 2008 г. в пос. Сарпа Кетченеровского района Республики Калмыкия. Оригинал записи хранится в личном архиве автора. Расшифровано Б. В. Меняевым.

Литература

1. Авляев, Г. О. Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд. – Элиста : Калм. кн. изд-во, 2002. – 325 с.
2. Санчилов, В. П. «Илэтхэл-шастир» как источник по истории ойратов. – Москва : Гл. ред. вост. лит-ры, 1990. – 137 с.
3. Тайжиуд, А. О. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. – Элиста : КИГИ РАН, 2016. – 304 с.
4. Манджиева, Б. Б. Сказитель Ш. В. Боктаев и его репертуар // Новые исследования Тувы. – 2013. – № 1. – С. 90–100.
5. Манджиева, Б. Б. Тема депортации калмыков в Сибирь в сказительском творчестве Ш. В. Боктаева // Репрессированные народы: история и современность : материалы Всероссийской научной конференции. – Т. 1. – Элиста : КИГИ РАН, 2013. – 258–262.
6. Борлыкова, Б. Х., Меняев, Б. В. Песенный фольклор хошуты Калмыкии (по полевым материалам 2004–2018 гг.) // Монголы: традиции и современность. Чтения памяти Е. С. Новик : материалы Международной научной конференции (Москва, 11–13 сентября 2019 г.). – Москва : РГГУ, 2019. – С. 5–6.
7. Борлыкова, Б. Х., Меняев, Б. В. Образцы поэтического фольклора хошуты Калмыкии // Башкирский народный эпос «Урал батыр» и духовное наследие народов мира : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А. М. Сулейманова (24 мая 2019 г.). – Ч. 1. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2019. – С. 88–94.
8. Борлыкова, Б. Х., Меняев, Б. В. Песни хошуты Калмыкии: опыт кластерного описания именной лексики // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2019. – № 4. – Т. 10. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/04FLSK419.pdf> (дата обращения : 10.05.2023).
9. Борлыкова, Б. Х., Меняев, Б. В. О персонажах волшебных сказок хошуты Калмыкии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 1. – С. 250–253.
10. Мифы, легенды и предания калмыков / подготовка текстов, перевод, вступительная статья, примечания, комментарии, указатели, словарь, сверка калмыцких текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой. – Москва : Наука – Восточная литература, 2017. – 367 с. (На калмыцком и рус. яз.)
11. Сенглеев, Б. Ю. Исторические предания и легенды о Мазан-батыре у калмыков: эпическая биография : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 2020. – 234 с.
12. Горяева, Б. Б. Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. – Элиста : ЗАОр «НПП «Джангар», 2011. – 128 с.
13. Надбитова, И. С. Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок. – Элиста : НПП «Джангар», 2011. – 260 с.
14. Калмыцкий фольклор / составители : Ц. О. Леджинов, Г. М. Шалбуров. – Элет : Хальмг госиздат, 1941. – 466 с. (На калмыцком яз.)
15. Борлыкова, Б. Х. Об аудиозаписях калмыцких волшебных сказок в научном архиве Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН // Новые исследования Тувы. – 2015. – № 2. – URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_26/7905-borlykova.html (дата обращения : 10.05.2023).
16. Хальмг амн урн үгин билг-эрдм (Өрэсэн номин академин Хальмг номин төвин 1960–1970 жж. бичүлж авсн зуульчлһна материалмуд) (=Устное народное творчество калмыков (экспедиционные аудиоматериалы 1960–1970-х гг. из Научного архива КалмНЦ РАН)) / вступительная статья, расшифровка аудиозаписи, подготовка текста к печати и приложения И. М. Болдыревой. – Элиста : КалмНЦ РАН, 2022. – 500 с. (На калмыцком яз.)
17. Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня. Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев / составление, предисловие, комментарии и приложения Б. Б. Манджиевой. – Элиста : КИГИ РАН, 2010. – 172 с. – (Серия «Өвкрин зөөр»). (На калмыцком яз.)
18. Генеалогия икицохуровских хошуты (по материалам, собранным Ш. В. Боктаевым) / составитель Б. Б. Манджиева. – Элиста : КИГИ РАН, 2011. – (Серия «Өвкрин зөөр»). – 326 с. (На калмыцком и рус. яз.)
19. Мифологический словарь / главный редактор Е. М. Мелетинский. – Москва: Советская энциклопедия, 1991. — URL: <https://www.studmed.ru/meletinskiy-em-mifologicheskiy> (дата обращения : 05.05.2023).
20. Мелетинский, Е. М. От мифа к литературе. – Москва : РГГУ, 2000. – 167 с.
21. Омакаева, Э. У. Предисловие // Осорин Утнасун. Мифы, легенды и предания синьцзянских ойратов и калмыков: сравнительно-сопоставительный анализ. – Элиста : КИГИ РАН, 2015. – С. 6–7.

22. Басангова, Т. Г. Мифы, легенды и предания калмыков // Мифы, легенды и предания калмыков / подготовка текстов, перевод, вступительная статья, примечания, комментарии, указатели, словарь, сверка калмыцких текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой. – Москва : Наука – Восточная литература, 2017. – С. 7–29.
23. Головастиков, К. Почему мифы разных народов похожи. – URL : <https://arzamas.academy/materials/123> (дата обращения : 04.05.2023).
24. Меняев, Б. В. О двух списках рукописи «Аршани номийн тууджи» («Сказание нектарного учения») // Мир буддийской культуры: наследие и современность : материалы III Международного симпозиума, посвященного 150-летию философского факультета Агинского буддийского монастыря (Чита-Агинское, 3–5 ноября 2010 г.). – Чита : Экспресс, 2010. – С. 67–70.
25. Меняев, Б. В. Журнал «Хан Тенгер» как источник изучения фольклора ойратов Синьцзяна // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – № 4. – С. 335–344.
26. Калмыцко-русский словарь / под редакцией Б. Д. Муниева. – Москва : Русский язык, 1977. – 764 с.
27. Убушиева, Д. В. Мифология ежа в калмыцком фольклоре // Новый филологический вестник. – 2021. – № 2. – С. 392–403.
28. Басангова, Т. Г. Образ Зара Цецена (Ежа Мудрого) как культурного героя в фольклорной традиции калмыков и ойратов Синьцзяна // *Mongolica XIX*. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2017. – С. 34–37.
29. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / составитель Б. Х. Тодаева. – Элиста : Джангар, 2007. – 839 с. (На калмыцком и рус. яз.)
30. Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 1–4. – Санкт-Петербург : Тип. Кулиша, 1860–1862. – Вып. 2. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи / под редакцией Н. Костомарова. – С. 305–484.
31. Бабалык, М. Г. Рукописные сочинения о хмеле, матерной брани и табаке: проблема циклизации // Православие в Карелии : материалы IV научной конференции, посвященной 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии. – Петрозаводск : Петрозаводский гос. ун-т, 2016. – С. 291–303.
32. Веселовский, А. Н. Опыты по истории развития христианской легенды // Журнал министерства народного просвещения. – 1875. – № 4. – С. 283–331.
33. Семь звёзд: калмыцкие легенды и предания / составитель Д. Э. Басаев. – Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 2004. – 414 с.
34. Басангова, Т. Г. Сарт-калмыцкая версия Джангара (текст, основные мотивы) // Новые исследования Тувы. – 2011. – № 4. – С. 131–139.
35. Неклюдов, С. Ю. Духи и нелюди в недружелюбном мире (о некоторых стратегиях конструирования мифологического образа). – URL : <https://guthenia.ru/folklore/neckludov52.htm> (дата обращения : 20.05.2023).
36. Төмөртогоо, До. Монгол хэлэнд орсон гадаад үгийн хураангуй тайлбар толь. – Улаанбаатор : Адмон Принт, 2018. – 199 с. (На монгольском яз.)
37. Неклюдов, С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. – Москва : Индрик, 2019. – 519 с.
38. Легенды и сказки Центральной Азии, собранные графом А. П. Беннигсен. – Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1912. – 168 с.
39. Львовский, Н. В. (Мефодий) Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. 2-е изд. – Элиста : КалмНЦ РАН, 2022. – 156 с.
40. Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах / составитель А. Позднеев. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Академии наук, 1911. – 306 с.
41. Большой академический монгольско-русский словарь : в 4 томах. Т. II : Д–О / ответственный редактор Г. Ц. Пюрбеев. – Москва : Academia, 2001. – 536 с.
42. Новолетов, М. Калмыки: исторический очерк. – Санкт-Петербург : Тип. В. Демакова, 1884. – 77 с.
43. Митиров, А. Г. Истоки. – Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 2002. – 287 с.
44. Ойноткинова, Н. Р. Мифология алтайцев: этнолингвистический словарь : в 2 томах. Т. I. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2022. – 512 с.

References

1. Avlyayev, G. O. Origin of the Kalmyk people. 2nd ed. Elista, Kalmyk Book Publ. House, 2002, 325 p. (In Rus.)
2. Sanchirov, V. P. "Iletkhel-shastir" as a source on the history of the Oirats. Moscow, Main Editorial Board of Oriental literature Publ., 1990, 137 p. (In Rus.)
3. Tayzhiud, A. O. Mongolian ethnonyms: questions of the origin and ethnic composition of the Mongolian peoples. Elista, KHR RAS Publ., 2016, 304 p. (In Rus.)
4. Mandzhieva, B. B. Storyteller Sh. V. Boktaev and his repertoire. *The New Research of Tuva*. 2013, no. 1, pp. 90–100. (In Rus.)
5. Mandzhieva, B. B. The theme of the deportation of Kalmyks to Siberia in the storytelling works of Sh. V. Boktaev. In: Repressed peoples: history and modernity. Materials of the All-Russian Scientific Conference. Vol. 1. Elista, KHR RAS Publ., 2013, pp. 258–262. (In Rus.)
6. Borlykova, B. Kh., Menyayev, B. V. Song folklore of the Khoshuts of Kalmykia (based on field materials 2004–2018). In: Mongols: traditions and modernity. Readings in memory of E. S. Novik. Proceedings of the International scientific conference (Moscow, September 11–13, 2019). Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2019, pp. 5–6. (In Rus.)
7. Borlykova, B. Kh., Menyayev, B. V. Samples of poetic folklore of the Khoshuts of Kalmykia. In: Bashkir folk epic "Ural Batyr" and the spiritual heritage of the peoples of the world. Materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of A. M. Suleymanov (May 24, 2019). Part 1. Ufa, BSPU Publ. House, 2019, pp. 88–94. (In Rus.)
8. Borlykova, B. Kh., Menyayev, B. V. Songs of the Khoshuts of Kalmykia: experience of cluster description of nominal vocabulary. In: *World of Science. Sociology, philology, cultural studies*. 2019, no. 4, vol. 10. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/04FLSK419.pdf> (accessed: May 10, 2023). (In Rus.)
9. Borlykova, B. Kh., Menyayev, B. V. About the characters of fairy tales of the Khoshuts of Kalmykia. *News of the Volgograd State Pedagogical University*. 2020, no. 1, pp. 250–253. (In Rus.)
10. Myths, legends and traditions of the Kalmyks. Preparation of texts, translation, introduction, article, notes, comments, indexes, dictionary, verification of Kalmyk texts by T. G. Basangova, T. A. Mikhaleva. Moscow, Nauka Publ., 2017, 367 p. (In Rus.)
11. Sengleyev, B. Yu. Historical traditions and legends about Mazan-batyr among the Kalmyks: an epic biography. Dissertation thesis for the degree of Candidate of Philological Sciences. Moscow, 2020, 234 p. (In Rus.)
12. Goryaeva, B. B. Kalmyk fairy tale: plot composition and poetic-style system. Elista, JSC "NPP Dzhangar", 2011, 128 p. (In Rus.)
13. Nadbitova, I. S. Plots, images and stylistic traditions of Kalmyk fairy tales. Elista, JSC "NPP Dzhangar", 2011, 260 p. (In Rus.)
14. Kalmyk folklore. Compilers Ts. O. Lezhinov, G. M. Shalbuurov. Elista, Halmg gosizdat Publ., 1941, 466 p. (In Kalmyk)
15. Borlykova, B. Kh. About audio recordings of Kalmyk fairy tales in the scientific archive of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences. *The New Research of Tuva*. 2015, no. 2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_26/7905-borlykova.html (accessed: May 10, 2023). (In Rus.)
16. Oral folk art of the Kalmyks (expedition audio materials of the 1960–1970s from the Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences). Compiler I. M. Boldyreva. Elista, KalmSC RAS Publ., 2022, 500 p. (In Kalmyk)
17. Keeper of the wisdom of the people Shanya Boktaev. Compiler B. B. Mandzhieva. Elista, KHR RAS Publ., 2010, 172 p. (Series "Treasures of Ancestors"). (In Kalmyk)
18. Genealogy of Ikitsohur Khoshuts (based on materials collected by Sh. V. Boktaev). Compiler B. B. Mandzhieva. Elista, KHR RAS Publ., 2011, 326 p. (Series "Treasures of the Ancestors"). (In Kalmyk and Rus.)
19. Mythological dictionary. Editor-in-Chief E. M. Meletinsky. Moscow, Sovetskaya Enciklopediya Publ., 1991. – URL: <https://www.studmed.ru/meletinskiy-em-mifologicheskiy> (accessed: May 5, 2023). (In Rus.)
20. Meletinsky, E. M. From myth to literature. Moscow, RGGU Publ., 2000, 167 p. (In Rus.)
21. Omakaeva, E. U. Foreword. In: Osorin Utnasun (Ed.) Myths, legends and legends of the Xinjiang Oirats and Kalmyks: a comparative analysis. Elista, KHR RAS Publ., 2015, pp. 6–7. (In Rus.)

22. Basangova, T. G. Myths, legends and traditions of the Kalmyk. In: Myths, legends and traditions of the Kalmyks. Preparation of texts, translation, introduction, article, notes, comments, indexes, dictionary, verification of Kalmyk texts by T. G. Basangova, T. A. Mikhaleva. Moscow, Nauka Publ., 2017, pp. 7–29.
23. Golovastikov, K. Why are the myths of different nations similar. URL: <https://arzasmas.academy/materials/123> (accessed: May 4, 2023). (In Rus.)
24. Menyaev, B. V. About two copies of the manuscript “The Tale of the Nectar Teaching”. In: The World of Buddhist Culture: Heritage and Modernity. Materials of the III International symposium dedicated to 150th anniversary of the Philosophical Faculty of the Aginsky Buddhist Monastery (Chita-Aginskoye, November 3–5, 2010). Chita, Express Publ., 2010, pp. 67–70. (In Rus.)
25. Menyaev, B. V. Journal “Khan Tenger” as a source for studying the folklore of the Oirats of Xinjiang. *Problems of history, philology, culture*. 2017, no. 4, pp. 335–344. (In Rus.)
26. Kalmyk-Russian dictionary. Edited by B. D. Muniev. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1977, 764 p. (In Kalmyk and Rus.)
27. Ubushieva, D. V. Mythology of the hedgehog in Kalmyk folklore. *The New philological bulletin*. 2021, no. 2, pp. 392–403. (In Rus.)
28. Basangova, T. G. The image of Zar Tsetsen (Hedgehog the Wise) as a cultural hero in the folklore tradition of the Kalmyks and Oirats of Xinjiang. *Mongolica XIX*. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2017, pp. 34–37. (In Rus.)
29. Proverbs, sayings and riddles of the Kalmyks of Russia and the Oirats of China. Compiler B. Kh. Todayeva. Elista, Dzhangar Publ., 2007, 839 p. (In Kalmyk and Rus.)
30. Monuments of Ancient Russian Literature, ed. gr. Grigory Kushelev-Bezborodko. Vol. 1–4. Saint Petersburg, Kulish Printing, 1860–1862. Vol. 2: Tales, legends, stories, fairy tales and parables. Ed. by N. Kostomarova, pp. 305–484. (In Rus.)
31. Babalyk, M. G. Handwritten essays on hops, swearing and tobacco: the problem of cyclization. In: Orthodoxy in Karelia. Materials of the IV scientific conference dedicated to the 25th anniversary of the revival of the Petrozavodsk and Karelian diocese. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2016, pp. 291–303. (In Rus.)
32. Veselovsky, A. N. Experiments on the history of the development of the Christian legend. *Journal of the Ministry of National Education*. 1875, no. 4, pp. 283–331. (In Rus.)
33. Seven stars: Kalmyk legends and traditions. Compiler D. E. Basaev. Elista, Kalmyk Book Publ. House, 2004, 414 p. (In Rus.)
34. Basangova, T. G. Sart-Kalmyk version of Jangar (text, main motifs). *The New Research of Tuva*. 2011, no. 4, pp. 131–139. (In Rus.)
35. Neklyudov, S. Yu. Spirits and non-humans in an unfriendly world (about some strategies for constructing a mythological image). URL: <https://ruthenia.ru/folklore/necklyudov52.htm> (accessed: May 20, 2023). (In Rus.)
36. Temertogoo, Do. Explanatory Dictionary of Borrowings in the Mongolian Language. Ulaanbaator, Admon Print Publ., 2018, 199 p. (In Mongolian)
37. Neklyudov, S. Yu. Folklore landscape of Mongolia. Myth and ritual. Moscow, Indrik Publ., 2019, 519 p. (In Rus.)
38. Legends and tales of Central Asia, collected by Count A. P. Bennigsen. Saint Petersburg, Printing house A. S. Suvorin, 1912, 168 p. (In Rus.)
39. Lvovsky, N. V. (Methodius) Kalmyks of the Bolshederbetovsky ulus of the Stavropol province. 2nd ed. Elista, KalmNTs RAS Publ., 2022, 156 p. (In Rus.)
40. Kalmyk-Russian dictionary for the study of the Russian language in Kalmyk primary schools. Compiled by A. Pozdnev. Saint Petersburg, Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1911, 306 p. (In Kalmyk and Rus.)
41. Large Academic Mongolian-Russian dictionary. In 4 volumes. Vol. II: D–O. Executive editor G. Ts. Pyurbeev. Moscow, Academia Publ., 2001, 536 p. (In Mongolian and Rus.)
42. Novoletov, M. Kalmyks: a historical essay. Saint Petersburg, V. Demakov Printing house, 1884, 77 p. (In Rus.)
43. Mitirov, A. G. Origins. Elista, Kalmyk Book Publ. House, 2002, 287 p. (In Rus.)
44. Oinotkinova, N. R. Mythology of the Altaians: an ethnolinguistic dictionary. In 2 volumes. Vol. I. Novosibirsk, IPTs NSU Publ., 2022, 512 p. (In Rus.)

УДК 398.224(=512.151)
DOI 10.25587/2782-4861-2023-3-42-55

А. А. Озонова
Институт филологии СО РАН

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СРАВНЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ ЭПОСЕ (на материале эпоса «Очы-Бала»)

Аннотация. Цель исследования – выявить и описать средства выражения сравнительных отношений в героическом сказании «Очы-Бала», в одном из ярких образцов алтайского героического эпоса. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью языка алтайского героического эпоса. Новизна исследования заключается в том, что впервые исследованы структурные и семантические типы сравнительных конструкций в эпосе «Очы-Бала». Основные методы исследования – дескриптивный метод, метод структурного моделирования.

В результате исследования выявлены и описаны сравнительные конструкции, передающие эквативные, симилятивные, компаративные и суперлативные отношения. Для выражения эквативных и симилятивных отношений, как правило, используются одни и те же конструкции, что вызывает трудности для их формального разграничения.

Компаративные и суперлативные конструкции представлены единичными примерами, в отличие от широко распространенных эквативных и симилятивных конструкций. Предметами и стандартами сравнения могут быть как предметы, так и действия. Параметр сравнения часто не получает вербального выражения. В алтайском языке показатели сравнения оформляют стандарт сравнения, поэтому в статье особое внимание уделяется маркеру стандарта сравнения, делающему конструкцию сравнительной. Он может быть синтетическим, выраженным аффиксом в составе стандарта сравнения, и аналитическим, представленным служебными словами.

Установлено, что в рассматриваемом эпосе используются те же способы выражения сравнительных отношений, которые были выявлены для современного алтайского языка. Однако количество, частота и активность их употребления в эпосе и в современном алтайском языке различается. Система сравнительных средств в «Очы-Бала» включает три синтетические (=ДЫй, =ДАН и =ГАНДЫй) и шесть аналитических показателей сравнения: *кенту* 'подобно, словно', *кеберлу* 'подобно, как будто', *чылап* 'как, словно, будто', *ошкош / ушкуш* 'подобно, как будто, словно', *полуп* 'как', *подолду* 'подобно'. Выявлено, что функционирование одних и тех же конструкций в фольклорном тексте и в современном алтайском языке различается. Самые частотные в современном алтайском языке сравнительные конструкции со служебными словами *чылап* 'как, словно, будто', *ошкош / ушкуш* 'подобно, как будто, словно' не являются таковыми в рассматриваемом эпосе. Выделены устойчивые сравнения, регулярно используемые для образного описания основных персонажей.

Ключевые слова: алтайский фольклор; алтайский язык; эпос; язык эпоса; синтаксис; сравнение; показатель сравнения; параметр сравнения; сравнительная конструкция; эквативная конструкция; симилятивная конструкция; суперлативная конструкция

Для цитирования: Озонова А. А. Способы выражения сравнения в алтайском эпосе (на материале эпоса «Очы-Бала») // Эпосоведение. 2023. № 3. С. 42–55. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-42-55.

© Озонова А. А., 2023

© Ozonova A. A., 2023

ОЗОНОВА Айяна Алексеевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Новосибирск, Россия. ORCID: 0000-0003-0136-7499; WoS Researcher ID: K-6305-2017. E-mail: ajanao@mail.ru

OZONOVA Aiiiana Alekseevna – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher, Sector of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia. ORCID: 0000-0003-0136-7499; WoS Researcher ID: K-6305-2017. E-mail: ajanao@mail.ru

A. A. Ozonova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Expression of comparison in Altaian epics(on example of *Ochy-Bala*)

Abstract. Our purpose is to discover and describe the means of expression of comparative relations in the heroic tale *Ochy-Bala*, an outstanding Altaian heroic epic. The relevance of our study stems from the fact that the Altaian heroic epics remain relatively understudied, and its novelty lies in the fact that for the first time, we analyze the structural and semantic types of comparative constructions in *Ochy-Bala*. Our primary methods are descriptive methods and methods of structural modeling.

In our study, we detect and describe comparative constructions denoting equative, similitive, comparative, and superlative relations. To express equative and similitive relations, essentially the same constructions are used in most cases, which makes their formal distinction difficult. Comparative and superlative constructions are represented by singular examples, unlike the highly common equative and similitive constructions.

Both objects and actions can serve as objects and standards of comparison. Parameters of comparison are often not expressed verbally. Standards of comparison in the Altai language are formed by comparison markers; therefore, special attention is paid to markers of comparison standards, which make comparative constructions comparative in the first place. They may be synthetic (expressed as affixes within comparison standards) and analytical (expressed through function words).

We show that in *Ochy-Bala*, the means of expression of comparative relations are the same as in the modern Altai language; however, their numbers, frequency, and usage are not quite the same. For example, the comparative constructions in *Ochy-Bala* include three synthetic (=DYi, =DAŋ and =GAndYi) and six analytical markers of comparison: *keptü* 'like, as if', *keberlü* 'like, as though', *chylap* 'like, as if, as though', *oshkosh / ushkush* 'like, as if, as though', *polup* 'like', *podoldu* 'as though'. We show that the functioning of the same constructions in folklore text and modern Altai language is different. In modern Altai, comparative constructions with function words *chylap* 'like, as if, as though' and *oshkosh / ushkush* 'like, as if, as though' are highly common; however, they aren't as frequent in *Ochy-Bala*. We also list the comparative constructions used regularly for the figurative description of the main characters are highlighted.

Keywords: Altai folklore; Altai language; epic; language of the epic; syntax; comparison; comparison indicator; comparison parameters; comparative construction; equative construction; similitive construction; superlative construction

For citation: Ozonova A. A. Expression of comparison in Altaian epics (on example of *Ochy-Bala*). *Epic studies*. 2023; (3): 42–55. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-42-55.

Введение

Поэтико-стилевая система героического эпоса *кай чөрчөк* рассматривается в работах алтайских фольклористов С. С. Суразакова [1; 2], С. М. Каташева [3; 4], З. С. Казагачевой [5], А. А. Конунова [6], в которых, в частности, отмечается изобразительная, выразительная и иллюстративная функция сравнения как художественного приема. Сравнительному изучению алтайских и якутских эпосов посвящена монография И. В. Пухова [7], установлению общих закономерностей и особенностей использования сравнения в эпосах якутов и алтайцев – статьи С. Д. Львовой [8] и А. М. Захаровой [9]. С. Д. Львова в результате сравнительно-сопоставительного анализа якутского эпоса «Могучий Эр-Соготох» и алтайского «Маадай-Кара» делает выводы о том, что «частотность употребления сравнения в алтайском эпосе выше, чем в якутском», «сравнениям алтайского эпоса «Маадай-Кара» характерны архаичность, стабильность и лаконичная структура, а сравнениям якутского эпоса «Могучий Эр Соготох» – импровизация, развернутость, имплицитность, сложная структура» [8, с. 134–135].

Сравнение в героическом эпосе стало объектом специального изучения не только фольклористов, но и лингвистов. Л. Н. Тыбыкова впервые дала системное описание сравнительных конструкций алтайского языка [10]. Структурные и семантические особенности сравнений в

типических мест алтайского героического эпоса показаны в работе Н. Р. Байжановой [11]. Способы выражения сравнительных отношений в героическом эпосе якутов и алтайцев в сопоставительном аспекте рассмотрены в коллективных статьях А. М. Захаровой, А. К. Прокопьевой [12] и Н. Н. Ефремова, А. К. Прокопьевой, А. А. Озоновой [13]. Во всех сопоставительных работах и лингвистов, и фольклористов в качестве алтайского материала используется известный эпос «Маадай-Кара» [14].

Цель нашего исследования – выявить и описать средства выражения сравнительных отношений в героическом сказании. Материалом для статьи послужил героический эпос «Очы-Бала», опубликованный как один из ярких образцов алтайского эпоса в академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Он был записан в 1987 г. у известного сказителя-кайчи А. Г. Калкина. Общий объем опубликованного текста составляет 3496 стихотворных строк [15].

Основные методы исследования – дескриптивный метод, метод структурного моделирования.

1. Сравнительная конструкция и ее основные компоненты

Сравнение выражает представление о сходстве или различии предметов или ситуаций. М. И. Черемисина сравнение определяет как «синтаксическую конструкцию», а «сравнительный смысл» – как семантическую функцию сравнительной конструкции [16, с. 24]. Исследователи при описании структуры сравнительной ситуации выделяют от четырех до шести компонентов [17, с. 138; 18, с. 54–55; 19, с. 289].

Н. Б. Кошкарева и Н. Н. Федина последовательно разграничивают план содержания и план выражения сравнительных конструкций (далее СК) и выделяют следующие смысловые компоненты, формирующие сравнительные отношения: «CMPR1 – первый компарат (предмет сравнения); CMPR2 – второй компарат (стандарт, эталон сравнения); REL – отношение (суждение о сходстве или различии компаратов); PRM – параметр сравнения, который складывается из совокупности двух признаков: PRM.FUND – основание параметра (свойство компарата, на которое направлено внимание, например, «рост», «цвет», «форма» и т. п.), PRM.ASP – аспект параметра (конкретное качество, проявление которого оценивается, например, «высокий» / «низкий», «красный» / «синий» / «зеленый», «круглый» / «овальный» / «квадратный» и др.); EXP – экспонента (дополнительная характеристика отношения с точки зрения степени сходства или различия...)» [20, с. 55]. Каждый из этих смысловых компонентов «может быть выражен различными способами – лексическим, морфологическим, синтаксическим – или оставаться невербализованным» [20, с. 55].

В алтайских СК параметр сравнения, и, особенно часто, экспонента не получают вербального выражения. Показатели сравнения в алтайском языке оформляют стандарт сравнения, поэтому особое внимание мы уделяем маркеру стандарта сравнения, делающему «всю конструкцию – сравнительной конструкцией» [16, с. 57]. Он может быть синтетическим, выраженным аффиксом в составе второго компарата (стандарта сравнения), и аналитическим, представленным служебными словами.

2. Семантические типы сравнительных отношений

Исследователи на основе анализа языков разной типологии выделяют сравнительные отношения равенства и неравенства [21; 22; 23]. Отношения равенства передаются в эквативных (полное сходство) и симилятивных (неполное сходство, подобие), отношения неравенства – в компаративных (превосходство одного предмета над другим по какому-либо признаку) и суперлативных (превосходство одного предмета среди других той же группы) конструкциях.

2.1. Сравнительные конструкции равенства

В алтайском языке Л. Н. Тыбыкова выделяет большое количество как синтетических, так и аналитических средств выражения эквативных и симилятивных отношений [10]. В рассматриваемом эпосе же используется ограниченный набор показателей сравнения, которые мы расположили по частоте употребления: сравнительный аффикс =ДЫй, кенту́ ‘подобно, словно’,

кеберлү ‘подобно, как будто’, причастная сравнительная форма на =ГандЫй, чылап ‘как, словно, будто’, ошкош / ушкыш¹ ‘подобно, как будто, словно’, полуп ‘как’, подолду ‘подобно’. Из описываемых Л. Н. Тыбыковой для алтайского языка синтетических сравнительных показателей в эпосе «Очы-Бала» не зафиксирован аффикс =чА, семантика которого ограничена обозначением предмета, с которым сравнивается другой предмет, по величине, количеству.

В алтайском языке, как правило, используются одни и те же конструкции для выражения эквативных и симилятивных отношений, поэтому бывает сложно их разграничивать. Как отмечает И. А. Невская, различия их, прежде всего, в семантике: «эквативы выражают общую степень некоего качества, в то время как симилятивы выражают общность образа глагольного действия» [19, с. 289].

2.1.1. Конструкции с синтетическим показателем стандарта сравнения =ДЫй

Сравнительный аффикс =ДЫй присоединяется к именной основе и занимает позицию падежного аффикса. Это активно употребляемый показатель сравнения, маркирующий стандарт сравнения в эквативных (1) и симилятивных (2) конструкциях. В эпосе «Очы-Бала» всего нами выявлено 116² примеров сравнений, оформленных аффиксом =ДЫй.

(1) Кёөркий пойы су-алтындый пу кабакту, / Кысыл марал пу чырайлу, / Толун айдый эм чырайлу, / Сологыдый пу качарлу [15, с. 94–95].

кёөркий	пой=ы	су-алтын=дый	пу
милый	сам=POSS.3	чистый-золото=COMP	этот
кабак=ту			
бровь=POSSV			
кысыл	марал	пу	чырай=лу
красный	маральник	этот	лицо=POSSV
толун	ай=дый	эм	чырай=лу
полный	луна=COMP	теперь	лицо=POSSV
солонгы=дый	пу	качар=лу	
радуга=COMP	этот	щека=POSSV	

‘Сама милая, с бровями, как чистое золото, / С лицом, как красный маральник, / С лицом, как полная луна, / С щеками, как радуга’.

В примере (1) четыре определительно-сравнительные конструкции. В трех из них предмет сравнения представлен именами существительными с аффиксом обладания =ЛУ (*кабакту* ‘с бровями’, *чырайлу* ‘с лицом’, *качарлу* ‘с щеками’), стандарт сравнения – именами существительными со сравнительным аффиксом =ДЫй. Стандарт сравнения, маркированный аффиксом =ДЫй, предшествует предмету сравнения и выступает определением к нему. Две конструкции построены по структурной схеме $N_{\text{НОМ}}^{\text{CMPR2}}=\text{дый } N^{\text{CMPR1}}$. В третьей конструкции *толун айдый эм чырайлу* в состав второго компарата входит прилагательное *толун* ‘полный (о луне)’, поскольку лицо сравнивается не просто с луной, а с полной луной. Основание параметра – форма (округлость формы, свойственной одному из состояний луны), аспект параметра – круглый. Структурная схема $-(\text{Adj}N_{\text{НОМ}})^{\text{CMPR2}}=\text{дый } N^{\text{CMPR1}}$.

В примере (2) предметом сравнения является сочетание ‘Очы-Бала сверкала’, стандартом сравнения – именной компонент ‘утренняя звезда’ и глагол ‘сверкать’, который отсутствует. Сказуемое зависимой части опущено, поскольку предполагает номинацию того же действия, выраженного сказуемым в главной части. Семантическая репрезентация данного высказывания выглядит следующим образом: [Очы-Бала сверкала^{*PRM}]^{CMPR1} как^{REL} [утренняя звезда^{*PRM}(сверкает)]^{CMPR2}. Параметр сравнения – «сверкание», аспект параметра – «ярко». Указание на параметр сравнения содержится в лексическом значении глагола, которым выражено сказуемое главной части. На аспект сравнения указывает субъект зависимой части (*тан чолмон* ‘утренняя звезда’).

¹ В статье сохранена орфография источника.

² Количество примеров указывается, включая тексты-вариации и тексты-дополнения.

«Сверкание» Очы-Бала уподобляется яркому блеску утренней звезды, который является устойчивым ассоциатом данного явления.

(2) *Очы-Бала кайран пойы / Таг чолмондый суркураган* [15, с. 146–147].

Очы-Бала	кайран	пой=ы
Очы-Бала	милый	сам=POSS.3
таг	чолмон=дый	суркура=ган
утро	звезда=COMP	сверкать=PERF

‘Очы-Бала милая сама / Как звезда сверкала’.

С. Д. Львова, изучая сравнение в якутском эпосе «Могучий Эр Соготох» и алтайском «Маадай-Кара», указывает, что «большую часть состава объектов сравнения в алтайском эпосе занимает внешний вид персонажа, в основном главного героя, а в якутском эпосе наряду с внешностью персонажей значительное место занимают описания различных действий персонажей» [8, с. 134–135]. В эпосе «Очы-Бала» также большую часть объектов сравнений составляет внешний вид основных героев. В таблице дано описание внешнего вида Очы-Бала. Как видно из таблицы, сравнению подвергаются лицо, глаза, щеки, брови, лопатка, грудь богатырки. Эталоном сравнения выступают небесные светила, природные объекты и явления, металлы, основаниями параметра – форма, размер, цвет и т. д. (см. табл.).

Таблица – Объекты и стандарты сравнения при описании внешнего вида Очы-Бала

Объект сравнения	Стандарт сравнения	Маркер стандарта сравнения	Пример
лицо	маральник	–	<i>Кысыл марал ну чырайлу</i> ‘Лицо ее – как красный маральник’ [15, с. 92–93]
	полная луна	=ДЫй	<i>Толун айдый эм чырайлу</i> ‘Лицо ее – круглая луна’ [15, с. 94–95]
	звезда	–	<i>Кыс чырайы – кысыл чолмон, / Тенери түбин тозып турды...</i> ‘Лицо девы – красная звезда, / Небесный свод стерегущая...’ [15, с. 118–119]
	заря	<i>чылап</i>	<i>Паатыр-кыстыг чырайы / Тагдак чылап жалбырайт</i> ‘Лицо девы-богатырки, / Будто заря, полыхало’ [15, с. 182–183]
	радуга	=ДЫй	<i>Солонгый чырайынанг / Толу айдын пүдүши жарыды</i> ‘С лица, подобного радуге, / Лик полной луны светился’ [15, с. 238–239]
	небо	=ДЫй	<i>Көөркий пойы ну пүдүши / Тенеринин пүдүшиндий</i> ‘Милое лицо ее – / Как лик [ясного] неба’ [15, с. 100–101]
глаза	звезда	=ДЫй	<i>Көргөн көзи көк чолмондый</i> ‘Видящие ее глаза – как синие звезды’ [15, с. 92–93]
	черемуха	–	<i>Јодра полгон кара көстү</i> ‘С черными, как черемуха, глазами’ [15, с. 238–239]
волосы	сияние луны	–	<i>Арка чачы ай жаркынду</i> ‘С волосами лунного сияния на спине’ [15, с. 238–239]
лопатки	равнина	=ДЫй	<i>Ак јалангый жардында</i> [15, с. 92] ‘На ее, как на белой равнине, лопатках’ (пер. автора статьи)
брови	радуга	=ДЫй	<i>Көөркий пойы су-алтындый ну кабакту</i> ‘Сама милая, с бровями, будто из золота’ [15, с. 94–95]
щеки	радуга	=ДЫй	<i>Солонгый бу качарлу</i> ‘Щеки ее – как радуги’ [15, с. 94–95]
	ягода	<i>ошкош</i>	<i>Јиллек ошкош качарлу</i> ‘С щечками, как [красные] ягодки’ [15, с. 226–227]

грудь	серебро	=ДЫЙ	көгүс пойы су-мөңгүндий ‘грудь ее будто из чистого серебра’ [15, с. 134–135]
ягодицы	золото	=ДЫЙ	көчүк пойы су-алтындый ‘ягодицы ее словно золотые’ [15, с. 134–135]
речь	алмаз	=ДЫЙ	Айткан сөзи от-алмыстый мысылдаган [15, с. 94–95] ‘Речь ее, как алмаз, сверкал’ (пер. автора статьи)
	журчание реки	=ДЫЙ	Эрмектенген эрмеги / Агын суунун шылыртындый, / Куучындаган куучыны / Пийик туудын көбүгүндий [15, с. 146–147] ‘Речь ее – / Будто журчание быстрой реки, / Слово ее – / Будто сияние горных вершин’
взгляд	огонь	=ДЫЙ	Көрөдн көзи көрнөддий ну чагылган [15, с. 94–95] ‘Видящие глаза ее, как [раскаленный] огонь, горят’ (пер. автора статьи)
внешний вид	утренняя звезда	=ДЫЙ	Очы-Бала кайран пойы / Тан чолмондый суркураган ‘Очы-Бала милая сама, / Как звезда, сверкала’ [15, с. 146–147]

В следующем примере (3) представлены две СК, в которых первый компарат выражен изафетной конструкцией – ‘дыхание коня’ (*ат тыныжы*) и ‘лицо богатыря’ (*алып жүзи*), второй компарат – ‘туман’ (*туман*) и ‘пожар’ (*өрт*). Основание параметра в первой конструкции – плотность, во второй – цвет; аспект параметра – прилагательные *куу* ‘серый’ и *кысыл* ‘красный’. «Серый» рассматривается как одна из форм тумана, для которой характерны определенные оттенки, густота и др.

(3) *Ат тыныжы куу тумандый, / Алып жүзи кысыл өрттий* [15, с. 108–109].

ат	тыныж=ы	куу	туман=ДЫЙ
конь	дыхание=POSS.3	серый	туман=COMP
алып	жүз=и	кысыл	өрт=ТИЙ
алып	лицо=POSS.3	красный	пожар=COMP

‘Дыхание коня как серый туман, / Лицо *алыпа* как красный пожар’.

2.1.2. Сравнительные конструкции без маркера сравнения

Отдельно следует выделить конструкции без формального показателя сравнения. Например: *Кысыл марал ну чырайлу* ‘С лицом, как красный маральник’. CMPR1 – имя существительное *чырайлу* ‘с лицом’, CMPR2 – словосочетание *кысыл марал*, не маркированное показателем сравнения. Основание параметра – цвет, аспект параметра – красный.

Приведем еще один пример конструкции без маркера сравнения.

(4) *Кыс чырайы – кысыл чолмон* [15, с. 118–119].

кыс	чырай=ы	кысыл	чолмон
девушка	лицо=POSS.3	красный	звезда

‘Лицо девы, как красная звезда’.

Л. Н. Тыбыкова такие конструкции, в которых стандарт сравнения не маркирован, выделяет в отдельный семантический тип и называет именованным метафорическим сравнением без специальных показателей [24, с. 66–67]. А. Н. Майзина отмечает, что в алтайском языке на базе компаративных конструкций с цветовыми компонентами образуются сложные наименования, выражающие «интенсивность цвета, либо уточняющие тот или иной цветовой оттенок» [25, с. 79]. Например: *койон ак* (букв. ‘заяц-белый’) ‘белый-белый’, *кан-кызыл* (букв. ‘кровь красный’) ‘крово-красный’, *кызыл марал* (букв. ‘красный маральник’) ‘румяный (о цвете лица); цвета красного маральника’.

2.1.3. Сравнительные конструкции с синтетическим показателем на =ГАНДЫЙ

Причастная форма на =ГАНДЫЙ образовалась в результате присоединения сравнительного аффикса =ДЫЙ к причастию на =ГАН. Она оформляет финитное сказуемое простого

предложения и в этой функции передает ирреальную модальность. Она может быть обстоятельством образа действия, сказуемым зависимой предикативной единицы (далее ЗПЕ) в обстоятельственных и сравнительно-определятельных полипредикативных конструкциях (далее ППК) [26, с. 88–101].

(5) *Очы ла Балаа тийген октор / Тошко тийгендий тоолонды* [15, с. 160–161].

Очы ла Бала=а	тий=ген	ок=тор
Очы РТCL Бала=DAT	касаться=PART	стрела=PL
тош=ко	тий= гендий	тоолон=ды
лед=DAT	касаться=COMP	катиться=PAST

‘Стрелы, пущенные в Очы-Бала, / Будто льда коснувшись, скатывались’.

Форма на =ГАНДЫЙ в ППК представляет событие в зависимой части как не имевшее место в действительности и выступает как показатель связи. В сравнительных ППК главная предикативная единица (далее ГПЕ) обозначает объект сравнения, ЗПЕ – стандарт сравнения.

(6) *От тўшкендий, чочый перди, / Ок тийгендий, онтой перди* [15, с. 252–253].

от	тўш= кендий	чочы=й	
огонь	спускаться=COMP	пугаться=CV	
пер=ди			
AUX: давать=PAST			
ок	тий= гендий	онто=й	пер=ди
стрела	касаться=COMP	стонать=CV	AUX: давать=PAST

‘Вздрыгнул, будто огонь [на него] упал, / Застонал, будто стрела [его] пронзила’.

В примере (6) ситуация в ЗПЕ нереальна. Сравнительное значение сопровождается дополнительным причинным оттенком: ‘Вздрыгнул, будто [потому что] огонь [на него] упал, / Застонал, будто [потому что] стрела [его] пронзила’.

2.1.4. Сравнительные конструкции с аналитическими показателями стандарта сравнения

В алтайском языке широко используются служебные слова разной степени грамматикализации в качестве маркера стандарта сравнения. В алтайском языке выделяют около 15 служебных слов [10]. В рассматриваемом эпосе используются 6 аналитических показателей сравнения: *кептү* ‘подобно, словно’, *кеберлү* ‘подобно, как будто’, *чылап* ‘как, словно, будто’, *ошкош / ушкучи* ‘подобно, как будто, словно’, *полуп* ‘как’, *подолду* ‘подобно’.

2.1.4.1. Сравнительные конструкции с показателем стандарта *кептү* ‘подобно, словно’

Слово *кептү* ‘подобно, словно’ образовано путем присоединения к слову *кеп* ‘форма, вид; образ, облик’ аффикса обладания =ДУ.

В примере (7) две СК, в которых предмет сравнения – *жөбшө* ‘богатство’ и *мал* ‘скот’, стандарт сравнения – *тайга* ‘гора’ и *талай* ‘море; река’, основание параметра – количество.

(7) *Тайга кептү жөбшөмди / Тоноп алып полбозынг, / Талай кептү малымды / Тозып айдап полбозынг* [15, с. 157].

тайга	кептү	жөбшө=м=ди
гора	подобно	богатство=POSS.1SG=ACC
тоно=п	ал=ып	пол=боз=ынг
грабить=CV	AUX: брать=CV	AUX: быть=NEG.PrP=2SG
талай	кептү	мал=ым=ды
море	подобно	скот=POSS.1SG=ACC
тоз=ып	айда=п	пол=боз=ынг
остановить=CV	гонять=CV	AUX: быть=NEG.PrP=2SG

‘Мои подобные горе богатства, / Разграбив, не сможешь взять, / Мои подобные реке табуны, / Остановив, угнать не сумеешь’ (пер. автора статьи).

В следующем примере (8) основанием для сравнения является параметр «скорость», аспектом параметра – «быстрота», эталоном высокой скорости – ‘молния’ и ‘пламя’. Структурная схема: $N_{\text{NOM}} (T_v = \text{PART})^{\text{CMPR2}} \text{кептү}^{\text{REL}} [(N_{\text{NOM}} V_f^{\text{PRM}})^{\text{CMPR1}}$

(8) *Азулудан Очы-Јеерен / Јалкын **кептү** јалтырт этти, / Јалбыш **кептү** мысылт этти* [15, с. 158–159].

азу=лу=дан		Очы-Јеерен	
клык=POSSV=ABL		Очы-Дьеерен	
јалкын	кептү	јалтырт	эт=ти
молния	подобно	сверкать	AUX: делать=PAST
јалбыш	кептү	мысылт	эт=ти
пламя	подобно	вспыхнуть	AUX: делать=PAST

‘Очи-Дьерен, [конь] из клыкастых, / Подобно молнии, сверкнул, / Подобно пламени, вспыхнул’.

2.1.4.2. Сравнительные конструкции с показателем стандарта *кеберлү* ‘подобно, как будто’

Служебное слово *кеберлү* ‘подобно, как будто’ образовано путем присоединения к слову *кебер* ‘лицо, облик’ аффикса обладания =ДУ.

В конструкциях с *кеберлү* сравниваются только живые существа. Основанием параметра служит «способ действия». Воины врага ведут себя подобно мифическому существу *јеек-јылан* ‘змея-глотала’.

(9) *Јеек-јылан **кеберлү** / Јер пийлеген турдылар* [15, с. 152].

јеек-јылан	кеберлү		
змея-глотала	СОМР		
јер	пийле=ген	тур=ды=лар	
земля	завладеть=PART	AUX: стоять=PAST=3PL	

‘Словно змеи-глоталы, / Землей [богатырки] завладели’.

Основанием параметра в следующем примере служит «скорость». Богатырка подобно черному беркуту вмиг достигает вражеского войска.

(10) *Кара тайка пажынан / Кара мўркўт **кеберлү** / Канча тўмен черўге / Једе ле конды паатырым* [15, с. 158].

кара	тайка	паж=ы=нан	
черный	гора вершина=POSS.3=ABL		
кара	мўркўт	кеберлү	
черный	беркут	СОМР	
канча	тўмен	черў=ге	
сколько	тысяча	войско=DAT	
јед=е ле	кон=ды	паатыр=ым	
дойти=CV	PTCL	AUX: ночевать=PAST богатырь=POSS.1SG	

‘С вершины черной горы, / Подобно черному беркуту, / Многогуменного войска / Вмиг достигла богатырка моя’.

Следующий пример интересен тем, что в нем движение глаз богатырского коня сравнивается с образом луны при затмении.

(11) *Эки тўнгей кара кўзи / Карык туткан ай **кеберлү** айланышкан* [15, с. 96].

эки	тўнгей	кара	кўз=и
два	похожий	черный	глаз=POSS.3
карык	тут=кан	ай	кеберлү
темнота	держать=PART	луна	будто
айлан=ыш=кан			

поворачиваться=RECIP=PERF

‘Два одинаковых глаза его, / Будто луна при затмении, поворачивались’.

В этом примере первым компаратом является сочетание ‘Два одинаковых глаза его поворачивались’, вторым компаратом – ‘луна при затмении (поворачивались)’: *Два одинаковых глаза его поворачивались, как луна при затмении (поворачивает)*. Структурная схема: $[N_{\text{Nom}} (T_v=\text{PART})]_{\text{CMPR2}} \text{кеберлү} [N_{\text{Nom}} V_f^{\text{PRM}}]_{\text{CMPR1}}$. Основание параметра – «образ действия», показатель параметра – глагол *айланышкан* ‘поворачиваться, кружиться, вращаться’. Видимо, отражается некоторое представление носителей культуры о том, что луна при затмении вращается.

2.1.4.3. Сравнительные конструкции с показателем стандарта *ошкош / ушкуш*

Конструкция с общетюркским послелогом *ошкош / ушкуш* ‘подобно, как будто, словно’ выражает значение уподобления. Эта активная в художественных текстах конструкция в рассматриваемом эпосе встречается 6 раз.

В примере (12) богатыри сравниваются с волками, ворующими скот, правители – с ворующими воронами. Основание параметра – «образ действия (поведение подобное волкам и воронам)». Аспект сравнения выражается глаголом *тоно*= ‘грабить’.

(12) *Пөрү ле ушкуш паатырлар / Мал тонорго паштанган, / Кускун ушкуш каандар / Јон тонорго јепсенген* [15, с. 150].

пөрү	ле	ушкуш	паатыр=лар
волк	PTCL COMP	богатырь=PL	
мал	тон=орго	паштан=ган	
скот	грабить=INF	обращаться=PERF	
кускун	ушкуш	каан=дар	
ворон	COMP	правитель=PL	
јон	тон=орго	јепсен=ген	
народ	грабить=INF	готовиться=PERF	

‘Богатыри, подобные стае волков, / Угонять табуны начали. / Правители, подобные стае ворон, / Грабить народ, приготовились’.

2.1.4.4. Сравнительные конструкции с показателем стандарта *чылап* ‘как, словно, будто’

В современном алтайском языке СК с показателем *чылап* ‘как, словно, будто’ являются самыми распространенными [14, с. 83]. В эпосе «Очы-Бала» встретились 9 примеров с послелогом *чылап*, который выступает показателем стандарта только в симилиативных СК.

В следующем предложении (13) лицо богатырки уподобляется полыхающей заре.

(13) *Паатыр-кыстын чырайы / Тандак чылап јалбырайт* [15, с. 182].

паатыр-кыс=тын	чырай=ы	
богатырь-девушка=GEN	лицо=POSS.3	
тандак	чылап	јалбыра=йт
заря	COMP	полыхать=PRES

‘Лицо девы-богатырки, / Будто заря, полыхает’.

Семантическая репрезентация этого высказывания следующая:

[лицо девы-богатырки полыхает^{*PRM}]_{CMPR1} как будто^{REL}[заря^{*PRM} (полыхает)]_{CMPR2} Первый компарат – ‘лицо девы-богатырки полыхает’, второй компарат – ‘заря (полыхает)’, маркер сравнения – послелог *чылап*. Параметром сравнения является признак «выделяться цветом, напоминающим пламя», аспект параметра – «ярко, интенсивно». Структурная схема $[N_{\text{NOM}} (T_v=\text{PART})]_{\text{CMPR2}} \text{чылап}^{\text{REL}} [(N_{\text{NOM}}) V_f^{\text{PRM}}]_{\text{CMPR1}}$

2.1.4.5. Сравнительные конструкции с показателем стандарта *полуп* ‘как’ и *подолду* ‘подобно’

СК с аналитическими показателями *полуп* ‘как’ и *подолду* ‘подобно’ относятся к малоупотребительным.

Служебное слово *полуп* образовано от бытийного глагола *пол*= ‘быть, становиться’ в форме деепричастия на *=(Ы)п*. Конструкция с этим словом передает «значение метафорической

идентификации, т. е. оно полностью идентифицирует предмет сравнения с эталоном, выражая превращение в него» [17, с. 150].

(14) *Ачынбас пойы эм ачынды / Айу полуп, огур ийди* [15, с. 162].

ачын=бас	пой=ы	эм	ачын=ды
гневаться=PrP.NEG	сам=POSS.3	теперь	гневаться=PAST
айу	полуп	огур	ий=ди
медведь	COMP	реветь	AUX: посылать=PAST

‘Не гневавшийся, тут разгневался, / Подобно медведю взревел’.

Первый компарат – ‘он взревел’, второй компарат – ‘медведь (ревет)’, параметр сравнения – «громкость», аспект параметра – «громкий». В полном виде семантическая репрезентация для данного высказывания выглядит следующим образом: [он взревел^{*PRM}]^{CMPR1} подобно^{REL}[медведь^{*PRM} (ревет)]^{CMPR2}. Структурная схема:

$[N_{\text{NOM}}(T_v = \text{PART})^{\text{CMPR2}}]$ полуп ^{REL} $[(N_{\text{NOM}}) V_f^{\text{*PRM}}]^{\text{CMPR1}}$

Со служебным словом *подолду* зафиксированы всего 2 примера.

(15) *Өтүрүп полбос, көлөткөсине подолду* [15, с. 196].

өтүр=ип	пол=бос	көлөткө=си=не
убивать=CV	AUX: быть=NEG.PrP	тень=POSS.3=DAT

подолду

COMP

‘Подобен тени, которую невозможно убить’.

2.1.5. Устойчивые сравнения

В эпосе «Очы-Бала» используются устойчивые сравнения, которые повторяются от двух до семи раз. Они используются при описании богатырки (*толун айдый чырайлу / солонгыдый качарлу* [15, с. 90, 94, 146] – ‘лицо ее – как полная луна, / щеки ее – как радуга’; *көргөн көзи көк чолмондый* [15, с. 90, 92, 94] – ‘видящие ее глаза – как синие звезды’; *ак жаландый жардында* [15, с. 84, 86, 92] – ‘на ее, как на белой равнине, лопатках’), ее коня (*эки ле тунгей кара көзи / карык туткан ай кеберлү айланышкан* [15, с. 96, 176] – ‘два одинаковых черных глаза его, / Будто луна при затмении, поворачивались’); ее скота (*ак тумандый ак тар малы* [15, с. 84, 86, 114, 214, 228, 230, 234] – ‘белый скот их, как белый туман’); вражеского войска (*кускун кептү пу черүлү* [15, с. 106, 114] – ‘его войско, как стая ворон’) и др.

2.2. Сравнительные конструкции неравенства

В эпосе «Очы-Бала» СК неравенства представлены единичными примерами компаративной и суперлативной конструкций.

2.2.1. Компаративная конструкция со стандартом сравнения в форме исходного падежа

Компаративная конструкция со стандартом сравнения в форме исходного падежа является общетюркской и выражает неравенство объектов.

В компаративных типах СК сравниваются два объекта по некоторому признаку, который у одного объекта выражен сильнее, чем у другого. Они состоят из четырех компонентов: сравниваемого объекта (существительное или местоимение в форме именительного падежа), стандарта (существительное или местоимение), показателя стандарта (исходный падеж) и параметра сравнения, выраженного именем прилагательным (при сравнении лиц или объектов) или наречием (при сравнении ситуации).

(16) *Ай канатту Очы-Жеерен / Аткан октонг арай joboш* [15, с. 158–159].

ай	канат=ту	Очы-Жеерен	
луна	крыло=POSSV	Очы-Дьеерен	
ат=кан	ок=тонг	арай	joboш
стрелять=PART	стрела=ABL	немного	медленный

‘Лунокрылый Очы-Дьеерен, / Пущенной стрелы чуть медленнее’.

В этом примере предмет сравнения – имя собственное *Очы-Дьеерен* в именительном падеже, стандарт сравнения – *аткан ок* ‘пущенная стрела’, показатель стандарта – аффикс исходного падежа =*Дан*, аспект параметра – скорость, показатель параметра – прилагательное *joboш* ‘смирный, слабый; медленный’, экспонента (или индекс параметра) – *арай* ‘немного’.

2.2.2. Суперлативная конструкция

В суперлативных конструкциях объект сравнения превосходит другие сравниваемые предметы по некоторому признаку.

В алтайском языке, как и в других тюркских языках, суперлативные типы СК выражаются превосходной степенью прилагательных, которая образуется путем сочетания слов со значением ‘самый’ и прилагательного, выступающего в качестве параметра сравнения. В таких конструкциях стандарт сравнения может быть опущен, предмет сравнения представлен именем существительным или местоимением в именительном падеже, параметр сравнения – прилагательным, показатель параметра – словом со значением ‘самый’. Например: *эн сүмелү уулчак* ‘самый хитрый мальчик’.

В эпосе «Очы-Бала» встретилась редкая суперлативная конструкция, в которой эталон принимает аффикс исходного падежа, предмет сравнения – форму именительного падежа. Параметр сравнения – «признак», выражен именем прилагательным: $N_{ABL}^{CMPR2} AdjN_{NOM}^{CMPR1}$.

(17) *Эрден артык эр* [15, с. 182–183].

эрд=ен	артык	эр
мужчина=ABL	лучший	мужчина
‘Из мужей лучший муж’.		

(18) *Аттаң тапту ат* [15, с. 182–183].

ат=ган	тапту	ат
конь=ABL	лучший	конь
‘Из коней лучший конь’.		

Заключение

Анализ алтайского героического сказания «Очы-Бала» показывает широкое употребление сравнения как художественно-образительного средства. Оно употребляется для образного описания главного героя, его внешности и снаряжения, действий и поступков, а также его верного друга – коня, придавая образам яркость, выразительность и наглядность.

В эпосе встречаются разные структурные и семантические типы СК, особенно активны конструкции равенства (эквативные и симилятивные). Однако в нем используется не весь фонд СК алтайского языка. Кроме того, функционирование одних и тех же конструкций в фольклорном тексте и в современном алтайском языке различается. Самые частотные в современном алтайском языке СК со служебными словами *чылап* ‘как, словно, будто’, *ошкош* ‘подобно, как будто, словно’ занимают периферию системы СК в рассматриваемом эпосе. В эпосе «Очы-Бала» к основным относятся СК с аффиксом =*Дблү*, а также, в отличие от современного алтайского языка, конструкции со служебными словами *кентү* ‘подобно, словно’ и *кеберлү* ‘подобно, как будто’. Для языка эпоса характерны устойчивые сравнения, которые регулярно используются в одних и тех же ситуациях для образного описания основных персонажей.

Список условных обозначений грамматических значений в глоссах

ГПЕ – главная предикативная единица; **ЗПЕ** – зависимая предикативная единица; **1** – 1-е лицо деятеля (‘я’, ‘мы’); **2** – 2-е лицо деятеля (‘ты’, ‘вы’); **3** – 3-е лицо деятеля (‘он’, ‘она’, ‘оно’, ‘они’); **ABL** – исходный падеж; **ACC** – винительный падеж; **ADJ** – имя прилагательное; **AUX** – вспомогательный глагол; **CMPR1** – первый компарат (предмет сравнения); **CMPR2** – второй компарат (эталон, или стандарт, сравнения); **COMP** – служебное имя со сравнительным значением; **CV** – деепричастие; **GEN** – родительный падеж; **DAT** – дательный падеж; **EQU** – эквивалентные отношения («такой же», «подобный»); **INF** – инфинитив; **N** – имя существительное; **NEG** – отрицание; **NOM** – именительный падеж; **PART** – причастие; **PAST** –

форма прошедшего времени; **PERF** – форма прошедшего времени на =ган; **PL** – множественное число; **PRES** – форма настоящего времени; **PRM** – параметр сравнения; **PrP** – причастная форма настоящего-будущего времени на =ар; **PTCL** – частица; **RECIP** – совместный залог; **REL** – показатель сравнительных отношений; **SG** – единственное число; **Tv** – основа глагола; **V_f** – финитная форма глагола.

Литература

1. Суразаков, С. С. Алтай фольклор. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайское кн. изд-во, 1975. – 232 с. (На алтайском яз.)
2. Суразаков, С. С. Алтайский героический эпос. – Москва : Наука, 1985. – 256 с.
3. Каташев, С. М. Поэтика алтайского героического эпоса // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока / ответственный редактор В. М. Гацак. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайское кн. изд-во, 1986. – С. 161–168.
4. Каташев, С. М. Алтайский героический эпос // Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. – Новосибирск : Наука, 1997. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ; Т. 15). – С. 11–46. (На алтайском и рус. яз.)
5. Казагачева, З. С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын». (Аспекты текстологии и перевода). – Горно-Алтайск : Горно-Алт. тип., 2002. – 352 с.
6. Конунов, А. А. Стилевое варьирование в героических сказаниях Н. Улагашева (на фоне алтайской эпической традиции). – Горно-Алтайск : ИП Высоцкая Г. Г., 2012. – 184 с.
7. Пухов, И. В. Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо. – Якутск : Изд-во СО РАН, Якутский филиал, 2004. – 328 с.
8. Львова, С. Д. Сравнения в якутском и алтайском эпосах (на материале олонхо «Могучий Эр Соготох» и кай чэрчэк «Маадай-Кара») // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. – 2019. – № 3. – С. 126–139. – DOI : 10.25587/SVFU.2019.15.36605.
9. Захарова, А. М. Вербализация сравнения в героическом эпосе П. А. Ойунского «Дьулуруйар Ньургун Боотур» и в алтайском эпосе «Маадай Кара» // Вопросы национальных литератур. – 2023. – № 2. – С. 27–32. – DOI : 10.25587/litteraesvf.2023.73.16.004.
10. Тыбыкова, Л. Н. Сравнительные конструкции алтайского языка : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Новосибирск, 1989. – 177 с.
11. Байжанова, Н. Р. Структурные и семантические особенности сравнений в типических местах алтайского героического эпоса // Гуманитарные науки в Сибири. – 2002. – № 3. – С. 44–50.
12. Захарова, А. М., Прокопьева, А. К. Сравнительные конструкции синтетического типа в якутском и алтайском эпосах // Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских и монгольских языков : материалы Международной научно-практической конференции (Якутск, 18–19 октября 2018 г.). – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2018. – С. 222–233.
13. Ефремов, Н. Н., Прокопьева, А. К., Озонова, А. А. Образные сравнительные конструкции в эпическом тексте (на материале якутского олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» и алтайского героического эпоса «Маадай-Кара») // Категория образности в языке (на материале сопоставления якутского языка с казахским, киргизским, алтайским и монгольским языками) : коллективная монография / ответственный редактор С. М. Прокопьева. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2019. – С. 134–146.
14. Маадай Кара. Алтайский героический эпос / сказитель А. Г. Калкин. – Москва : Гл. ред. вост. лит-ры издательства «Наука», 1973. – 474 с. (На алтайском и рус. яз.)
15. Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. – Новосибирск : Наука. Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. – 668 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ; Т. 15). (На алтайском и рус. яз.)
16. Черемисина, М. И. Некоторые вопросы синтаксиса (сравнительные конструкции русского языка). – Новосибирск : НГУ, 1971. – 181 с.
17. Тыбыкова, А. Т., Черемисина, М. И., Тыбыкова, Л. Н. Синтаксис осложненного предложения в алтайском языке. 2-е изд. – Горно-Алтайск : РИО Горно-Алтайского госуниверситета, 2013. – 268 с.
18. Невская, И. А., Тажибаева, С. Ж. Исследование сравнительных конструкций в тюркских языках (сравнительно-сопоставительный аспект) // Предложение как единица языка и речи : материалы Всероссийского научного симпозиума с международным участием / ответственный редактор Е. В. Тюттешева. – Новосибирск : Академиздат, 2019. – С. 183–187.

19. Невская, И. А. Типологические особенности шорских эквативных и симилятивных конструкций // Сибирский филологический журнал. – 2022. – № 4. – С. 286–299. – DOI : 10.17223/18137083/81/22.
20. Федина, Н. Н., Кошкарева, Н. Б. Редукция как механизм варьирования сравнительных аналитико-синтетических полипредикативных конструкций с послелогом *шылан* // *шылан* // *цынан* ‘как, как будто’ в чалканском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2023. – № 2. – Вып. 46. – С. 53–64. – DOI : 10.25205/2312-6337-2023-2-53-64.
21. Stassen, L. The Comparative Compared // *Journal of Semantics*. – 1984. – Vol. 3. – Pp. 143–182. (На англ. яз.)
22. Haspelmath, M., Buchholz, O. Equative and similitive constructions in the languages of Europe // *Adverbial constructions in the languages of Europe* / Ed. Johan van der Auwera. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1998. – Pp. 277–334. (На англ. яз.)
23. Dixon, R. M. W. Comparative constructions: a cross-linguistic typology // *Studies in Language*. – 2008. – Vol. 32. – Pp. 787–817. (На англ. яз.)
24. Тыбыкова, Л. Н. Семантические типы именных сравнительных конструкций в алтайском языке // *Язык и культура алтайцев* / ответственный редактор А. Т. Тыбыкова. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайская республиканская типография, 1993. – С. 55–69.
25. Майзина, А. Н. Семантическое поле цветообозначений в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским языком). – Горно-Алтайск : ИП Высоцкая Г. Г., 2008. – 264 с.
26. Тыбыкова, Л. Н. Синтаксические функции формы на =гандый в алтайском языке // *Компоненты предложения (на материале языков разных систем)*. – Новосибирск : полиграфический участок СО АН СССР, 1988. – С. 88–101.

References

1. Surazakov, S. S. *Altai folklore*. Gorno-Altai Publ. House, 1975, 232 p. (In Altai)
2. Surazakov, S. S. *Altai heroic epic*. Moscow, Nauka Publ., 1985, 256 p. (In Rus.)
3. Katashev, S. M. *Poetics of Altai heroic epic*. In: *Folklore heritage of the peoples of Siberia and the Far East*. Ed. by V. M. Gatsak. Gorno-Altai Publ. House, 1986, pp. 161–168. (In Rus.)
4. Katashev, S. M. *Altai heroic epic*. In: *Altai heroic epics. “Ochi-Bala”, “Kan-Altyn”*. Novosibirsk, Nauka Publ., Siberian Publishing Company of RAS, 1997, pp. 11–46 (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; vol. 15). (In Altai and Rus.)
5. Kazagacheva, Z. S. *Altai heroic tales “Ochi-Bala”, “Kan-Altyn” (Aspects of textology and translation)*. Gorno-Altai Publ. House, 2002, 352 p. (In Rus.)
6. Konunov, A. A. *Stylistic variation in N. Ulagashev’s heroic tales (against the background of the Altai epic tradition)*. Gorno-Altai Publ., 2012, 184 p. (In Rus.)
7. Pukhov, I. V. *Heroic epic of the Altai-Sayan people and Yakut olonkho*. Yakutsk, Publ. House of the SB RAS, Yakut Branch, 2004, 328 p. (In Rus.)
8. Lvova, S. D. *Similes in the Yakut and Altai epics (the case of the olonkho *Mighty Er Sogotokh* and kai cherchek *Maaday-Kara*)*. *Bulletin of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2019, no. 3, pp. 126–139. DOI 10.25587/SVFU.2019.15.36605. (In Rus.)
9. Zakharova, A. M. *Verbalization of Comparison in Platon Oyunsky’s heroic epic “Nyurgun Bootur the Swift” and in the Altai epic “Maadai Kara”*. *Issues of National Literature*. 2023, no. 2, pp. 27–32. DOI: 10.25587/litteraesvf.2023.73.16.004. (In Rus.)
10. Tybykova, L. N. *Comparative constructions of the Altai language*. Dissertation thesis for the degree of Candidate of Philological Sciences. Novosibirsk, 1989, 177 p. (In Rus.)
11. Baizhanova, N. R. *Structural and semantic features of comparisons in typical places of the Altai heroic epic*. *Humanitarian Sciences in Siberia*. 2002, no. 3, pp. 44–50. (In Rus.)
12. Zakharova, A. M., Prokopieva, A. K. *Comparative constructions of synthetic type in the Yakut and Altai epics*. In: *Comparative study of the Turkic and Mongolian languages: materials of the International Scientific and Practical Conference (Yakutsk, October 18–19, 2018)*. Yakutsk, NEFU Publ. House, 2018, pp. 223–233. (In Rus.)
13. Efremov, N. N., Prokopieva, A. K., Ozonova, A. A. *Figurative comparative constructions in the epic text (based on the material of the Yakut olonkho “Nyurgun Bootur the Swift” and the Altai heroic epic “Maadai-Kara”)*. In: *Category of imagery in the language (based on the comparison of the Yakut language with Kazakh,*

Kyrgyz, Altai and Mongolian languages). Ed. by S. M. Prokopieva. Yakutsk, NEFU Publ. House, 2019, pp. 134–146. (In Rus.)

14. Maaday-Kara. Altai heroic epic. Narrator A. G. Kalkin. Moscow, Nauka Publ., 1973, 474 p. (In Altai and Rus.)

15. Altai heroic epics. “Ochi-Bala”, “Kan-Altyn”. Novosibirsk, Nauka Publ., Siberian Publishing Company of RAS, 1997, 668 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; vol. 15). (In Altai and Rus.)

16. Cheremisina, M. I. Some problematic issues of the syntax (Russian comparative constructions). Novosibirsk, NSU Publ. House, 1971, 181 p. (In Rus.)

17. Tybykova, A. T., Cheremisina, M. I., Tybykova, L. N. The syntax of a complicated sentence in the Altai language. Second edition. Gorno-Altai, Publ. and Printing center GASU, 2013, 268 p. (In Rus.)

18. Nevskaya, I. A., Tazhibaeva, S. Zh. Research on comparative constructions in Turkic languages (a comparative aspect). In: Sentence as a unit of language and speech: All-Russian scientific symposium with participation of foreign scholars. Ed. by E. V. Tyuntseva. Novosibirsk, Akademizdat Publ., 2019, pp. 183–187. (In Rus.)

19. Nevskaya, I. A. Typological features of Shor equative and similitive constructions. *Siberian Journal of Philology*. 2022, no. 4, pp. 286–299. DOI: 10.17223/18137083/81/22. (In Rus.)

20. Fedina, N. N., Koshkareva, N. B. Reduction as a mechanism of variation of comparative analytical-synthetic polypredicative constructions with the postposition *shylap // schylap // schynap* ‘as if’ in the Chalkan language. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2023, no. 2, iss. 46, pp. 53–64. DOI: 10.25205/2312-6337-2023-2-53-64. (In Rus.)

21. Stassen, L. The Comparative Compared. *Journal of Semantics*. 1984, vol. 3, pp. 143–182.

22. Haspelmath, M., Buchholz, O. Equative and similitive constructions in the languages of Europe. In: Adverbial constructions in the languages of Europe. Ed. by Johan van der Auwera. Berlin, Mouton de Gruyter, 1998, pp. 277–334.

23. Dixon, R. M. W. Comparative constructions: a cross-linguistic typology. *Studies in Language*. 2008, vol. 32, pp. 787–817.

24. Tybykova, L. N. Semantic types of nominal comparative constructions in the Altai language. In: The language and culture of the Altaians. Ed. by A. T. Tybykova. Gorno-Altai, Gorno-Altai republican Publ. House, 1993, pp. 55–69. (In Rus.)

25. Maizina, A. N. Semantic field of color meanings in the Altai language (in comparison with the Mongolian language). Gorno-Altai, G. Vysotskaya Publ., 2008, 264 p. (In Rus.)

26. Tybykova, L. N. Syntactic functions of the form on =gandy in the Altai language. In: Sentence components (based on the material of languages of different systems). Ed. by M. I. Cheremisina, E. K. Skribnik. Novosibirsk, Polygraphic section of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, 1988, pp. 88–101. (In Rus.)

УДК 81'366.549:398.224(=512.157)
DOI 10.25587/2782-4861-2023-3-56-69

Н. И. Винокурова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЧАСТНОГО ПАДЕЖА В ОЛОНХО

Аннотация. Цель данной статьи – рассмотреть особенности употребления частного падежа в простом (непритяжательном) склонении в языке якутского народного героического эпоса олонхо. Актуальность исследования заключается в малоизученности частного падежа, как одного из менее употребительных из всех падежей якутского языка, в отсутствии исследований, посвященных использованию частного падежа в эпических текстах олонхо. Используются описательные, сравнительные, структурно-семантические методы исследования, а также метод сплошной выборки. В статье были использованы Лейпцигские правила глоссирования. Материалом исследования послужили примеры из следующих олонхо: «Нюргун Бөгө» («Нюргун Бөбө»), «Көр Буурай богатырь» («Көр Буурай бухатыыр»), «Кыыдааннаах Кыыс богатырка» («Кыыдааннаах Кыыс Бухатыыр»), «Ала-Булун», «Кыыс Дэбилийэ», «Момские олонхо» («Муома олонхолоро»), «Неспотыкающийся Мюлджю Сильный» («Бүдүрүйбэт сүһүөхтээх Мүлдьү Бөбө»), «Элэс Боотур с черным, как медведь, конем» («Эһэ Хара аттаах Элэс Боотур»), «Нюргун Боотур Стремительный» («Дьулуруйар Нюргун Боотур»), «Тойон Джагарыма» («Тойон Дьаҕарыма»), «Кюн Эрили» («Күн Эрили»), «Строптивный Кулун Куллустуур» («Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур»), «Кюн Тэгиэримэ» («Күн Тэгиэримэ»), «Улуу Даарын богатырь» («Улуу Даарын бухатыыр»), «Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта» («Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр»). Частный падеж считается одним из малоупотребительных, поскольку имеется ряд ограничительных условий на его использование. Если эти условия выполняются, то употребление частного падежа возможно, но не обязательно, поскольку с таким же успехом может быть использован винительный или исходный падеж. На материале, собранном при помощи метода сплошной выборки из пятнадцати образцов олонхо, демонстрируется, что имена существительные в простой (непритяжательной) форме частного падежа могут выступать в роли прямого объекта с самыми разными глагольными формами. Было показано, что частный падеж встречается с обеими парадигмами повелительного наклонения во всех лично-числовых комбинациях кроме третьего лица, а также с различными залоговыми и аспектуальными формами глагола, с императивной частицей *кулу* и с усилительно-просительным вариантом повелительного наклонения. Результаты исследования показывают скрытый потенциал и возможности для более расширенного употребления частного падежа.

Ключевые слова: якутский язык; частный падеж; паритив; повелительное наклонение; императив; якутский героический эпос олонхо; простое (непритяжательное) склонение; императивная частица; эвиденциальная конструкция; изафетные словосочетания

Для цитирования: Винокурова Н. И. Особенности проявления частного падежа в олонхо // Эпосоведение. 2023. № 3. С. 56–69. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-56-69.

© Винокурова Н. И., 2023

© Vinokurova N. I., 2023

ВИНОКУРОВА Надежда Ивановна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия. ORCID: 0000-0001-6251-2691. E-mail: nadyavinokurova@mail.ru

VINOKUROVA Nadezhda Ivanovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Yakut language, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. ORCID: 0000-0001-6251-2691. E-mail: nadyavinokurova@mail.ru

N. I. Vinokurova

Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems SB RAS

Special characteristics of the occurrence of partitive case in Olonkho

Abstract. The goal of this article is to consider special properties which characterize the usage of partitive case in simple (non-possessive) declension in the language of the Yakut folk heroic epic olonkho. The relevance of this research is supported by the less studied status of partitive case as one of the most infrequent ones compared to other cases in the Yakut language as well as by the lack of theoretical research devoted to the usage of partitive case in the epic texts of olonkho. The following methods were used: descriptive, comparative, structural-semantic as well as the method of continuous sampling. Leipzig glossing rules were used in the article. The collected material contains examples from the following olonkho: “Nurgun the Strong” (“Nyurgun Bege”), “Ker Buuraj bogatyr” (“Kör Buuraj bukhatyir”), “Tough Warrior woman” (“Kydaannaakh Kyys Bukhatyir”), “Ala-Bulkun”, “Kyys Debiliye”, “Olonkhos of Moma” (“Muoma olonkholoro”), “Myuljyu the Strong with unstubbling joints” (“Byudyuryujbet syukhyekhtheekh Myulgyu Bege”), “Hero Eles with a bear-black horse” (“Ehe Khara attaakh Eles Bootur”), “Nyurgun Bootur the Swift” (“Julurujar Nyurgun Bootur”), “Lord Jagaryma” (“Tojon Jagaryma”), “Kyun Erili”, “Obstinate Kulun Kullustuur” (“Kuruubaj khaannaakh Kulun Kullustuur”), “Kyun Tegierime”, “Great Daaryn bogatyr” (“Uluu Daaryn bukhatyir”), “Warrior woman Jyrybyna Jyrylyatta” (“Jyrybyna Jyrylyatta kyys bukhatyir”). Partitive case is considered to be one of the lesser used cases, due to the presence of a number of restrictions on its occurrence. If these conditions are met, then the usage of partitive case becomes possible, but not obligatory, since accusative or ablative cases might be used just as well. With the help of the data gathered using the method of continuous sampling from fifteen specimens of olonkho, it is demonstrated that nouns in the simple (non-possessive) form of the partitive case can act as a direct object with a variety of verbal forms. It has been shown that partitive case occurs in both paradigms of the imperative mood in all person-number combinations except third person. It is also employed with various voice and aspectual forms of the verbs, with the imperative particle *kulu* and with the emphatic-diminutive imperative. The results of the study reveal the hidden potential and the possibilities for more extensive usage of partitive case.

Keywords: Yakut language; partitive case; partitive; imperative mood; imperative; Yakut heroic epic olonkho; simple (non-possessive) declension; imperative particle; evidential construction; izafet combinations of words

For citation: Vinokurova N. I. Special characteristics of the occurrence of partitive case in Olonkho. *Epic studies*. 2023; (3): 56–69. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-56-69.

Введение

Падежная система современного якутского литературного языка включает восемь падежей: именительный, винительный, дательный, исходный, совместный, творительный, частный и сравнительный. Предмет нашего обсуждения – частный падеж был впервые описан О. Н. Бётлингком, который назвал его винительным неопределенным и установил, что данный падеж употребляется только в сочетании с императивной формой глагола и частицей *кулу* ‘дай, подай’ [1, с. 279, 346–347]. Однако последующие исследователи переименовали винительный неопределенный падеж в частный, поскольку данная падежная форма обладает не только семантикой неопределенности, но и выражает часть от целого [2, с. 124]. Частный падеж имеет формы выражения в двух типах склонения: простом и притяжательном. В простом склонении аффикс частного падежа присоединяется к имени существительному без притяжательных суффиксов: *книгэ-тэ* ‘книга-PART’, *книгэ-лэр-дэ* ‘книга-PL-PART’. В притяжательном склонении аффикс частного падежа присоединяется к имени существительному, оформленному притяжательными суффиксами: *книгэ-б-инэ* ‘книга-POSS1SG-PART’, *книгэ-лэр-б-инэ* ‘книга-PL-POSS1SG-PART’. Объект в форме частного падежа сохраняет неопределенность значения даже при наличии притяжательных суффиксов, указывающих на обладателя предмета, и определений – прилагательных или причастий. В следующих примерах и в дальнейшем, где применительно, будут использованы Лейпцигские правила глоссирования [3].

- (1) *Бу маннык олоптос-то онгор-ун.*
этот такой стул-ПАРТ сделать-ИМП.2PL
'Сделайте вот такой стул'.
- (2) *Чэй-гинэ кыра-тык иэһ-ир-т.*
чай-2SG.PART маленький-ADV ДОЛГ-VERB-CAUS.IMP.2SG
'Одолжи немножко твоего чаю'.

Данный падеж обычно употребляется с глагольными видо-временными формами в повелительном наклонении и оформляет прямое дополнение. Однако прямое дополнение может принимать также суффиксы винительного или исходного падежей. Таким образом возникает своеобразная конкуренция между тремя падежами, что помогает объяснить тот факт, что имена существительные в форме частного падежа встречаются реже, чем имена существительные в других падежных формах. Тем не менее, как отмечают исследователи, частный падеж в простом склонении, несмотря на все ограничительные условия, «обладает высокой продуктивностью и частотой употребления, являясь вполне самостоятельной живой падежной формой современного языка» [4, с. 134]. Что касается притяжательных имен с аффиксами принадлежности в форме частного падежа, то они в целом встречаются реже форм в простом склонении [4, с. 144]. В работах по синтаксису принято считать, что «свободные изафетные определения при дополнении в частном падеже в современном литературном языке не встречаются» [5, с. 25]. Однако, подобное утверждение не совсем верно отражает действительное положение вещей, поскольку сложные изафетные конструкции встречаются как в художественных произведениях, так и в языке олонхо. В примерах (3а) и (3с) существительные *хаһа* 'сало' и *тоһоҕо* 'гвоздь' имеют при себе изафетные определения *сылгы* 'конь' и *хатын* 'береза', образуя притяжательные словосочетания *сылгы хаһата* 'конское сало' и *хатын тоһоҕото* 'березовый гвоздь'. Данные словосочетания и принимают на себя суффикс частного падежа, который в притяжательном склонении видоизменяется в форму *-на* (с единственным алломорфом *-нэ*).

- (3) а. *Тон сылгы хаһа-ты-на киллэр!*
мороженое конь сало- poss3sg-part занести-imp.2sg
'Занеси внутрь замороженного конского сала!' [6, с. 133]
- б. *Кут-ун манна арыгы-гыт-ына!*
налить-imp.2pl сюда вино-poss.2pl-part
'Налейте сюда вашего вина!' [7, с. 139]
- с. *Уолат-тар, хатын тоһоҕо-ту-на*
парень-pl, береза гвоздь-poss.3sg-part
Хаба тард-ан киллэр-эн-нит,
хватать-cvb тянуть-cvb заносить-cvb-2pl
Хан-сабар саай-а охсу-н.
сейчас же вбивать-cvb Ваух-imp.2pl
'Парни, хватайте и заносите березовых гвоздей, сейчас же забейте их'
[8, с. 33].

Рассмотрению имен существительных в частном падеже в языке олонхо посвящена статья Н. И. Винокуровой, где показано, что частный падеж в простом склонении более употребителен, чем частный падеж в притяжательном склонении [9]. Было подсчитано количество предложений, содержащих простые (*-та*) и изафетные (*-на*) частные падежные формы, в девяти якутских олонхо. Для удобства читателей продемонстрируем таблицу здесь (см. табл. 1)

¹ Здесь и далее переводы примеров на русский язык осуществлены автором статьи.

[9, с. 85]. Как видно, только олонхо П. П. Ядрихинского – Бэдьээлэ «Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта» содержит больше изафетных падежных форм, чем существительных без аффиксов принадлежности в частном падеже.

Таблица 1 – Количество предложений, содержащих простые (-*та*) и изафетные (-*на*) частные падежные формы, в разных якутских олонхо

№	Название олонхо	- <i>на</i>	- <i>та</i>
1	Кыыдааннаах Кыыс богатырка	0	2
2	Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта	4	2
3	Тойон Джагарыма	1	7
4	Кёр Буурай богатырь	0	6
5	Кюн Эрили	1	2
6	Нюргун Бэгё	2	6
7	Неспотыкающийся Мюлджю Бэгё	0	1
8	Момские олонхо	2	6
9	Элэс Боотур с черным, как медведь, конем	1	1

Тогда как в вышеназванной статье доказывается, что свободные изафетные определения при дополнении в частном падеже в современном литературном языке действительно встречаются, то в настоящей статье будут рассмотрены общие характеристики употребления частных падежных форм. Методологическая база исследования опирается на теоретические положения, сформированные в современном языкознании о категории императивности, и включает в себя труды В. С. Храковского, А. П. Володина, А. В. Бондарко, А. И. Изотова, В. Ю. Гусева [10; 11; 12; 13; 14; 15]. При анализе собранного материала для выявления и систематизации особенностей употребления простых частных падежных форм использовались описательный, структурно-семантический и функционально-семантический методы исследования. Материал исследования был отобран из пятнадцати олонхо методом сплошной выборки существительных в частном падеже и представлен с помощью метода глоссирования. Данные, собранные путем подсчета существительных в частном падеже, приведены в таблице 2 (см. табл. 2). Отличие этой таблицы от первой состоит в том, что во второй таблице приводится количество самих частных падежных форм существительных, а не предложений, в которых данные формы употребляются.

Таблица 2 – Количество простых (-*та*) и изафетных (-*на*) частных падежных форм в разных якутских олонхо

№	Название олонхо	- <i>на</i>	- <i>та</i>
1	Кыыдааннаах Кыыс богатырка [16]	0	7
2	Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта [8]	4	2
3	Тойон Джагарыма [17]	1	7
4	Кёр Буурай богатырь [18]	0	12
5	Кюн Эрили [19]	1	4
6	Нюргун Бэгё [20]	4	23
7	Неспотыкающийся Мюлджю Бэгё [21]	0	1
8	Момские олонхо [22]	2	9
9	Элэс Боотур с черным, как медведь, конем [7]	1	2
10	Ала-Булкун [23]	0	2
11	Нюргун Боотур Стремительный [24; 25; 26]	0	26
12	Кыыс Дэбилийэ [27]	0	4
13	Кюн Тэгиэримэ [28]	0	5
14	Улуу Даарын богатырь [29]	0	15
15	Строптивный Кулун Куллустуур [30]	0	33

Морфологические и синтаксические особенности употребления простых частных падежных форм

Как и ожидалось, частный падеж в простом склонении гораздо более употребителен в языке олонхо, чем частный падеж в притяжательном склонении. Большинство олонхо совсем не содержит изафетных форм, однако избилует непритяжательными именами существительными в частном падеже. Поскольку изафетные словосочетания в частном падеже были детально рассмотрены в другой статье [9], то в данной статье внимание будет сфокусировано на морфологических и синтаксических особенностях употребления простых частных падежных форм.

Как известно, повелительное наклонение имеет две временные парадигмы – близкое и отдаленное будущее. В отдаленном будущем времени парадигма повелительного наклонения состоит только из форм второго лица единственного и множественного числа. Обе формы представлены в рассмотренных олонхо. Например, в примере (5) существительное *оноѳос* ‘стрела’ в частном падеже повторяется три раза с разными распространенными определениями с глаголом *сүгэһэрдэн* ‘взвалить груз’.

- (4) *Аан дойду-бар*
 Вселенная-poss1sg.dat
Салама-та тард-аар-ын.
 салама-part тянуть-dist.imp-2pl
 ‘Протяните саламу в моей вселенной’ [18, с. 42].

- (5) *Масчыт ыал-ым балаѳан-ын курдук*
 дровосек сосед-poss1sg балаѳан-3sg.gen как
Мас балтааны оноѳос-то,
 дерево тупой.наконечник стрела-part
Тиингньит ыал-ым дьиз-тин курдук
 Охотник.на.белку сосед-poss1sg дом-3sg.gen как
тимир ньиксирики оноѳос-то,
 железо трепещущий стрела-part
Улуу кыыл-ым
 великий зверь-poss1sg
Санн-ын унуоб-ун курдук
 плечо-3sg.gen кость-3sg.gen как
Саргылаах сардаана оноѳос-то...
 меткий саранка стрела-part
Көхс-үгэр сүгэһэр-дэ-н-ээр...
 спина-poss1sg.dat груз-verb-refl-dist.imp.2sg

‘Взвали на свою спину груз из деревянных стрел с тупым наконечником, подобных балаѳану моего соседа дровосека, из железных трепещущих стрел, подобных балаѳану моего соседа охотника на белок, из метких стрел саранок, подобных плечевой кости великого зверя...’ [19, с. 91].

В целом было обнаружено чуть более десяти случаев употребления существительных в частном падеже с повелительными глаголами в отдаленном будущем времени. Напротив, лично-числовая парадигма близкого будущего времени гораздо более широко распространена. Наиболее употребительными, как и ожидалось, являются базовые формы второго лица в единственном и множественном числах.

- (6) *Айааһык-ка кыынньар-ан,*
 объездчик-dat сердиться-cvb

Ас-та ас-таа.

еда-part готовь-verb.imp2sg

‘Рассердившись на объездчика, приготовь еду’ [30, с. 154].

- (7) *Обо-ну – уруу-ну,*
ребенок-асс – родня-асс
Офонньор-у – эмээхсин-и тий-иэх-пит-ин
старик-асс – старуха-асс перевозить-fut-1pl-асс
Обус-та уларыс эрэ, Офонньоор да обо-лоор!
бык-part одолжить prtс, старик и ребенок
‘Чтобы перевезти детей, стариков и старух, одолжи-ка быка, стариик да ребятаа!’ [17, с. 186]
- (8) *Туст-уо-м э-тэ,*
бороться-fut-1sg Ваух-pst
Тустуук-та бул-ун!
борец-part найти-imp.2pl
Сысс-иа-м э-тэ,
бегать.наперегонки-fut-1sg Ваух-pst
Сыссыык-та бул-ун!
бегун-part найти-imp.2pl
‘Я бы поборолся, найдите мне борца!
Я бы побегал наперегонки, найдите мне бегуна!’ [25, с. 280]

Следующие наиболее употребительные после базовых форм – это формы первого лица множественного числа. Встречаются как стандартные формы на *-ыаҕ-ыг*, так и инфинитивные формы на *-ыахха*. Формы первого лица единственного числа на *-ыым* в связке с частным падежом не были обнаружены.

- (9) *Үөрүүлээх үнкүү-тэ*
радостный танец-part
Үнкүүл-үөҕ-үг, обо-лоор!
танцевать-imp-1pl ребенок-pl
‘Потанцуем радостный танец, ребятаа!’ [29, с. 257]
- (10) *Кэриэс ас-пыт-ын аһ-ыаҕ-ыг,*
память еда-poss1pl-асс есть-imp-1pl
Кэриэс ыһыах-та ыһ-ыаҕ-ыг!
память ысыах-part устроить-imp-1pl
‘Давайте устроим поминальный пир,
Давайте устроим поминальный ысыах!’ [30, с. 110]
- (11) *Түүрт көлүйэ күүл саҕа*
четыре озерцо озеро подобно
Түү-лээх үрүг көмүс түһэлгэ-тэ
Мех-прог серебро тюсюлгэ-part
Түһэр-эн нүһэрит-иэххэ...
опускать-cvb делать.важным-imp.1pl
Аҕыс атах-таах,

восемь ножка-ргор
Айгыраа-бат – салжалаа-бат
 ломаться-peg.aor – двигаться-peg.aor
Арангас сандалы-та онгор-уохха...
 желтый сандалы-part делать-imp.1pl
Өрөгөйдөөх үтүө үөрүүлээх
 ликующий добрый радостный
Өнөр үөлэн ооньньуу-та
 отборный большой игра-part
Үчүгэй-дик көссү-бүт үөрүү-гэ
 хороший-adv встретить-pspt радостьdat
Тэрий-эн – дирбий-эн көр-үөххэ.
 организовать-cvb – грохотать-cvb Vaux-imp.1pl

‘Давайте с важным видом организуем тюсюлгэ полное меха и серебра, подобное озеру размером с четыре озера... Давайте смастерим крепкий желтый стол сандалы с восемью ножками... На радость хорошей встречи давайте организуем с грохотом ликующие добрые, радостные, отборные большие игры’ [20, с. 371].

Как известно, с типологической точки зрения система чисел в якутском языке довольно простая, содержащая единственное и множественное число. Однако только в парадигме близкого будущего повелительного наклонения появляется также двойственное число, посредством которого осуществляется призыв, обращение говорящего к слушающему в единственном числе выполнить какое-нибудь совместное действие. Частный падеж на прямом дополнении при глагольных формах в двойственном числе, имеющих окончание *-ых*, имеет такое же широкое употребление, как и при глагольных формах в первом лице множественного числа.

- (12) *Аал уот-та отт-уох,*
 священный огонь-part зажигать-imp.du
Алаһа дьиэ-тэ атаар-ых,
 родной дом-part справлять-imp.du
Дьиэ-бэ киир-эн көр-өр-гө
 дом-dat входить-cvb смотреть-aor-dat
Уйа-лаах оҕо-то одумал-ых,
 колыбель-ргор ребенок-part распознавать-imp.du
Таһаар-а тахс-ан көр-өр-гө
 выпускать-cvb выходить-cvb смотреть-aor-dat
Күрүү-лээх сүөһү-тэ үөскэт-иэх,
 загон-ргор скот-part разводить-imp.du
Ыччат-та үөскэ-т-иэх.
 молодежь-part рождать-imp.du

‘Зажжем священный огонь, обустроим родной дом, чтобы заходя в дом, ребенок в люльке был похож на нас, давай заведем скот в загоне, чтобы выпуская его, выходить и смотреть, давай родим потомство’ [29, с. 64–65].

Формы с частным падежом с глаголом в третьем лице императива (*олор-дун* ‘пусть он сидит; пусть он сядет’, *олор-дун-нар* ‘пусть они садятся; пусть они сидят’) не представлены в рассмотренных олонхо. Однако значение, близкое к значению третьего лица повелительного наклонения, а именно передача команды, просьбы, пожелания к третьему лицу или лицам от

говорящего через слушающего, может также выражаться с помощью эвиденциальной частицы *үһү*. В таких конструкциях частный падеж оформляет прямое дополнение при глаголе в форме будущего времени, имеющего суффикс *-ыа(x)*.

- (13) *Михэ сүүр-эр атах-та,*
 мне.dat бегать-аог нога-part
Көт-өр кынат-та,
 летать-аог крыло-part
Миинэр мингэ-тэ,
 верховой конь-part
Тардыст-ар далаһа-та,
 тянуться-аог мостик-part
Анныбар миин-эр
 подо.мной ездить.верхом-аог
Аналлаах ат-та бизр-иэ-н үһү.
 приспособленный конь-part дать-fut-2sg evid
 ‘Говорят, чтобы дал мне коня, приспособленного для верховой езды’ [22, с. 99].

Обе временные парадигмы повелительного наклонения имеют усилительно-просительный вариант, который образуется с помощью суффикса *-ый/-ыйй*. В литературном языке этот суффикс, а также его морфонологические вариации, задействован во всех лично-числовых комбинациях. В рассмотренных олонхо было обнаружено десять императивных глаголов в усилительно-просительной форме, при которых прямое дополнение оформлено в частном падеже. В семи случаях это глагол *тут* ‘держи’, усилительно-просительная форма *тутуй* ‘держи-ка, держи пожалуйста’, в составе устойчивого выражения *айхал тут* ‘приветствовать’, *дорообо тут* ‘приветствовать’. Три других случая включают глаголы *көрүүй* ‘посмотри пожалуйста’, *бэрсий* ‘поделись пожалуйста’, *охторуй* ‘повали изо всех сил’.

- (14) *Тусна дойду тойон-о,*
 чужой страна господин-poss3sg
Дорообо-то тут-уй!
 приветствие-part держать-dim.imp2sg
Атын алаас аҕа-та
 другой алаас отец-poss3sg
Айхал-ла тут-уй!
 слава-part держать-dim.imp2sg
 ‘Приветствую тебя, господин чужой страны,
 Восхваляю тебя, отец другого аласа!’ [26, с. 206]

- (15) *Унуо-ханас өтт-ү-гэр*
 правый-левый сторона-poss.3sg-dat
Улаан-на охтор-уй!
 чалая.лошадь-part валить-dim.imp2sg
 ‘Справа и слева от себя повали изо всех сил чалых лошадей’ [25, с. 56].

В якутском языке существительное в позиции объекта также может принимать форму частного падежа при частице *кулу*. Эта частица обладает всей широтой семантики повелительного наклонения от прямого приказа до увещевания, наставления, мольбы или просьбы. Этимологически данная императивная частица восходит к древнетюркскому глаголу *qol* ‘просить,

умолять' [31, с. 454]. Она может употребляться сама по себе напрямую с существительным, а также может следовать за глаголом в форме деепричастия на *-ан*. Кроме того, частица способна самостоятельно присоединять окончание *-н* второго лица множественного числа повелительного наклонения. Как видно из приведенного ниже первого примера, употребление частицы без сопутствующего глагола позволяет некоторую гибкость в интерпретации смысла предложения. Перевод второго из приведенных ниже примеров показывает, что в некоторых случаях значение частицы *кулу* в якутском языке совпадает со значением частицы *-ка* в русском языке, употребляющейся при повелительном наклонении для смягчения просьбы, приказа.

- (16) а. *Кинигэ-тэ кулу.*
 'Дай/Принеси/Найди (какую-нибудь) книгу'.
 б. *Миин-нэ буһар-ан кулу/кулу-н.*
 суп-part варить-cvb imp.ptc / imp.ptc-imp.2pl
 'Свари-ка/Сварите-ка немного супа'.

В рассмотренных нами олонхо было обнаружено восемь примеров употребления частицы *кулу*, из них в двух примерах частица имела показатель множественности. Ни в одном из примеров частица не была употреблена самостоятельно, без сопутствующего глагольного деепричастия.

- (17) *Сырдык-ыраас түүлээх*
 светлый-чистый мех-ргор
Сылгы сүөһү-тэ тоҕо кыйдаан кулу!
 лошадь скот-part энергично сгонять-cvb imp.ptc
 'Сгоните-ка энергично лошадей со светлой мастью!' [30, с. 152]
- (18) *Үрдүк халлаан*
 высокое небо
Мөнгүөнэ ыгыгыр-да,
 макушка седло-part
Дьирбиин быллыт дьирим-нэ,
 узкая.полоса облако подпруга-part
Курбуу быллыт холун-на,
 обхватывающий облако подпруга-part
Кыыһар быллыт кычым-на,
 алеющий облако тебенек-part
Сэттэ былас-таах
 семь размах-ргор
Тэргэн кулахай тэһиин-нэ,
 большой ущелье уздочка-part
Хатан халлаан
 ясное небо
Хантарҕата үүн-нэ,
 повод узда-part
Улуу халлаан
 великое небо
Обуруга уостуган-на,
 окружность-poss3sg удила-part
Түөрт халлаан

четыре небо

Төлөн-ө буол-бут

пламя-poss3sg быть-pspt

Тимир бурут кымньыы-та

железо прут хлыст-part

Түһэр-э тард-ан кулу-н.

спускать-cvb Ваух-cvb imp.prtc-imp.2pl

‘Спустите-ка мне на землю седло, подобное высокому небу,

Подпругу, подобную узкой ленте из облак,

Подпругу, похожую на обхватывающее облако,

Тебенек, схожий с алеющим облаком,

Уздечку размером с большое ущелье в семь размахов,

Узду, подобную поводу ясного неба,

Удила, подобные окружности великого неба,

Хлыст из железного прута, ставшего пламенем четырех небес’ [20, с. 279–280].

С морфологической точки зрения стоит отметить, что многочисленные залоговые и аспектуальные формы якутского глагола представлены во всем своем разнообразии в конструкциях с частным падежом в олонхо. Для демонстрации приведем два примера – с побудительным залогом в (19) и с формой кратковременного вида в (20). Также, приведенный выше пример (18) содержит аналитическую форму с аспектуальным значением ускоренности.

- (19) *Сайын от-то обус-тар,*
 лето трава-part косить-caus-imp.2sg
Кыһын мас-та кэр(т)-тэр.
 зима дерево-part рубить-caus-imp.2sg
 ‘Летом вели косить сено,
 Зимой вели рубить дрова’ [18, с. 66].

- (20) *Өлбөт үөс-тээх,*
 Неумирающий аорта-ргор
Өспөт тыын-наах
 Негаснувший дыхание-ргор
Буулаба бухатырь-да
 Могучий богатырь-part
Булан-талан киллэрэ охс-ун...
 найти-cvb – выбрать-cvb вводить-cvb Ваух-imp.2pl
 ‘Тщательно отберите и быстро приведите могучего богатыря с неумирающей аортой, с негаснувшим дыханием...’ [24, с. 118]

Во всех примерах, использованных в статье, объект в частном падеже обладает семантикой неопределенности, тогда как объект в винительном падеже имеет значение определенности. В следующих двух примерах, где присутствуют оба падежа, отчетливо видно это противопоставление. Кроме того, в первом случае присутствует значение части от целого – *аста* ‘от еды, из еды, немного еды’, а во втором подразумевается любая другая лошадь из имеющихся в наличии.

- (21) *Сылаас ас-та аһаа-н,*
 теплый еда-part есть-imp.2pl

Сылаа-быт-ын таһаар-ын!
 усталость-poss.2pl-acc выводить-imp.2pl
 ‘Откушайте теплой еды,
 Изгоните свою усталость!’ [19, с. 87]

- (22) *Ол ат-ы миэхэ ажал,*
 тот конь-acc мне давать-imp.2sg
Мин ат-ым букатын сүүр-бэт сылгы,
 я конь-poss.1sg совсем бегать-neg.aor лошадь
Эн бэйэ-н атын ат-та сүүр-т, – диир.
 ты сам-2sg другой конь-part бегать-caus.imp.2sg, – говорит
 ‘Ту лошадь отдай мне,
 Моя лошадь совсем не умеет бегать,
 А ты сам заставь бегать другую, – говорит’ [17, с. 143].

Неопределенность частного падежа подкрепляет невозможность использования определения *ол* с ним: нельзя сказать *ол атта* ‘эту лошадь (частный)’. Производное от *ол*, а именно определение *оннук* ‘такой’ возможно с частным падежом – *оннук атта* ‘такую лошадь’, т. к. в данном случае речь идет не о конкретной лошади, а о любой лошади, которая похожа на эту.

Заключение

В данной статье были рассмотрены морфологические и синтаксические особенности употребления частного падежа с глагольными формами. На основе примеров, собранных из пятнадцати олонхо, было показано, что частный падеж встречается с обеими парадигмами повелительного наклонения во всех лично-числовых комбинациях кроме третьего лица, а также с различными залоговыми и аспектуальными формами глагола, с императивной частицей *кулу* и с усилительно-просительным вариантом повелительного наклонения. Для передачи значения повеления третьему лицу используется эвиденциальная конструкция. Также следует подчеркнуть, что чередование частного падежа с винительным и исходным на объекте в повелительном наклонении обусловлено семантическими причинами – неопределенностью и значением части от целого. Примеры, приведенные в статье, показали, что частный падеж в олонхо может употребляться в любых синтаксических оборотах. Таким образом, потенциал употребления частного падежа достаточно широк и не до конца реализован в эпических текстах олонхо.

Сокращения

1, 2, 3: первое, второе, третье лицо; **adv:** суффикс образования наречия; **aor:** показатель (причастия) настояще-будущего времени; **caus:** побудительный залог; **cond:** показатель условного наклонения; **cvb:** деепричастие; **dat:** дательный падеж; **dim.imp:** усилительно-просительный вариант императива; **dist.imp:** показатель отдаленного будущего времени повелительного наклонения; **du:** показатель двойственного числа; **evid:** эвиденциальная частица; **fut:** показатель (причастия) будущего времени; **gen:** родительный падеж; **imp:** показатель близкого будущего времени повелительного наклонения; **imp.prtc:** повелительная частица; **neg:** показатель отрицания; **part:** частный падеж; **pl:** множественное число; **poss:** аффикс принадлежности; **pst:** показатель прошедшего времени; **pspt:** причастие прошедшего времени; **refl:** возвратный залог; **sg:** единственное число; **Vaux:** вспомогательный глагол; **verb:** суффикс образования глагола.

Литература

1. Бётлингк, О. Н. О языке якутов / перевод с немецкого В. И. Рассадина. – Новосибирск : Наука, 1990. – 646 с.
2. Убрятова, Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. – Новосибирск : Наука, 2006. – 603 с.
3. Винокурова, Н. И. Глоссирование как метод репрезентации текстов в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – № 4 (17). – С. 85–99.

4. Грамматика современного якутского литературного языка : в 2 томах. Т. 1. Фонетика и морфология. – Москва : Наука, 1982. – 496 с.
5. Грамматика современного якутского литературного языка : в 2 томах. Т. 2. Синтаксис. – Новосибирск : Наука, 1995. – 336 с.
6. Данилов, С. П. Киһи биирдэ олорор. – Дьокуускай : Кинигэ изд-та, 1975. – 408 с. (На якутском яз.)
7. Оготовоев, П. В. Эһэ Хара аттаах Элэс Боотур : [олонхо]. – Якутск : Фонд сохранения и изучения олонхо, 2002. – 228 с. (На якутском яз.)
8. Ядрихинской, П. П. – Бэдьээлэ. Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр : [олонхо]. – Якутск : Якутское кн. изд-во, 1981. – 199 с. (На якутском яз.)
9. Винокурова, Н. И. Употребление частного падежа в олонхо // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10 (76). – С. 83–86.
10. Типология императивных конструкций / В. С. Храковский. – Санкт-Петербург : Наука, 1992. – 301 с.
11. Храковский, В. С., Володин, А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. – 2-е изд. – Москва : Едиториал УРСС, 2002. – 272 с.
12. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики : На материале русского языка. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
13. Изотов, А. И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским. – Брно : Л. Марек, 2005. – 274 с.
14. Гусев, В. Ю. Типология специализированных глагольных форм императива : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 2005. – 22 с.
15. Гусев, В. Ю. Типология императива. – Москва : Языки славянской культуры, 2013. – 336 с.
16. Кыыдааннаах Кыыс Бухатыыр : олонхо / [сказитель М. Н. Горохов – Муойа]. – Дьокуускай : Бичик, 2016 – 208 с. – (Саха боотурдара : 21 томнаах ; 17 т.). (На якутском яз.)
17. Новиков, В. М. – Күннүк Уурастырап. Тойон Дьаҕарыма : [олонхо]. – Якутск : Якутское кн. изд-во, 1959. – 331 с. (На якутском яз.)
18. Александров, Н. С. – Ынта Никиитэ. Көр Буурай бухатыыр : [олонхо]. – Якутск : Ассоциация «Сайдыс» и общественная академия «Кэскилгэ хардыы», 2000. – 192 с. (На якутском яз.)
19. Степанов, Н. И. – Ноорой. Күн Эрили : [олонхо]. – Якутск : Полиграфист, 1995. – 180 с. (На якутском яз.)
20. Абрамов, Н. А. – Кынат. Ньургун Бөҕө : [олонхо]. – Якутск : Бичик, 2011. – 512 с. – (Саха боотурдара : 21 томнаах ; 10 т.). (На якутском яз.)
21. Николаев, И. А. – Куоҕас Уйбаан. Бүдүрүйбэт сүһүөхтээх Мүлдү Бөҕө : [олонхо]. – Якутск : Бичик, 2012. – 256 с. – (Саха боотурдара : 21 томнаах ; 11 т.). (На якутском яз.)
22. Муома олонхолоро / [эпипэтиир редактор В. В. Илларионов]. – Якутск : Бичик, 2004. – 240 с. – (Саха боотурдара : 21 томнаах ; 4 т.). (На якутском яз.)
23. Захаров, Т. В. – Чээбий. Ала-Булкун : якутское олонхо. – Якутск : Сахаполиграфиздат, 1994. – 104 с. (На якутском яз.)
24. Ойуунускай, П. А. Айымньылар : сэттэ томнаах. 4 том : Дьулуруйар Ньургун Боотур : [олонхо] : 1, 2, 3 ырыалара. – Якутскай : Саха сириээби кинигэ изд-та, 1959. – 324 с. (На якутском яз.)
25. Ойуунускай, П. А. Айымньылар : сэттэ томнаах. 5 том : Дьулуруйар Ньургун Боотур : [олонхо] : 4, 5, 6 ырыалара. – Якутскай : Саха сириээби кинигэ изд-та, 1959. – 288 с. (На якутском яз.)
26. Ойуунускай, П. А. Айымньылар : сэттэ томнаах. 6 том : Дьулуруйар Ньургун Боотур : [олонхо] : 7, 8, 9 ырыалара. – Якутскай : Саха сириээби кинигэ изд-та, 1960. – 312 с. (На якутском яз.)
27. Кыыс Дэбилийэ : Якутский героический эпос. – Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма, 1993. – 330 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (На якутском и рус. яз.)
28. Федоров, К. Л. Күн Тэгийримэ : олонхо. – Дьокуускай : Бичик, 2012. – 232 с. – (Саха боотурдара : 21 томнаах ; 12 т.). (На якутском яз.)
29. Шараборин, М. Т. Улуу Даарын бухатыыр : [олонхо]. – Дьокуускай : Бичик, 2008. – 272 с. – (Саха боотурдара : 21 томнаах ; 5 т.). (На якутском яз.)
30. Теплоухов-Тимофеев, И. Г. Куруубай хааннаах Кулун Куллуустуур : [олонхо]. – Якутскай : Якутское кн. изд-во, 1958. – 254 с. (На якутском яз.)
31. Древнетюркский словарь / под редакцией В. М. Наделяева и др. – Ленинград : Наука, 1969. – 676 с.

References

1. Böttlingk, O. N. About the Yakut language. Translated from German by V. I. Rassadin. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, 646 p. (In Rus.)
2. Ubryatova, E. I. Studies on the syntax of the Yakut language. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006, 603 p. (In Rus.)
3. Vinokurova, N. I. Glossing as a method of text representation in the Yakut language. *North-Eastern Humanities Bulletin*. 2016, no. 4, pp. 85–99. (In Rus.)
4. Grammar of the modern Yakut literary language: in 2 volumes. Vol. 1. Phonetics and morphology. Moscow, Nauka Publ., 1982, 496 p. (In Rus.)
5. Grammar of the modern Yakut literary language: in 2 volumes. Vol. 2. Syntax. Novosibirsk, Nauka Publ., 1995, 336 p. (In Rus.)
6. Danilov, S. P. A man only lives once. Yakutsk, Book Publ. House, 1975, 408 p. (In Yakut)
7. Ogotoev, P. V. Ese Khara attakh Eles Bootur: olonkho. Yakutsk, Foundation for the Preservation and Study of Olonkho Publ., 2002, 228 p. (In Yakut)
8. Yadrikhinsky, P. P. – Bejeele. Warrior woman Jyrybyna Jyrylyatta: olonkho. Yakutsk, Yakutsk Book Publ. House, 1981, 199 p. (In Yakut)
9. Vinokurova, N. I. Use of the private case in olonkho. *Philology. Theory & Practice*. 2017, no. 10, pp. 83–86. (In Rus.)
10. Typology of imperative constructions. V. S. Khrakovsky. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992, 301 p. (In Rus.)
11. Khrakovsky, V. S., Volodin, A. P. Semantics and typology of the imperative: Russian imperative. 2nd ed. Moscow, Unitorial Urss Publ., 2002, 272 p. (In Rus.)
12. Bondarko, A. V. Theory of meaning in the system of functional grammar: On the material of the Russian language. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2002, 736 p. (In Rus.)
13. Izotov, A. I. Functional-semantic category of imperativeness in the modern Czech language in comparison with Russian. Brno, L. Marek Publ., 2005, 274 p. (In Rus.)
14. Gusev, V. Yu. Typology of specialized verb forms of the imperative. Abstract of the thesis for the degree of Candidate of Philological Sciences. Moscow, 2005, 22 p. (In Rus.)
15. Gusev, V. Yu. Typology of the imperative. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2013, 336 p. (In Rus.)
16. Kyydaannaakh Kyys Bukhatyyr: olonkho. Olonkho-teller M. N. Gorokhov – Muoya. Yakutsk, Bichik Publ., 2016, 208 p. (Sakha booturs: in 21 vol. Vol. 17). (In Yakut)
17. Novikov, V. M. – Kyunnyuk Uurastyrap. Toyon Jagaryma: olonkho. Yakutsk, Yakutsk Book Publ. House, 1959, 331 p. (In Yakut)
18. Alexandrov, N. S. – Ynta Nikiite. Ker Buurai bogatyr: olonkho. Yakutsk, Association “Saidys” and public academy “Keskilge khardyy” Publ., 2000, 192 p. (In Yakut)
19. Stepanov, N. I. – Nooroi. Kyun Erili: olonkho. Yakutsk, Polygraphist Publ., 1995, 180 p. (In Yakut)
20. Abramov, N. A. – Kynat. Nyurgun Bege: olonkho. Yakutsk, Bichik Publ., 2011, 512 p. (Sakha booturs: in 21 vol. Vol. 10). (In Yakut)
21. Nikolaev, I. A. – Kuogas Uybaan. Byudyuryuibet syukhyekhtheekh Myuldyu Bege: olonkho. Yakutsk, Bichik Publ., 2012, 256 p. (Sakha booturs: in 21 vol. Vol. 11). (In Yakut)
22. Olonkhos of Moma. Executive editor V. V. Illarionov. Yakutsk, Bichik Publ., 2004, 240 p. (Sakha booturs: in 21 vol. Vol. 4) (In Yakut)
23. Zakharov, T. V. – Cheebiy. Ala-Bulkun: Yakut olonkho. Yakutsk, Sakhapolygraphizdat Publ., 1994, 104 p. (In Yakut)
24. Oiunsky, P. A. Works: in 7 volumes. Vol. 4: Nyurgun Bootur the Swift: olonkho: 1, 2, 3 parts. Yakutsk, Yakutsk Book Publ. House, 1959, 324 p. (In Yakut)
25. Oiunsky, P. A. Works: in 7 volumes. Vol. 5: Nyurgun Bootur the Swift: olonkho: 4, 5, 6 parts. Yakutsk, Yakutsk Book Publ. House, 1959, 288 p. (In Yakut)
26. Oiunsky, P. A. Works: in 7 volumes. Vol. 6: Nyurgun Bootur the Swift: olonkho: 7, 8, 9 parts. Yakutsk, Yakutsk Book Publ. House, 1960, 312 p. (In Yakut)
27. Kyys Debiliye: Yakut heroic epic. Novosibirsk, Nauka. Siberian Publishing Company Publ., 1993, 330 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East). (In Yakut and Rus.)

28. Fedorov, K. L. *Kyun Tegierime: olonkho*. Yakutsk, Bichik Publ., 2012, 232 p. (Sakha booturs: in 21 vol. Vol. 12). (In Yakut)
29. Sharaborin, M. T. *Great Daaryn bogatyr: olonkho*. Yakutsk, Bichik Publ., 2008, 272 p. (Sakha booturs: in 21 vol. Vol. 5). (In Yakut)
30. Teploukhov-Timofeev, I. G. *Stubborn Kulun Kullustuur: olonkho*. Yakutsk, Yakutsk Book Publ. House, 1958, 254 p. (In Yakut)
31. *Ancient Turkic dictionary*. Edited by V. M. Nadeliev et al. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 676 p. (In Rus.)

К. А. Покоякова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

СЕМАНТИКА ЗООНИМОВ В ХАКАССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Аннотация. Статья посвящена изучению пословиц и поговорок хакасского языка, которые несут антропоцентрический характер и включают в свой состав наименования животных (зоонимы). Цель статьи – выявление и описание семантики зоонимов и особенностей их функционирования в хакасских паремических выражениях. Актуальность темы обусловлена недостаточной разработанностью проблематики изучения малых фольклорных жанров в хакасской лингвистике. Новизна проведённого исследования состоит в том, что в нём предпринята попытка исследования зоонимов в качестве компонентов пословиц и поговорок хакасского языка. В ходе работы использованы описательный, семантико-когнитивный и лингвостатистический методы, обзор научной литературы. Материал исследования подобран путём сплошной выборки из существующих сборников хакасских пословиц и поговорок.

Полученные в ходе исследования результаты показали наличие большого количества паремий с компонентами-зоонимами (более 130 единиц), что обусловлено значимостью животного мира, в котором в результате многовековых наблюдений человека за ним зафиксировались национальные черты и особенности ментальности хакасского народа. Этнокультурную специфику хакасского языка наиболее полно репрезентируют паремии с зоолексемой *ат* ‘лошадь, конь’. Тематическая классификация хакасских пословиц и поговорок с зоонимическими компонентами включает около 12 ценностно-ориентированных семантических групп, которые объединены в рамках универсальных оппозиций (хорошее-плохое, добро-зло, правда-ложь, сила-слабость, ум-глупость и др.), а также семейно-родственных и социальных отношений. Выявлена доминанта двухкомпонентной параллельной структуры хакасских паремий, содержащей в одной части основную идею в виде нравственной установки, а во второй – её аргументацию с компонентом-зоонимом. Образные значения хакасской анималистической паремиологии репрезентируются в ассоциативных связях нрава и повадок животных с человеческими характеристиками и чертами: *лошадь* символизирует силу, трудолюбие; *заяц* ассоциируется с трусостью; *собака* – со злостью, жестокостью; *змея* – с притворством и подлостью; *волк* – с жадностью и расчётливым умом; *медведь* – с бесстрашием; *сорока* – с пустословием и болтовней и т. д. Этнокультурная семантика зоонимов представлена как в метафоричных пословицах и поговорках, так и паремиях, репрезентирующих благопожелания, обычаи и приметы хакасского народа.

В перспективе – сравнительно-сопоставительные исследования рассматриваемой темы с привлечением материалов русского и английского языков.

Ключевые слова: языковая картина мира; хакасский язык; паремическая картина мира; пословицы; поговорки; паремические выражения; малые фольклорные жанры; антропоцентризм; анималистический компонент; зоонимы

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-28-10064 «Хакасские пословицы и поговорки: язык и поэтика» (при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия).

© Покоякова К. А., 2023

© Pokoiakova K. A., 2023

ПОКОЯКОВА Карина Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия. ORCID: 0000-0001-6318-9435. E-mail: karina_p.84@mail.ru

POKOIAKOVA Karina Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Institute for Humanitarian Studies and Sayan-Altai Turkology, Katanov Khakas State University, Abakan, Russia. ORCID: 0000-0001-6318-9435. E-mail: karina_p.84@mail.ru

Для цитирования: Покоякова К. А. Семантика зоонимов в хакасских пословицах и поговорках // Эпосоведение. 2023. № 3. С. 70–78. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-70-78.

К. А. Pokoiakova

Katanov Khakas State University

Semantics of zoonyms in Khakas proverbs and sayings

Abstract. The article is devoted to the study of proverbs and sayings of the Khakas language, which are anthropocentric in nature and include animal names (zoonyms). The aim of the article is to identify and describe the semantics of zoonyms and the peculiarities of their functioning in Khakas paremic expressions. The relevance of the topic is conditioned by the insufficient development of the problems of studying small folklore genres in Khakas linguistics. The novelty of the conducted research consists in the fact that it attempts to study zoonyms as components of proverbs and sayings of the Khakas language. Descriptive, semantic-cognitive and linguostatistical methods, and a review of scientific literature were used in the course of the work. The material of the study was selected by continuous sampling from existing collections of Khakas proverbs and sayings.

The results obtained in the course of the study showed the presence of a large number of paroemia with zoonym components (more than 130 units), which is due to the significance of the animal world, in which the national features and mental peculiarities of the Khakas people have been fixed as a result of centuries of human observation of it. The ethnocultural specificity of the Khakas language is most fully represented by paroemia with the zoolexeme at 'horse'. The thematic classification of Khakas proverbs and sayings with zoonymic components includes about 12 value-oriented semantic groups, which are united within the framework of universal oppositions (good-bad, good-evil, truth-false, strength-weakness, intelligence-stupidity, etc.), as well as family and social relations. The dominance of the two-component parallel structure of Khakas paroemia has been revealed, containing in one part the main idea in the form of a moral attitude, and in the second part – its argumentation with a zoonym component. The figurative meanings of Khakas animalistic paremiology are represented by associative links of animal morals and habits with human characteristics and traits: *horse* symbolizes strength, diligence; *hare* is associated with cowardice; *dog* – with anger, cruelty; *snake* – with pretense and meanness; *wolf* – with greed and calculating mind; *bear* – with fearlessness; *magpie* – with idle talk and chatter, etc. The ethnocultural semantics of zoonyms is presented both in metaphorical proverbs and sayings, and in paroemia, representing good wishes, customs and omens of the Khakas people.

Further implications – comparative studies of the topic under consideration with the involvement of materials of Russian and English languages.

Keywords: language picture of the world; Khakas language; paremic picture of the world; proverbs; sayings; paremic expressions; small folklore genres; anthropocentrism; animalistic component; zoonyms

Acknowledgments: The study was financially supported by the Russian Science Foundation (RSF), project No. 23-28-10064 “Khakas proverbs and sayings: language and poetics” (with parity financial support from the Government of the Republic of Khakasia).

For citation: Pokoiakova K. A. Semantics of zoonyms in Khakas proverbs and sayings. *Epic studies*. 2023; (3): 70–78. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-70-78.

Введение

Пословицы и поговорки являются одними из самых популярных фольклорных жанров и составляют неотъемлемую часть культуры любого народа. Они занимают особое место среди выдающихся в художественном отношении фольклорных произведений. Как отмечает В. Н. Телия, паремиологический и фразеологический составы языка можно назвать «зеркалом», в котором идентифицируется национальное самосознание любой лингвокультурной общности [1, с. 9].

Необходимость исследования малых фольклорных жанров хакасского народа вызвана нынешним состоянием их бытования в среде хакасов. В последние годы отмечается ослабление коммуникативной значимости родного языка представителей сибирских коренных народов на фоне усиления роли русского, фольклор постепенно исчезает, поэтому в круг приоритетных

исследовательских задач учёных сибирских регионов входит фиксация и исследование фольклорной культуры этих народов, в т. ч. и хакасов. По справедливому замечанию А. Н. Чугунковой и Н. Н. Таскараковой [2], по хакасской паремиологии в целом на сегодняшний день опубликованы лишь отдельные статьи, в т. ч. в сопоставительном плане [3; 4; 5; 6].

Паремическая картина мира богата пословицами и поговорками антропоцентрической направленности с компонентами-зоонимами, которые относятся к одним из самых древних пластов лексики во всех языках мира. Образы животных занимают особое место в каждой культуре, формируя определенный зоологический код.

Цель данной статьи – выявление и описание семантики зоонимов и особенностей их функционирования в хакасских пословицах и поговорках, отражающих национальное мировидение этноса.

Под зоонимами принято понимать лексико-семантические варианты слов, выступающие в качестве родовых названий животных [7, с. 121]. В лексико-семантическую группу слов-зоонимов входят названия животных разных подгрупп: птицы, рыбы, рептилии, насекомые, т. е. все представители фауны [8, с. 7]. Как правило, в составе фразеологических или паремиологических единиц зоонимы чаще всего используются не в собственном денотативном значении, а в переносном смысле. В этом случае мы имеем дело с зооморфизмами, которые репрезентируют зооморфный код культуры и служат для обозначения внутрисловной метафоры, основанием которой является «свойство, наличествующее у животного (или приписываемое ему языковым сознанием) и представляемое как характеристика некоторого иного референта» [9, с. 20]. Особенности поведения представителей фауны, зафиксированные в семантике языковых единиц, порождают схожие образы и идеи с близкими формами вербального выражения в разных лингвокультурах (например, тигр как символ силы, осёл – упрямства) [10, с. 33].

Следует отметить, что в хакасском языкознании паремические выражения с зоолексемами до сих пор не являлись предметом специального изучения. Проводилось исследование особенностей соматического и биоморфного кодов культуры с привлечением материалов психолингвистических экспериментов и фразеологии хакасского языка [11; 12], а также были описаны лингвокультурологические особенности репрезентации зоолексемы *am* ‘лошадь’ в хакасских пословицах и поговорках [13]. В целом, обзор научной литературы по этой проблематике показывает повышенный интерес к изучению зоонимов и зооморфного культурного кода на материале как фразеологических единиц, так и паремий разных языков [14; 15; 16; 17; 18; 19 и др.].

Н. Р. Ойноткинова в своём исследовании обозначает основные характеристики поэтики пословиц и поговорок алтайского языка: обязательная рифма, создаваемая «различными видами повтора»; «преимущественно зооморфный характер метафор, используемых в аллегорических характеристиках поведения человека, его физических или умственных способностей»; «непроецессный характер образности, обусловленный доминированием биоморфных образов, получивших рациональную оценку (повадки животных или птиц осмысляются как эталонные при сравнении с поведением человека, и соответствующие номинации привлекаются для характеристик его морально-нравственных качеств)» и др. [20, с. 18]. Такие же структурные и тропеические особенности, по справедливому замечанию М. Д. Чертыковой, обнаруживаются и в хакасских паремиях, «где образы зоонимов <...> участвуют в оценке различных черт характера человека и тех или иных явлений повседневной жизни». Тем самым для традиционного этнического сознания в целом характерно использование образного приёма сравнительного параллелизма в представлениях окружающего мира [13, с. 177].

В нашем исследовании источниками паремиологического материала послужили сборники «Мудрое слово = Хыйға сөс» [21] и «Хыйға сөс: сиспектер, сөспектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки» [22]. Методом сплошной выборки было извлечено более 130 единиц, содержащих образы 25 домашних и диких животных. Приведём основные зоонимы в порядке убывания частотности: *am* ‘лошадь, конь’, *nyŭp* ‘волк’,

адай ‘собака’, *саасхан* ‘сорока’, *түлгү* ‘лиса’, *хозан* ‘заяц’, *киик* ‘косуля’, *күске* ‘мышь’, *аба* ‘медведь’, *өртек* ‘утка’, *чылан* ‘змея’, *аат* ‘огарь, турпан’, *инек* ‘корова’, *хас* ‘гусь’, *хой* ‘овца’, *харга* ‘ворона’, *торлаңа* ‘куропатка’ и др. Были выделены также обобщённые образы: *мал* ‘домашний скот’, *палых* ‘рыба’, *хус* ‘птица’, *аң* ‘зверь’. Наиболее многочисленной является группа паремий с ключевым словом *ат* ‘лошадь, конь’ – 45 единиц (35 %). Для хакасов, как народа полукочевого типа, огромную роль играла лошадь, являясь олицетворением верного друга, помощника. Традиционным занятием хакасов было скотоводство, направленное на разведение трёх основных видов: лошадей, крупного рогатого скота и овец, которые были максимально приспособлены к природным условиям Хакасско-Минусинской котловины [23, с. 21]. Упоминание этих домашних животных достаточно ярко представлено в анализируемых пословицах и поговорках.

Большая часть выделенных нами для анализа хакасских паремий укладывается в рамки семантической классификации, построенной по принципу тематических оппозиций. Н. Р. Ойноткинова отмечает актуальность данного принципа при классификации паремий, репрезентирующих макроконцепт КИЖИ ‘человек’ в алтайской паремической картине мира: *добрый – злой, храбрый – трусливый, умный – глупый* и т. д. [24, с. 202]. Итак, в процессе анализа хакасских паремий с анималистическим компонентом, репрезентирующих макроконцепт КИЖИ ‘человек’, мы выделили следующие группы семантических оппозиций.

Хорошее-плохое, добро-зло, правда-ложь (20 %)

Хакасские пословицы и поговорки, отражающие данные оппозиции, включают компоненты-зоонимы *ат* ‘лошадь’, *инек* ‘корова’, *мал* ‘домашний скот’, *аң* ‘зверь’, *чылан* ‘змея’, *адай* ‘собака’. Например: *чахсы атты чөрізінең пілчелер, чохсы кізіні тогызынаң көрчелер* ‘оценивали люди в любые времена по работе мастера, по шагу скакуна’ [21, с. 87]; *өлген инек сүттіг полчаң, өлген кізі чохсы полчаң* ‘слывет корова павшая – удойной, и злой покойный – человек достойный’ [21, с. 88]; *чабал мал ибге айланминча, чөскін ир ибде хонминча* ‘свой двор забывает дурная скотина, ночует не дома гулящий мужчина’ [21, с. 90]; *ізенген тагда аң даа чох пол парадыр, ізестіг кізің чой даа пол парадыр* ‘понадеялся на гору, а там зверя нет; как себе, соседу верил, но подвёл сосед’ [21, с. 89]; *чабал мал чілеңе кірерге паадах, чабал кізі харыларга паадах* ‘дурная скотина в грязи увязнуть норовит, у злого человека язык колюч и ядовит’ [21, с. 90] и др.

Присутствующая в пословицах зоолексема *адай* ‘собака’ встречается в сочетании с прилагательным *чабал* ‘злой’: *чабал кізі чагадаң хабадыр, чабал адай соонаң хабадыр* ‘злой человек хватается за ворот, злая собака хватается сзади’ [22, с. 98]; *чабал адай пагда одырча, чабал кізі харибде одырча* ‘злая собака сидит на цепи, злой человек – в тюрьме’ [22, с. 98]. Интересно в этом контексте упомянуть фразеологизм *адай чүректіг* ‘злой, жестокий (букв.: собачье сердце)’. Как объясняет историк Л. Р. Кызласов, хакасы еще в палеолите приручили волка и обзавелись первым домашним животным и, по замечанию Ю. А. Гвоздарева, приписывали ему «многие грехи, вплоть до связи с нечистой силой, и качества людей, чаще всего плохие» [25, с. 100]. Образ собаки в хакасской паремической картине мира включает в себя по большей части отрицательные характеристики и репрезентируется как злое, дикое, враждебное человеку существо.

Негативная оценка, связанная со злом, лицемерием, притворством, подлостью, присутствует также в зоониме *чылан* ‘змея’: *чылан теерізін чылның даа алыстырза, оолыг тістері позында халча* ‘хоть змея и меняет ежегодно кожу, но ядовитые зубы при ней остаются’ [22, с. 122]; *чылан игірін пілінмес* ‘змея не ведала одна, что кривизны она полна’ [22, с. 122].

Богатство-бедность, щедрость-скупость (9,2 %)

Главный показатель богатства, финансового благополучия в хакасском обществе издревле определяется наличием большого количества домашнего скота: *кем көп малыг, ол күстіг* ‘имеющий много скота, силен’ [22, с. 94]. И, наоборот, отсутствие скота, зерна связывается с бедностью: *аңмарда тамагы чох, хазаада малы чох* ‘в амбаре – пустота, и нет в хлеву скота’ [21, с. 45].

В ряде хакасских пословиц осуждается скупость (*харамнин харанга кўске тазыпча* ‘у скупого незаметно всё мыши перетаскивают’ [21, с. 39]), а богатство считается пороком: *хыныххан пўўр малга сабылар, хыныххан кизи копке харазар* ‘набить мечтают, изменяя сну, волк – брюхо, а богач – мышью’ [21, с. 93]; *чазыда пўўр хоных пирбес, аалда пай тыс пирбес* ‘волк в степи зубами шелк, а в улусе бай, что волк’ [21, с. 93]; *тўлгў тўзінде дее таңах кўрче* ‘лиса и во сне видит кур’ [22, с. 37]. В рамках анализируемых оппозиций можно сказать, что образы волка и лисы представлены в отрицательном свете, ассоциируются с жадностью.

Сила-слабость, смелость-трусость (8,5 %)

В хакасских поговорках отражена физическая и моральная сила мужчины, его смелость, а также присутствует указание на жизненные трудности, являющиеся непременным условием формирования и взросления мужчины: *ир кизиниң истінде изерлиг ат чызаан* ‘мужская стойкость не знает предела (букв.: внутри мужчины осёдланная лошадь разлагается)’ [22, с. 13]; *тайга чирче чўрерге аттың чахсызы кирек, чон пазына турарга ирниң чахсызы кирек* ‘по тайге ездить – хорошего коня надо иметь, во главе народа стоять – лучший из мужчин нужен’ [22, с. 33]; *Аба чўрбеен тасхыл пар ни? Аспин хонган ир пар ни?* ‘Есть ли тасхыл, где медведь не бродил? Есть ли мужчина, который не голодал?’ [22, с. 33]. Образ медведя также связан с преодолением своего страха: *абадаң хорыхсаң, тайгаа даа пар полбассың* ‘с трусом якшаться – трусом прослыть, медведя бояться – в лес не ходить’ [21, с. 84].

В группе паремий, обозначающих трусость, традиционно используется зооним *хозан* ‘заяц’: *хортых кизи хозан осхас* ‘трус подобен зайцу’ [21, с. 95]; *хозан осхас хортых, сеек осхас маңзырос* ‘труслив как заяц, торопливый как муха’ [21, с. 95].

Труд-лень (8,5 %)

Для данной семантической оппозиции также продуктивным оказывается образ лошади, символизирующей выполнение тяжёлой работы, трудолюбие: *айдас атха чол чагын* ‘выносливой лошади дорога близка’ [22, с. 59]; *ат сырыры – хамчыда, ир тыры – изерде* ‘лошадь набирает силу в беге, мужчина – в работе’ [22, с. 93]. С помощью других образов животных достигается осознание необходимости трудиться и получать за это вознаграждение в будущем: *малны хайди азыразаң, сўтти идок аларзың* ‘кормлен скот, и молоко льётся целая река’ [21, с. 65]; *ирте турган хусхацах нимиске тўзедир, ирте турбаан хусхацах харагын чухчыл одырадыр* ‘ранней пташке – зернышки клевать, поздней пташке – глазки протирать’ [21, с. 97]; *кўскўде кўске дее пай полчаң* ‘и у мыши пир горой был осенью порой’ [21, с. 89] и др. Тот, кто трудится, не будет голодать и испытывать материальные затруднения.

К паремиям, обозначающим лень, можно отнести следующие: *чазаң аттаң парганча, хара чазаг чўрербин* ‘лучше пешком по колючей стерне, чем по тропе на ленивом коне’ [21, с. 86]; *изерлиг атха кем мўнмес* ‘на осёдланного коня кто не сумеет сесть верхом’ [21, с. 89].

Ум-глупость (6 %)

В группу пословиц и поговорок с позитивной оценкой интеллектуальных способностей входят следующие единицы: *хус ханадынаң силиг, кизи – хайга сагызынаң* ‘птица красива крыльями, а человек – умом’ [22, с. 28]; *пўўр уханчыл, чир хулахтыг полчаң* ‘волк чуток и всеслышаший’ [22, с. 85]; *пўўр сан пиле чогыл, сагызы чох сўс исте чогыл* ‘искони не нуждались никак в счёте – волк и в советах – дурак’ [22, с. 49]; *пўўр сан пиле чогыл, сагызы чох сўс исте чогыл* ‘волк в счетах не разбирается, дурак в советах не нуждается’ [21, с. 91]. Интересно, что образ волка ассоциируется с расчётливым умом.

Отрицательная оценка умственной деятельности представлена такими паремиями как: *ала пуга палыхтаң мўн сыхпинча, алыг кизиниң ахсынаң хыйга сўс сыхпинча* ‘сварен окунь – нет наваара, дурню здравый смысл – не пара’ [21, с. 92]; *кўлўги кўскени тўдй* ‘мудрости у него, как у мыши’ [22, с. 16]; *чодым ат чол пузар, тил пилбес сўс пузар* ‘плохой конь дорогу разрушает, бестолковый (человек) – слова путает’ [22, с. 49] и др.

Кроме приведённой выше оппозитивной классификации паремии с зоонимическими компонентами могут выступать репрезентантами **благопожеланий** или так называемых благо-

словлений и **поучений**. Блок таких пословиц и поговорок является обширным и составляет 19 % всех анализируемых пословиц и поговорок. Общая семантика параллельных конструкций таких благопожелательных и поучительных паремий содержит указание на морально-нравственные установки, определяющие поведение человека в социуме: *ат үгредерде, аргамчың ник ползын; чоонга чоохтирда, чоогың сын ползын* ‘пусть будет крепок твой аркан, когда слынешь ты коневодом; и не пускайся на обман, коль держишь речь перед народом’ [21, с. 81]; *чызыг пагнаң атты тутпа, тайма сөснөң чонга айланма* ‘копя гнилой веревкой не лови, обманывать народ не норови’ [21, с. 83]; *аттаң чарылзаң даа, чиріңнең чарылба* ‘с конем можно расстаться, но с родиной не расставайся’ [21, с. 81]; *мал өлзе – сөдөгi халар, кiзi өлзе – iзi халар* ‘скотина падет – останутся кости, человек умрет – останутся (его) дела’ [22, с. 17] и др. Данные замечания отражают особенности традиционного мировоззрения хакасов: вера в силу магического воздействия слова выражена в канонизированных формах благопожеланий *алгыс* и проклятий *хааргыс* [23, с. 189].

В тесной связи с благопожеланиями и поучениями находятся паремии, которые выражают **обычаи, привычки и приметы** хакасского народа (6 %). Например: *хызыл түлгү ахчаа тарчаң, хыс кiзi халымга турчаң* ‘уплатил и деньги за лисицу, и калым за красную девицу’ [21, с. 96]; *адай улза, чаксаа пола чогыл* ‘собака воет – не к добру’ [22, с. 8]; *тирліг атты сугарбачаң* ‘потную лошадь нельзя поить’ [22, с. 35]; *саасхан сайрапча, аалчы сагыңар* ‘сорока стрекошет – ждите гостей’ [22, с. 84] и др.

Следующая группа паремических выражений с зоолексемами затрагивает **социальные отношения** человека (15 %). В хакасском обществе значимым является его социальное происхождение, которое регулируется родовой принадлежностью: *атты таңмазынаң танытча, кiзiнi родынаң пiлче* ‘все скажет народу в родной стороне о всаднике – имя, тавро – о коне’ [21, с. 95]; *аба iнекке харындас нimes* ‘в подлунном мире знает всяк: медведь корове не свояк’ [21, с. 84] и др. Акцентируется внимание на коллективном существовании человека, а также на важности семьи и семейных отношений для его взросления: *өкiс малны мал итпеен, өкiс паланы кiзi итпеен* ‘из одинокого жеребёнка не вырастил коня, из сироты настоящего мужчину не вырастил’ [22, с. 108]. Реализация социальных отношений происходит в позитивном аспекте, в частности, в проявлении дружбы и взаимопомощи: *малга маан кирек, кiзее аргыс кирек* ‘скоту нужен уход, человеку – товарищ’ [22, с. 17]; *аат ирепчи осхас ынаглар* ‘дружны неспроста, как турпанья чета’ [21, с. 85]; *ат хулагы iкi нанчы* ‘друзья неразлучны, как уши лошади’ [22, с. 40]; *чазага чаг пол, аттыга аргыс пол* ‘пешему будь помощником, едущему на лошади – товарищем’ [21, с. 45] и др.

Заключение

В рамках нашего исследования предпринята попытка выявить семантику и особенности функционирования зоонимов в пословицах и поговорках хакасского языка. Зоолексемы в составе паремических выражений являются яркими выразителями многовековых наблюдений человека за животными, в них отражены как национальные черты, так и ментальность хакасского народа. Высокая частота лексемы *ат* ‘лошадь’ обусловлена важным историческим и социокультурным значением данного животного для хакасов. Тематическая классификация анализируемых хакасских паремий с зоонимическим компонентом позволяет выделить около 12 антропоцентрически направленных семантических групп ценностной ориентации, которые объединены в рамках универсальных оппозиций хорошее-плохое, добро-зло, правда-ложь, богатство-бедность, жадность-скупость, сила-слабость, смелость-трусость, труд-лень, ум-глупость, а также семейно-родственных и социальных отношений.

Хакасские паремии с зоолексемами имеют преимущественно двухкомпонентную параллельную структуру, в одной части которой содержится нравоучение или наставление, а вторая подкрепляет её конкретной ситуацией, действием или состоянием с анималистическим образом. Они могут иметь как буквальное, так и переносное значения.

Зоонимы играют значимую роль в формировании образного значения хакасской анималистической паремииологии. Пословицы и поговорки с зооморфными метафорическими переносами на основе разных зоонимов ярко отображают человеческие характеристики и черты. Так, например, в языковом сознании хакасов *лошадь* символизирует силу, трудолюбие; *заяц* ассоциируется с трусостью; *собака* – со злостью, жестокостью; *змея* – со злом, притворством и подлостью; *волк* – с жадностью и расчётливостью; *медведь* – с бесстрашием; *сорока* – с пустословием и болтовней и т. д. Этнокультурная специфика семантических особенностей зоонимов выражена как в метафоричных паремиях, так и пословицах и поговорках в форме образных параллелизмов.

Литература

1. Телия, В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
2. Чугунекова, А. Н., Таскаракова, Н. Н. Дефиниция и классификация хакасских паремий // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2023. – № 2. – Вып. 46. – С. 41–52. – DOI : 10.25205/2312-6337-2023-2-41-52.
3. Ачитаева, Л. К. К истории собирания, публикации и исследования хакасских пословиц и поговорок (конец 70-х годов XIX века – первая половина XX века) // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. – 1999. – Вып. 3. – С. 90–95.
4. Чугунекова, А. Н. Пословицы, поговорки и фразеологические единицы с пространственным значением в хакасском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8 : в 3 частях. – Ч. 1. – С. 207–210.
5. Покоякова, К. А. Гендерные стереотипы во фразеологических единицах и паремиях английского языка в сопоставлении с хакасским // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 5. – С. 380–381.
6. Чертыкова, М. Д. Образ трудолюбивого / ленивого человека в хакасской пословичной картине мира // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2021. – № 2. – С. 79–92. – DOI : 10.23951/2307-6119-2021-2-79-92.
7. Лаврова, О. В. Страноведческий компонент названий животных в аспекте межкультурной коммуникации : диссертация на соискание учёной степени кандидата педагогических наук. – Санкт-Петербург, 2009. – 265 с.
8. Располюхина, Н. В. Проблема взаимосвязи разнооформленных знаков прямой и косвенной номинации : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Москва, 1984. – 28 с.
9. Литвин, Ф. А. Зооморфизмы в синтаксической позиции определения (на материале английского языка) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования : сборник научных трудов. – Новосибирск : НГУ, 1975. – Вып. 4. – С. 20–28.
10. Черданцева, Т. З. Язык и его образы: очерки по итальянской фразеологии. – Москва : ЛКИ, 1977. – 160 с.
11. Боргоякова, Т. Г., Чертыгашева, Т. Н. Этнокультурные особенности репрезентации зоонима *аба* – *медведь* в языковом сознании хакасов и русских // Ежегодник саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. – 2009. – Вып. 13. – С. 18–19.
12. Чертыгашева, Т. Н. Соматический и биоморфный коды культуры в хакасской фразеологии // Ежегодник саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. – 2008. – Вып. 12. – С. 31–33.
13. Чертыкова, М. Д. Этнокультурные особенности реализации зоолексемы *ат* «лошадь» в хакасских пословицах и поговорках // Карачаево-Балкарская филология в парадигме современной гуманитарной науки : сборник научных статей. – Нальчик : Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – С. 175–182.
14. Гукетлова, Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков) : диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук. – Москва, 2009. – 431 с.
15. Эбзеева, Ф. П. Карачаево-балкарская зоонимия : диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук. – Махачкала, 2013. – 319 с.

16. Бичер, О. Зооморфные образы в русских пословицах и поговорках: лингвокультурологический и лексикографический аспекты : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Смоленск, 2016. – 24 с.
17. Дыбо, А. Н., Никуленко, Е. В. Зооморфная метафора «медведь» в русском, английском и языках Южной Сибири // Язык и культура. – 2019. – № 5. – С. 78–95. – DOI : 10.17223/19996195/45/6.
18. Нелюбова, Н. Ю. Аксиологическая функция анималистических образов во французских и тувинских пословицах // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 9. – С. 169–177.
19. Данилова, Н. И., Дьячковский, Ф. Н. Зооморфная лексика в составе якутских фразеологизмов и паремий (в сопоставлении с монгольскими языками) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2022. – № 4. – С. 67–78. – DOI : 10.25693/SVGV.2022.41.4.006.
20. Ойноткинова, Н. Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров : диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук. – Казань, 2012. – 489 с.
21. Мудрое слово = Хыйга сös : сборник хакасских народных пословиц, поговорок и загадок / составитель У. Н. Кирбижекова. – Абакан : Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1976. – 131 с. (На хакасском и рус. яз.)
22. Хыйга сös: сиспектер, сösпектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / составители : У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. – Абакан : Хакасское кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2021. – 188 с. (На хакасском и рус. яз.)
23. Бутанаев, В. Я. Традиционная культура и быт хакасов : пособие для учителей. – Абакан : Хакасское кн. изд-во, 1996. – 224 с.
24. Ойноткинова, Н. Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров. – Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский гос. ун-т, 2012. – 354 с.
25. Кужакова, Е. П. Картина мира в русской и хакасской фразеологии (фрагментарный анализ) // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Серия 5. Филология : Языкознание. – 2007. – Вып 8. – С. 98–103.

References

1. Teliya, V. N. Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguistic and Cultural aspects. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996, 288 p. (In Rus.)
2. Chugunekova, A. N., Taskarakova, N. N. Definition and classification of Khakas proverbs. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2023, no. 2, iss. 46, pp. 41–52. DOI: 10.25205/2312-6337-2023-2-41-52. (In Rus.)
3. Achitaeva, L. K. On the history of collecting, publishing and researching Khakas proverbs and sayings (late 70s of the 19th century – first half of the 20th century). *Yearbook of the Institute of Sayan-Altai Turkology of the N. F. Katanov Khakas State University*. 1999, iss. 3, pp. 90–95. (In Rus.)
4. Chugunekova, A. N. Proverbs, sayings and phraseological units with spatial meaning in the Khakasian language. *Philology: Theory & Practice*. 2015, no. 8: in 3 parts, part 1, pp. 207–210. (In Rus.)
5. Pokoyakova, K. A. Gender stereotypes in phraseological units and proverbs of the English language in comparison with Khakas. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*. 2019, no. 5, pp. 380–381. (In Rus.)
6. Chertykova, M. D. The image of a hardworking / lazy person in the Khakas proverbial picture of the world. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2021, no. 2, pp. 79–92. DOI: 10.23951/2307-6119-2021-2-79-92. (In Rus.)
7. Lavrova, O. V. Regional studies component of animal names in the aspect of intercultural communication. Dissertation thesis for the degree of Candidate of Pedagogical Sciences. Saint Petersburg, 2009, 265 p. (In Rus.)
8. Raspolykhina, N. V. The problem of the relationship between differently shaped signs of direct and indirect nomination. Abstract of the thesis for the degree of Candidate of Philological Sciences. Moscow, 1984, 28 p. (In Rus.)
9. Litvin, F. A. Zoomorphisms in the syntactic position of definition (based on the material of the English language). In: Current problems of lexicology and word formation: collected scientific works. Novosibirsk, NSU Publ., 1975, iss. 4, pp. 20–28. (In Rus.)
10. Cherdantseva, T. Z. Language and its images: essays on Italian phraseology. Moscow, LKI Publ., 1977, 160 p. (In Rus.)

11. Borgoyakova, T. G., Chertygasheva, T. N. Ethnocultural features of the representation of the zoonym *aba* – bear in the linguistic consciousness of the Khakas and Russians. *Yearbook of the Sayan-Altai Turkology of the N. F. Katanov Khakas State University*. 2009, iss. 13, pp. 18–19. (In Rus.)
12. Chertygasheva, T. N. Somatic and biomorphic codes of culture in the Khakasian phraseology. *Yearbook of the Sayan-Altai Turkology of Khakas State University*. 2008, iss. 13, pp. 31–33. (In Rus.)
13. Chertykova, M. D. Ethnocultural features of the implementation of the zoolexeme at “horse” in Khakas proverbs and sayings. In: Karachay-Balkarian philology in the paradigm of modern humanities: collection of scientific articles. Nalchik, Editorial and Publishing Department of the Institute of Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2019, pp. 175–182. (In Rus.)
14. Guketlova, F. N. The zoomorphic code of culture in the linguistic picture of the world (based on the French, Kabardino-Circassian and Russian languages). Dissertation thesis for the degree of Doctor of Philological Sciences. Moscow, 2009, 431 p. (In Rus.)
15. Ebzeeva, F. P. Karachay-Balkarian zoonymy. Dissertation thesis for the degree of Doctor of Philological Sciences. Makhachkala, 2013, 319 p. (In Rus.)
16. Bicher, O. Zoomorphic images in Russian proverbs and sayings: linguoculturological and lexicographic aspects. Abstract of the thesis for the degree of Candidate of Philological Sciences. Smolensk, 2016, 24 p. (In Rus.)
17. Dybo, A. N., Nikulenko, E. V. Zoomorphic metaphor “bear” in Russian, English and languages of Southern Siberia. *Language and Culture*. 2019, no. 5, pp. 78–95. DOI: 10.17223/19996195/45/6. (In Rus.)
18. Nelyubova, N. Yu. Axiological function of animalistic images in French and Tuvan proverbs. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022, no. 9, pp. 169–177. (In Rus.)
19. Danilova, N. I., Dyachkovsky, F. N. Zoomorphic vocabulary in the composition of the Yakut phraseological units and paremias (in comparison with the Mongolian languages). *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*. 2022, no. 4, pp. 67–78. DOI: 10.25693/SVG.V.2022.41.4.006. (In Rus.)
20. Oinotkinova, N. R. Altai proverbs and sayings: poetics and pragmatics of genres. Dissertation thesis for the degree of Doctor of Philological Sciences. Kazan, 2012, 489 p. (In Rus.)
21. Wise word: Collection of Khakas folk proverbs, sayings and riddles. Compiler U. N. Kirbizhekova. Abakan, Khakas branch of the Krasnoyarsk Book Publ. House, 1976, 131 p. (In Khakas and Rus.)
22. Word of wisdom: Khakas proverbs, sayings and riddles. Compilers: U. N. Kirbizhekova, Yu. I. Chapykova, N. S. Chistobaeva. Abakan, V. M. Torosov Khakas Book Publ. House, 2021, 188 p. (In Khakas and Rus.)
23. Butanaev, V. Ya. Traditional culture and life of the Khakas: a guide for teachers. Abakan, Khakas Book Publ. House, 1996, 224 p. (In Rus.)
24. Oinotkinova, N. R. Altai proverbs and sayings: poetics and pragmatics of genres. Novosibirsk, Novosibirsk National Research State University, 2012, 354 p. (In Rus.)
25. Kuzhakova, E. P. The picture of the world in Russian and Khakas phraseology (fragmentary analysis). *Bulletin of N. F. Katanov Khakas State University. Series 5. Philology: Linguistics*. 2007, iss. 8, pp. 98–103. (In Rus.)

Т. Н. Николаева

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

ЗРИТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЭПИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (на материале олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского)

Аннотация. В статье освещается проблема зрительного восприятия эпической картины мира в тексте олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» («Дьулуруйар Ньургун Боотур») П. А. Ойунского. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью проблемы зрительного восприятия на материале эпических сказаний. Новизна исследования заключается в том, что впервые предпринята попытка интерпретации функционально-семантических особенностей глаголов со значением зрительного восприятия на материале данного эпического текста. Цель – выявление и описание языковых средств объективации зрительного восприятия как сенсорного процесса с точки зрения их функционирования в эпической картине мира. Для достижения цели использован комплекс методик: метод сплошной выборки для сбора практического материала из текста, компонентный и дефиниционный виды семантического анализа, которые предполагают анализ значений слов через выделение основных компонентов – сем, контекстуальный анализ для изучения функциональной специфики языковой единицы в зависимости от контекста. Фактическим материалом послужили 115 фрагментов контекстного употребления глаголов зрительного восприятия, при этом анализу подвергаются глаголы зрения не только с позиции главного героя как наблюдателя, но и других персонажей. В результате проведенного исследования выявлено, что репрезентация зрительного восприятия осуществляется 4 глагольными единицами (*көр-, одуулаа-, олоотоо-, харахтаа-*), которые демонстрируют дифференциальные особенности семантики данного класса глаголов зрения, из них по частотности выделяется глагол *көр-* ‘смотреть, видеть’, на долю которого приходится наибольшее количество примеров. Из-за формата статьи остался не исследованным важный семантический компонент – *харах* ‘глаз/глаза’, которые, по мнению исследователей, именуются орудием или инструментом зрительного восприятия. Существует определенное количество научных работ, посвященных изучению особенностей концептуальной интерпретации понятия «глаз/глаза». Считаем, что проведенное исследование найдет свое продолжение с привлечением материала по данной проблематике.

Ключевые слова: эпос олонхо; зрительное восприятие; ситуация зрительного восприятия; глагол зрительного восприятия; якутский язык; процесс восприятия; семантика; субъект; объект; эпическая картина мира

Для цитирования: Николаева Т. Н. Зрительное восприятие эпической картины мира (на материале олонхо «Нюргун Боотур Стремительный») П. А. Ойунского // Эпосоведение. 2023. № 3. С. 79–88. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-79-88.

© Николаева Т. Н., 2023

© Nikolaeva T. N., 2023

НИКОЛАЕВА Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия. ORCID: 0000-0002-7346-9737. E-mail: tnikolaeva184@mail.ru

NIKOLAEVA Tatiana Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of German Language and Literature, Institute of Modern Languages and Regional Studies, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia. ORCID: 0000-0002-7346-9737. E-mail: tnikolaeva184@mail.ru

Т. N. Nikolaeva

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

Visual perception of the epic world picture: the case of the olonkho *Nurgun Bootur the Swift* by Platon Oyunsky

Abstract. The article highlights the problem of visual perception of the epic picture of the world in the text of the olonkho *Nurgun Botur the Swift* by Platon Oyunsky. The relevance of the study is justified by the insufficient study of the problem of visual perception based on the analysis of epic tales. The novelty of the research lies in the fact that for the first time an attempt was made to interpret the functional and semantic features of verbs with the meaning of visual perception on the material of this epic text. The aim is to identify and describe the linguistic means of objectifying visual perception as a sensory process from the point of view of their functioning in the epic world picture. To achieve the goal, a set of techniques was used: the continuous sampling method for collecting practical material from the text, component and definitional types of semantic analysis, which involve the analysis of words meanings through the allocation of the main components – semes, contextual analysis to study the functional specificity of a language unit depending on the context. The actual material was 115 fragments of contextual use of visual perception verbs, while the verbs of vision are analyzed not only from the position of the main character as an observer, but also other characters. As a result of the study, it was revealed that the representation of visual perception is carried out by 4 verbal units (*ker-*, *oduulaa-*, *olootoo-*, *kharakhtaa-*), which demonstrate the differential features of the semantics of this class of verbs of vision, of which the verb *ker-* is distinguished by frequency – ‘to look, to see’, which accounts for the largest number of examples. Due to the format of the article, an important semantic component remained unexplored – *kharakh* ‘eye/eyes’, which, according to researchers, are referred to as a tool or instrument of visual perception. There is a certain number of scientific papers devoted to the study of the features of the conceptual interpretation of the concept of “eye/eyes”. We believe that the conducted research will be continued with the involvement of material on this issue.

Keywords: olonkho; visual perception; situation of visual perception; perceptual verbs; Yakut language; perception process; semantics; subject; object; epic picture of the world

For citation: Nikolaeva T. N. Visual perception of the epic world picture (based on the olonkho *Nyurgun Bootur the Swift* by Platon Oyunsky). *Epic studies*. 2023; (3): 79–88. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-79-88.

Введение

Материалом для исследования послужил текст олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» («Дьулуруйар Ньургун Боотур») П. А. Ойунского [1; 2; 3], в котором, как и в других эпических произведениях, заложены принципы народной энциклопедии и представлено неисчерпаемое богатство фольклорного языка как активного ретранслятора мировидения саха, что становится объектом пристального внимания научной мысли в русле тенденций современной лингвистики. Об этом свидетельствует растущее число исследований, которые направлены в конечном счете на осмысление древнего миропонимания олонхо в рамках новых научных парадигм.

Например, исследование кодовых наборов М. Т. Сатанар в контексте организации пространственно-временного континуума олонхо с учетом возможности присутствия в текстах элементов космологических представлений показало, что в лексической системе олонхо обнаруживаются и переплетаются признаки мифологического мышления и научные знания в «свернутом» виде [4, с. 302–319].

Согласно Л. Н. Герасимовой, изобразительные глаголы, как специальные речевые средства, не только способствуют лучшему раскрытию и пониманию содержания концепта «Богатырь». По мнению автора, употребление изобразительных глаголов сказителями настраивает слушателей на осознанное, активное восприятие, что, в свою очередь, отражает развитое воображение и образное мышление носителей языка [5, с. 98–104].

Интересным и перспективным представляется рассуждение Л. В. Роббек о философской мысли якутского эпоса, смысл которого сводится к лексикографированию формульных

конструкций как одного из важных составляющих эпического текста в русле вышеуказанной концепции [6, с. 168–173].

Базируясь на трудах предшественников, Р. Н. Анисимов обозначил траекторию дальнейшего комплексного изучения олонхо, в числе которых автор считает важным активизировать научные исследования, направленные на толкование, понимание совокупности установок индивида / социальной группы мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом [7, с. 94–106].

Таким образом, отмеченная динамика научных достижений последних десятилетий выявила определенную степень разработанности общих и частных проблем языка олонхо, обозначила новые перспективные задачи комплексного изучения и научного осмысления эпических сказаний. И по справедливому замечанию В. Н. Иванова, «важно вникнуть в особенности эпического сознания и искусства сказителей, в сферу эпической среды и в сферу восприятия эпического слова слушателями» [8, с. 89–94].

Рассматриваемая в данной работе проблема зрительного восприятия на материале эпического сказания затрагивает вопрос изучения глаголов, функционирующих в качестве актантов процесса восприятия, результатом которого выступает перцептивный образ объекта. Данные глаголы представляют интерес и с точки зрения изучения их соотношения в зрительном и ментальном аспектах, т. е. отследить какие глаголы зрительного восприятия развивают ментальное значение.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью проблемы восприятия, в частности, зрительного восприятия на материале якутских эпических текстов.

Характеристика ситуации зрительного восприятия

Восприятие, по мнению М. Д. Чертыковой, есть основа взаимодействия человека с окружающим миром. Автор пишет, что «среди перцептивных, познавательных систем немаловажную роль играет зрительное и слуховое восприятие, т. к. считается, что большая часть информации из внешнего мира в мозг человека поступает через зрение и слух» [9, с. 78–91]. Актуализация особенностей зрительного восприятия на уровне языка привлекает растущий интерес исследователей, в работе которых затрагивается данный вопрос в рамках когнитивной лингвистики (М. Д. Падучева, И. Ю. Колесов, Дария Слупянек-Тайнерт, М. Д. Чертыкова, А. Д. Каксин) и т. д.

Е. В. Падучева считает, что «восприятие можно представить – в свете лингвистических данных – состоящим из двух этапов. Первый этап – физиологический, когда орган восприятия участвует в ситуации на правах своего рода орудия. Если речь идет о зрительном восприятии, то на этом физиологическом этапе возникает зрительный образ предмета (или ситуации), включающий форму, цвет, размер – все характеристики, которые можно наблюдать глазами. На втором этапе зрительный образ подвергается ментальной «обработке»; производится таксономическая идентификация (*увидел березу*), а быть может, также установление тождества предмета с априорной его дескрипцией, выявление свойств, приписывание оценок (*увидел подходящее дерево*)» [10, с. 219–220].

И. Ю. Колесов полагает, что зрительное восприятие как активный процесс отражения окружающей человека действительности, осуществляемый психофизиологически при помощи органов зрения, протекает как сложный когнитивный процесс построения схематизированных ментальных репрезентаций тех сущностей и феноменов мира, на которые направлено внимание и познавательная активность наблюдателя. Восприятие как когнитивно-мыслительный процесс осуществляется как деятельность перцептивной системы – интегрированного единства субъекта восприятия, воспринимаемого объекта и объединяющей их деятельности (процесса) восприятия [11, с. 323].

Дария Слупянек-Тайнерт подвергает анализу русские и польские глаголы зрительного восприятия с точки зрения их функционирования в русской и польской картинах мира,

реконструированных с перспективы антропоцентризма. Проведенный анализ словарных и контекстуальных употреблений глаголов зрительной перцепции позволяет выделить четыре группы общих значений:

- 1) видение vs. человек как биологическое существо,
- 2) видение vs. человек как испытывающее существо,
- 3) видение vs. человек как социальное существо,
- 4) видение vs. человек как интеллектуально активное существо.

Автор подчеркивает совместимость и взаимовлияние видения и ментальных процессов, что открывает перспективу для выявления потенциала глаголов зрительной перцепции как единиц, сосредоточивающих в себе многочисленные факторы, группирующиеся, прежде всего, вокруг человека как биологического, испытывающего, социального и интеллектуально активного существа [12, с. 93].

В своем исследовании М. Д. Чертыкова, М. Д. Каксин выделяют доминирующий характер базового глагола *көр*- 'смотреть, видеть', суть которого сводится к способности обеспечить все необходимое когнитивное представление о восприятии окружающего мира во всем его многообразии. Авторы выявили, что при богатейшем и обширном словарном запасе героического сказания «Албынчы» процесс зрительного восприятия обозначается только одним глаголом *көр*- 'смотреть, видеть'. Таким образом, все необходимые аспекты богатырского видения мира обеспечиваются этим глаголом, и очень редко другим дифференцированным перцептивным глаголом *хара*-, семантическая структура которого представлена следующим образом: 1) пристально смотреть, всматриваться; 2) обозревать что-либо; 3) обращать внимание, (издали) наблюдать; присматривать, смотреть за кем-либо [13, с. 14–29].

Подводя итог сказанному, следует отметить растущий интерес исследователей к изучению зрительного восприятия на языковом уровне, а именно, к определению лексических единиц зрительной перцепции на основе их семантических признаков, при этом значительная роль отводится дифференциации класса глаголов данной лексико-семантической группы.

Целью настоящей работы является выявление и описание языковых средств объективации зрительного восприятия как сенсорного процесса с точки зрения их функционирования в эпической картине мира. Для выполнения поставленной цели обратимся к словарным толкованиям и контекстному употреблению глаголов зрительного восприятия. Словарной базой послужил «Большой толковый словарь якутского языка» под редакцией П. А. Слепцова.

Релевантным в контексте постановки вопроса рассматривается лингвистическое описание богатырского видения мира на примере хакасского героического сказания «Албынчы», представленное в работе М. Д. Чертыковой, А. Д. Каксина [13, с. 14–29].

Языковым материалом исследования послужили глагольные лексемы визуального восприятия, извлеченные методом сплошной выборки из текста олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» [1; 2; 3]. Мы насчитываем 115 фрагментов контекстного употребления глаголов зрительного восприятия, при этом анализу подвергаются глаголы зрения не только с позиции главного героя как наблюдателя, но и других персонажей.

В исследовании использован комплекс методик: метод сплошной выборки для сбора практического материала из текста, компонентный и дефиниционный виды семантического анализа, которые предполагают анализ значений слов через выделение основных компонентов – сем, контекстуальный анализ для изучения функциональной специфики языковой единицы в зависимости от контекста.

И. Ю. Колесов считает, что «зрительное восприятие осуществляется главным образом как процесс, поэтому естественно, что основным видом его актуализации в языке являются глаголы как номинаторы процессов...» [14, с. 23].

Номинирующие данный процесс глаголы неоднородны по своей семантике, поэтому они по-разному репрезентируют ситуацию зрительного восприятия.

Выявлено, что процесс зрительной перцепции в данном тексте осуществляется, в основном, лексической единицей – базовым глаголом *көр-*, который в «Большом толковом словаре якутского языка» имеет дефиницию: «направлять взгляд на кого-, что-либо, смотреть, видеть» [15, с. 317], лишь в отдельных случаях – синонимичными глаголами *одуулаа-*, имеющий значение «пристально смотреть, рассматривать кого-, что-либо, всматриваться во что-либо» [ср. др.-тюрк. *адухла* ‘любопытствовать, интересоваться’, куманд. *адула* ‘наблюдать’, *адуула* ‘почитать, оказывать почтение; наблюдать’] [16, с. 226]; дефиниция глагола *олоотоо-* представлена следующим образом: «смотреть вдаль, запрокидывая голову; внимательно и зорко смотреть, медленно поворачивая голову из стороны в сторону» [16, с. 262]; *харахтаа-*, который наделен значением: «видеть, встречать кого-либо, сталкиваться с кем-либо» [17, с. 382].

Более развернуто глагол *көр-* рассматривается в статье В. Д. Монастырева, где автор определяет дифференциальные признаки его семантики как многозначного глагола визуальной направленности [18, с. 222–226].

При описании семантики глаголов со значением зрительного восприятия обратим внимание на мнение М. Д. Чертыковой, смысл которого сводится к учету таких смысловых признаков, как видимость объекта, дистанционное расположение объекта относительно субъекта, ширина охвата пространства, доступного зрению, местонахождение субъекта и т. д. [9, с. 78–91].

Таким образом следует отметить, что в структуре глагола присутствуют такие семантические актаны, как субъект восприятия (наблюдатель), объект восприятия, инструмент (глаза) и место.

Глагол *көр-* как репрезентант зрительного восприятия

Способность воспринимать, различать и усваивать окружающий мир олонхо осуществляется, в основном, глаголом *көр-*, который является широкоупотребительным, наиболее частотным и содержательным по сравнению с остальными синонимичными глаголами, обладающими дифференциальными компонентами восприятия зрением. Согласно дефиниции, его значение можно интерпретировать и как глагола направленного зрения, и как глагола без семы направленности, или другими словами, как глагол преднамеренного и непреднамеренного восприятия в зависимости от характера воспринимающего субъекта.

Изучая функционирование данного глагола в эпической картине мира, мы учитываем специальное исследование М. Д. Чертыковой относительно семантической структуры глагола *көр-* ‘смотреть, видеть’, который представлен во всех тюркских и в древнетюркском языках. Автор обращает внимание на свойство глагола сочетать функции двух базовых глаголов зрительного восприятия русского языка «смотреть» и «видеть», чему способствует не только его обширная семантика, но и словообразовательные и структурно-аналитические возможности [19, с. 144–154].

В тексте олонхо, в основном, отмечены случаи употребления глагола *көр-* с семантическим признаком «направление взгляда» субъекта в сторону доступного зрению предмета (объекта), находящегося в пространстве, например: *Кун диэки көрдөххө / Күнү көхсүнэн бүөлүүр, / Ый диэки көрдөххө / Ыйы ытыһынан сабардыыр* [1, с. 73] – ‘Солнце он заслоняет спиной, / Ладонью – луну’ [20, с. 33] (букв. Если смотреть в сторону солнца, он заслоняет его спиной, / Если смотреть в сторону луны, то ладонью заслоняет ее). Во фрагменте представлено описание могучего телосложения богатыря. Направленность зрения (взгляда) объекта обуславливается, уточняется наличием послелога *диэки* – смотреть в сторону солнца, смотреть в сторону луны, имеющего в зависимости от контекста такие значения, как ‘в сторону’, ‘в направлении’, ‘по направлению’ и т. д.

Послелог *диэки* со значением направленности взгляда находим в примере: *Орто дойду улуу дуолана / Олоро түстэ, / ол-бу диэки көрдө* [2, с. 98] – ‘Вскочил Нюргун Боотур / огляделся вокруг’ [20, с. 181]. Уточняющее направленность взгляда выражение *ол-бу диэки көр* означает «смотреть туда-сюда, в разные стороны, в ту и другую сторону, оглядываться» и актуализируется в ситуации намеренного изучения зримого пространства со стороны наблюдающего, целью

которого в данном контексте является охват взглядом преимущественно близкорасположенного от субъекта пространства.

«Смотреть вокруг себя, кругом, озираться во все стороны» имеется в примере: *Манлык бэйэлээх / Мааны дьээнн / Ис бараанын / Эргиччи көрбүтүм* [1, с. 151] – ‘Если в дом войдем, / **Поглядим**, / Как устроен он изнутри, / Чем такой богатый дом снаряжен’ [20, с. 68]. Во фрагменте текста представлено описание внутреннего устройства богатого дома. Озираться во все стороны, осматриваться, смотреть вокруг себя как процесс целенаправленной зрительной перцепции, означающий освоение, изучение окружающего субъекта пространства, дополняется конкретизируется наречием *эргиччи* ‘вокруг, кругом’.

Смотрение прямо в глаза кому-либо, устремление прямого взгляда на объект при помощи наречия *утары* ‘против, напротив’ зафиксировано в примере: *Убайын диэки / Воттаах собуштук / Утары көрөн баран, / Санга аллайан / Сандаа көмүс тишэ / Туртангы турдаба* [1, с. 216] – ‘**К брату старшему подошел**, / Блистающий небесным огнем / **Взгляд на него устремил** / И такое слово / Молвил ему’ [20, с. 98]. Направленность взгляда субъекта на объект дополняется наличием послелога *диэки*.

Фиксация направленности взгляда вверх может быть сформирована движением, поднятием головы вверх, чтобы установить, рассмотреть, разглядеть видимый объект и делать выводы, как, например, в следующем фрагменте: *Дьонноро-уруулара / Хайдахтара эбитэ буолла диэн / Хантайан көрдөхүнэ* [1, с. 15], где представлена ситуация целенаправленного взгляда вверх, для чего субъект должен приложить усилия с целью познания объекта, т. е. получения знания (информации).

Зрительное восприятие может быть реализовано направленностью зора вверх, чтобы вспомнить, обдумать, собраться мыслями, оценить создавшуюся ситуацию для принятия решения. Данное действие находит свое выражение в контексте добавочного наличия парных деепричастий глаголов *өйдүөн-дүүллээн*, в некоторых фрагментах *өйдөөн-дүүллээн*, которое можно интерпретировать как «рассудить-обдумать в целях установления истины, приемлемого способа»: *Өйдүөн-дүүллээн / Өрө көрөн кээспитэ* – далее следует описание увиденного [1, с. 227], который можно передать как «рассудив-обдумав, поднял вверх свой взор». В тексте олонхо обращает на себя внимание неоднократное употребление деепричастной формы *өйдүөн-дүүллээн* от *өйдөө-дүүллээ* «рассудить, установить истину, решить, оценить ситуацию» в сочетании с процессом зрительного восприятия – «поднять глаза (взор) вверх, посмотреть вверх».

Направленность быстрого взгляда во внутрь чего-либо, например, замкнутого пространства, помещения, выявлена в следующем примере: *Тигини турар тимир дьыэбэ / Тиийэн кэллэбэ... / Бижэс гынан, / Биш баттанан, / Өйдүөн-дүүллээн / Өнөс гынан көрбүтэ* [1, с. 180] – ‘Быстро он достиг / Железного гремящего дома... / Молниеносно **окинул он взором** дом’ [20, с. 81]. Здесь дается описание сцены, как Нюргун Боотур увидел издали кузницу кузнеца-чародея. Глагол *өной-* ‘выглядывать’ или ‘заглядывать’ с собой моментального действия.

Конкретизация зрительного восприятия в данном контексте с направлением взгляда сверху вниз (наклонившись вниз) передается деепричастием *өнойтөн* от «смотреть, высунувшись откуда-то, показавшись наружу; высматривать»: *Бэри диэн бэккиһээн, / Бэкис гына түһэн / Өйдүөн-дүүллээн / Өнгойөн көрбүтэ* [2, с. 101]. В данной ситуации дается описание, как Нюргун Боотур увидел лес, удивился, выпрямился, прикинул-подумал, нагнувшись, заглянул вовнутрь, т. к. услышал под землей человеческие голоса.

Смотреть вдаль в поисках кого-, чего-либо можно, приложив ладонь козырьком ко лбу, как в следующем примере, где дается описание целенаправленного зрительного восприятия отдаленного объекта ведьмой подземных глубин: *Адьярайым кыһа / Аржаа халлаан / Алын кырытынан / Чаранчыланан көрдө... / Чаранчыланна дабаны / Таба көрбөтө быһыылаах* [2, с. 64] – ‘Пригибаясь низко к земле, / **Пристально из-под ладони** она / **Высматривала жениха**, / Да никак **разглядеть не могла**’ (про ведьму подземных глубин) [20, с. 164].

Словарное толкование лексемы *чаранчылан* представлено следующим образом: «прикрывать, заслонять глаза рукой, приложив ее ко лбу козырьком (от света или чтобы смотреть вдаль)» [21, с. 117].

Глагол *одуулаа-* как репрезентант зрительного восприятия

Ситуация зрительного восприятия развивается функционированием глагола *одуулаа-* в сочетании с глаголом *көр-*, и эта существенная деталь закреплена во всех примерах. Как свидетельствует словарная дефиниция, глагол *одуулаа-* выступает синонимом к глаголу *көр-*, однако наделен семой внимательного изучения, разглядывания наблюдаемого объекта, тем самым в нижеприведенных фрагментах он в качестве деепричастия придает добавочный признак к основному действию. Например: *Ол иһэн / Ол-бу диэки / Одуулаан көрбүтэ* [2, с. 167] – ‘А когда до самого низа дошел, / Осмотрелся и увидел’ [20, с. 210]. В данном фрагменте описана локация железного чулана, к косякам которого в кандалах стояли богатырь Кюн Джирибинэ и Прекрасная Туйаарыма Куо.

В описании сцены превращения Нюргуня Боотура в горностая процесс созерцания окружающей действительности происходит с позиции данного зверька со свойственными ему повадками: *Ол тахсан туран / Одуулаан көрбүтэ* [2, с. 108] – ‘На задних лапках привстал, / Огляделся и увидел’ [20, с. 184].

Комбинация двух перцептивных глаголов сохраняется и в следующем примере, где взгляд направлен в сторону рассматриваемых объектов события, при этом субъект намерен получить (получает) информацию в результате длительного наблюдения: «Саха буоллум» *диэн / Сана аллайан, / Сабырыйан туран / Ойобун диэки / Одуулаан көрбүтэ: / Көрөр харахтаах көрбөтөх, / Көрүөхтэн кэрэ сүөргү үчүгэй* [1, с. 60–61] – ‘Так Саха Саарын Тойон / В возбуждении радостном говорил, / Глазами вокруг себя / Поводя, как пугливый конь, / Удивляясь, что стал отцом, / Радуюсь детищу своему / Поглядел потом на жену / И увидел диво еще: / Девочка невиданной красоты’ [20, с. 28].

В следующем примере представлена ситуация наблюдения верховного божества Юрюнг Аар Тойона сверху: *Орто туруу дойдуну / Одуулаан көрөн олодохпуна* [1, с. 127] – ‘Я давно отсюда сверху гляжу / На обитаемый Средний мир, / На окруженный горами простор’ [20, с. 58]. Процесс обработки полученной информации можно интерпретировать: небесные абаасы растоптали прекрасную землю, исполины подземных бездн истребили, сожгли избыток средней земли.

В следующем контексте в значении сочетания глаголов можно обнаружить сему «присмотреться, пристально, внимательно взглядеться, чтобы увидеть, разглядеть» в каких-нибудь, например, новых, других, изменившихся условиях: *Онуоха баара буолабына / Орто туруу дойду оҕото / Одуулаан көрөн турбута* [2, с. 62] – ‘А как дым улетел, / Как пыль улеглась, / Увидел Юрюнг Уолан / (Удивительную адьарайскую дочь)’ [20, с. 164], т. е. страшную ведьму подземных глубин.

Глагол *олоотоо-* как репрезентант зрительного восприятия

Дефиниция глагола *олоотоо-* характеризует семантическую структуру глагола как лексемы, сочетающей в себе такие признаки зрительной перцепции, как: направленность, цель, дистанция, причина, способ достижения результата восприятия, эмоциональное состояние субъекта и т. д. Хотя в «Большом толковом словаре якутского языка» его интерпретация представлена, как «смотреть вдаль, запрокидывая голову; внимательно и зорко смотреть, медленно поворачивая голову из стороны в сторону» [16, с. 262], в нижеприведенном контексте акцентируется интенсивность процесса целенаправленного обозрения расположенного вдаль пространства, которую придают наречия *эргэс-дьэргэс (көр)*, т. е. «быстрым взглядом, быстро переводя взор с одного предмета на другой (осмотреть)» [22, с. 299] и *эргим-ургум (көр)* – «вокруг, кругом (смотреть, оглядываться)» [22, с. 291]. Направленность взгляда поворотом головы туда-сюда усиливает *ол-бу диэки*: *Элийэ ойон тахсан / Ол-бу диэки / Олоотуу турда, / Эргим-ургум /*

Эргэс-чэргэс көрдө [1, с. 76] – ‘Прямо в поле / Прянул из дому он, / **Во все стороны поглядел,** / Пасмурный **озирая** простор. / И **увидел**’ [20, с. 36]. Далее дается описание обозримого Кюн Дырибинэ богатырем пространства, в котором он среди прочих объектов выделяет контуры богатыря – исполина, лежащего на боку.

Сема направленности взгляда в разные стороны *ол-бу диэки* ‘туда-сюда’ сохраняется и в следующем примере, что видно из контекста: *Обонньоттор эрэйдээхтэр, / Харахтарын хайа тардаат, / Хатырык отууларыттан тахсан, / Ол-бу диэки / Олоотоһон кэбистилэр, / Ол көрбүттэрэ* [2, с. 228] – ‘А как выспались богатыри, / Как вылезли из шалаша, / Как **протерли свои глаза** – / Онемели от изумленья они / При виде открывшейся красоты’ [20, с. 241].

Глагол *харахтаа-* как репрезентант зрительного восприятия

Зрительное восприятие окружающего мира может быть реализовано глаголом *харахтаа-* в значении «видеть», в основном он реализует себя как глагол нецеленаправленного, пассивного восприятия. Глагол *харахтаа-* по своей семантике соотносится с глаголом *видеть* русского языка. Как показывает материал анализа, количество примеров с этим глаголом заметно уступает общему числу примеров с глаголом *көр-*, который совмещает в себе признаки активного и пассивного восприятия. В первом примере употреблена отрицательная форма глагола *харахтаа* – «не видел» в единственном числе для выражения отсутствия результата видения: *Хантан даа ылбытын / Харахтаабакка хаалла* [2, с. 142] – ‘где взял Уот Усутааки сверкающий меч – **не видел никто**’ (пер. автора статьи).

В втором примере употреблена аналогичная форма для подтверждения отсутствия результата зрительного восприятия: *Ол олодохторуна / Хантан да кэлбитин / Харахтаабакка хааллылар* [2, с. 267] – ‘А откуда беседовали они, – / Откуда – **не видел** никто, – / Перед собранием богатырей / Шестигранный возник адырай’ [20, с. 257].

Заключение

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

– процесс зрительного восприятия в тексте данного олонхо осуществляется 4 глагольными единицами: *көр-*, *одуулаа-*, *олоотоо-*, *харахтаа-*, которые дифференцируются по семантическим особенностям;

– глагол *көр-* сохраняет признаки ядерного глагола;

– выявлена комбинация (сочетание) двух перцептивных глаголов, один из них – *одуулаа-* в форме деепричастия и *көр-* в основной форме;

– глагол *олоотоо-* репрезентирует целенаправленный процесс зрительного восприятия в сочетании с наречием *ол-бу диэки* ‘туда-сюда’;

– глагол *харахтаа-* по своей семантике соотносится с русским глаголом *видеть* и проявляет себя как глагол пассивного зрительного восприятия;

– глагол *көр-* является основным репрезентантом зрительного процесса и может сочетаться с другим глаголом, который переходит в статус характеризующего зрительный процесс: *одуулаан көр-*. Также он может сочетаться с другими конкретизаторами, выражающими взгляд богатыря в разные направления. Хотя в якутском языке имеются и другие глаголы, включающие в свою семантику данные признаки;

– из-за формата статьи не был рассмотрен компонент *харах* ‘глаз’ / ‘глаза’, который считается инструментом (орудием) процесса зрительного восприятия. Данная тематика станет объектом дальнейших исследований в контексте поставленной проблемы мировосприятия;

– функционально-семантические особенности глаголов, номинирующих перцептивный процесс персонажей текста олонхо представляют большой интерес для дальнейшего исследования.

Литература

1. Ойуунускай, П. А. Айымнылар : сэттэ томнаах. 4 том : Дьулуруйар Нюргун Боотур : [олонхо] : 1, 2, 3 ырыалара. – Якутскай : Саха сириинээҕи кинигэ изд-та, 1959. – 324 с. (На якутском яз.)

2. Ойуунускай, П. А. Айымньылар : сэттэ томнаах. 5 том : Дьулуруйар Ньургун Боотур : [олонхо] : 4, 5, 6 ырыалара. – Якутскай : Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1959. – 288 с. (На якутском яз.)
3. Ойуунускай, П. А. Айымньылар: сэттэ томнаах. 6 том : Дьулуруйар Ньургун Боотур : [олонхо] : 7, 8, 9 ырыалара. – Якутскай : Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1960. – 312 с. (На якутском яз.)
4. Саганар, М. Т. Экспликация некоторых кодов мифологической системы якутского эпоса олонхо (к постановке вопроса о фольклорном времени и пространстве) // Научный диалог. – 2020. – № 6. – С. 302–319. – DOI : 10.24224/2227-1295-2020-6-302-319.
5. Герасимова, Л. Н. Изобразительные глаголы в репрезентации концепта «Богатырь» в текстах олонхо раннего и позднего периодов // Эпосоведение. – 2021. – № 4. – С. 98–104. – DOI : 10.25587/s7462-4688-3258-v.
6. Роббек, Л. В. Философская линия языка олонхо: вопросы лексикографического представления // Современный ученый. – 2021. – № 2. – С. 168–173.
7. Анисимов, Р. Н. О перспективных задачах комплексного изучения языка олонхо на современном этапе // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. – 2020. – № 3. – С. 94–106. – DOI : 10.25587/l6426-2411-3197-g.
8. Иванов, В. Н. Создание «Энциклопедии олонхо» // Региональные энциклопедии в современной научной инфокоммуникационной системе России : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Уфа, 29–30 сентября 2016 г.) – Уфа : Башкирская энциклопедия, 2016. – С. 89–94.
9. Чертыкова, М. Д. Хакасские периферийные глаголы со значением зрительного восприятия и их лексические соответствия в других тюркских языках // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2019. – № 4. – С. 78–91.
10. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
11. Колесов, И. Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков). – Барнаул : БГПУ, 2008. – 354 с.
12. Słupianek-Tajner, D. Когнитивный анализ глаголов зрительной перцепции в русском и польском языках. – Poznań : Wydział Neofilologii UAM w Poznaniu, 2016. – 301 с.
13. Чертыкова, М. Д., Каксин, А. Д. Языковое выражение богатырского видения мира: на материале героического сказания «Албынчы» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. – 2020. – № 3. – С. 14–29. – DOI : 10.25587/v7085-9383-3056-d.
14. Колесов, И. Ю. Актуализация зрительного восприятия в языке: когнитивный аспект (на материале английского и русского языков) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Барнаул, 2009. – 34 с.
15. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта : в 15 томах. Т. IV (Буква К) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2007. – 708 с. (На якутском и рус. яз.)
16. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 томах. Т. VII (Буквы Нь–П) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2010. – 516 с. (На якутском и рус. яз.)
17. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 томах. Т. XIII (Буква Х) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2016. – 639 с. (На якутском и рус. яз.)
18. Монастырев, В. Д. Лексический уровень анализа многозначного глагола якутского языка «көр» // Инновационная наука. – 2015. – № 9. – С. 222–226.
19. Чертыкова, М. Д. Реализация признака «направление взгляда» в семантике хакасского глагола көр-«смотреть, видеть» // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2018. – № 4. – С. 144–154.
20. Ньургун Боотур Стремительный : Якутский героический эпос-олонхо / [перевел на русский язык В. В. Державин]. – Якутск : Кн. изд-во, 1982. – 432 с.
21. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 томах. Т. XIV (Буквы Ч–Ы) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2017. – 592 с. (На якутском и рус. яз.)
22. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 томах. Т. XV (Буква Э) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2018. – 576 с. (На якутском и рус. яз.)

References

1. Oiunsky, P. A. Works: in 7 volumes. Vol. 4: Nyurgun Bootur the Swift: olonkho: 1, 2, 3 parts. Yakutsk, Yakutsk Book Publ. House, 1959, 324 p. (In Yakut)
2. Oiunsky, P. A. Works: in 7 volumes. Vol. 5: Nyurgun Bootur the Swift: olonkho: 4, 5, 6 parts. Yakutsk, Yakutsk Book Publ. House, 1959, 288 p. (In Yakut)
3. Oiunsky, P. A. Works: in 7 volumes. Vol. 6: Nyurgun Bootur the Swift: olonkho: 7, 8, 9 parts. Yakutsk, Yakutsk Book Publ. House, 1960, 312 p. (In Yakut)
4. Satanar, M. T. Explication of some codes of the Yakut epic olonkho mythological system (Folklore time and space). *Nauchnyi dialog*. 2020, no. 6, pp. 302–319. (In Rus.)
5. Gerasimova, L. N. Image-forming verbs in the representation of the concept “Bogatyr” in olonkho texts of early and late periods. *Epic studies*. 2021, no. 4, pp. 98–104. (In Rus.)
6. Robbek, L. V. Philosophical line of the olonkho language: lexicographic representation issues. *Modern Scientist*. 2021, no. 2, pp. 168–172. (In Rus.)
7. Anisimov, R. N. On the prospective tasks of the integrated study of the olonkho language at the modern stage. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2020, no. 3, pp. 94–106. (In Rus.)
8. Ivanov, V. N. Creation of the olonkho encyclopedia. In: Regional encyclopedias in the modern scientific infocommunication system of Russia: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Ufa, Bashkirskaya entsiklopediya Publ., 2016, pp. 89–94. (In Rus.)
9. Chertykova, M. D. Khakas peripheral verbs in visual reception and their lexical correspondences in other Turkic languages. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2019, no. 4, pp. 78–91. (In Rus.)
10. Paducheva, E. V. Dynamic models in the semantics of vocabulary. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2004, 608 p. (In Rus.)
11. Kolesov, I. Y. Problems of conceptualization and linguistic representation of visual perception (based on the material of English and Russian languages). Barnaul, BSPU Publ., 2008, 354 p. (In Rus.)
12. Ślupianek-Tajnert, D. Cognitive analysis of visual perception verbs in Russian and Polish. Poznań, Wydział Neofilologii UAM w Poznań Publ., 2016, 301 p. (In Rus.)
13. Chertykova, M. D., Kaksin, A. D. Linguistic expression of hero’s visual perception: the case of the *Albynch* heroic legend. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2020, no. 3, pp. 14–29. (In Rus.)
14. Kolesov, I. Y. Actualization of visual perception in language: cognitive aspect (based on the material of English and Russian). Abstract of the thesis for the degree of Doctor of Philological Sciences. Barnaul, 2009, 34 p. (In Rus.)
15. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol., vol. IV (Letter K). Edited by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2007, 708 p. (In Yakut and Rus.)
16. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. VII (Letters N²–P). Edited by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2010, 516 p. (In Yakut and Rus.)
17. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. XIII (Letter Kh). Edited by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2016, 639 p. (In Yakut and Rus.)
18. Monastirev, V. D. Lexical level of analysis of the multivalued verb of the Yakut language kor. *Innovation Science*. 2015, no. 9, pp. 222–226. (In Rus.)
19. Chertykova, M. D. Realization of the sign “direction of view” in the semantics of the Khakas verb *kör-* to look, to see. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2018, no. 4, pp. 144–154. (In Rus.)
20. Nyurgun Bootur the Swift. Transl. by V. Derjavin. Yakutsk, Book Publ. House, 1982, 432 p. (In Rus.)
21. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. XIV (Letters Ch–Y). Edited by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2017, 592 p. (In Yakut and Rus.)
22. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. XV (Letter E). Edited by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2018, 576 p. (In Yakut and Rus.)

Е. Р. Николаев

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

**ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ЗАГАДКАХ
СУНТАРСКОГО УЛУСА**

Аннотация. В статье впервые в якутском языкознании рассматривается диалектная лексика якутских народных загадок Сунтарского улуса (района). Необходимость данного исследования обусловлена тем, что якутские загадки редко выступают в качестве материала для изучения диалектной лексики якутского языка. Диалектные данные могут дать сведения о сохранности говора, а также прояснить вопросы семантики в области якутской диалектологии. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые проводится языковой анализ загадок, собранных в Сунтарском улусе, и впервые выделяются основные семантико-мотивационные признаки диалектных единиц на материале фольклорного текста. Целью исследования является выявление наиболее характерных фонетических соответствий и лексических особенностей диалектных слов в народных загадках Сунтарского улуса. Источником и материалом для исследования послужили загадки, собранные в 1960–1969 гг. краеведом И. И. Ивановым – Чопчу Уйбаан и опубликованные отдельным изданием в 2014 г. Был проведен фронтальный обзор текстов 2891 загадок на присутствие диалектных признаков. Для достижения цели были использованы методы фонетического, лексического анализа, а также описательный метод с применением интерпретации языкового материала. Выявлены характерные сунтарскому говору фонетические признаки: ассимиляция и диссимиляция согласных; фонетические соответствия (долгота/краткость гласных; удвоение/краткость согласных и т. д.). Представлены типичные примеры диалектных единиц из загадок, которые относятся к лексике олекмо-вилюйских говоров. Кроме общеизвестных лексем сунтарского говора (например, *муруку* ‘бурундук’), можно обратить внимание на некоторые диалектные значения (например, *кэбэ кулгааба* ‘подснежник’), которые ранее не были включены в диалектологические словари. Установлен основной мотивационный тип семантики диалектных слов – метафорический или переносный. Данный тип номинации является характерным для текста загадок, который выражается образными словами, эвфемизмами. В загадках акцентируются доминантные признаки предмета, явления: форма, звуки, процесс, действие и т. д. Представление семантико-мотивационной картины на примере диалектных слов в загадках может восполнить пробелы в изучении диалектной языковой картины мира якутского языка.

Ключевые слова: якутский язык; диалектология; сунтарский говор; якутские народные загадки; фольклорный текст; диалектные единицы; семантико-мотивационные признаки; фонетические соответствия; лексические особенности; диалектные значения

Для цитирования: Николаев Е. Р. Диалектные особенности в загадках Сунтарского улуса // Эпосоведение. 2023. № 3. С. 89–98. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-89-98.

© Николаев Е. Р., 2023

© Nikolaev E. R., 2023

НИКОЛАЕВ Егор Револьевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия. ORCID: 0000-0003-3782-8402. E-mail: 1953307@mail.ru

NIKOLAEV Egor Revolievich – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Yakut language, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. ORCID: 0000-0003-3782-8402. E-mail: 1953307@mail.ru

Е. R. Nikolaev

Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems SB RAS

Dialectal peculiarities in riddles of Suntarsky district

Abstract. The article is the first in Yakut linguistics to examine the dialectal lexicon of Yakut folk riddles of Suntarsky district. The necessity of this study is due to the fact that Yakut riddles rarely serve as a material for studying the dialectal lexicon of the Yakut language. Dialectal data can provide information about the preservation of the dialect, as well as clarify the issues of semantics in the field of Yakut dialectology. The scholarly novelty of the study lies in the fact that for the first time the linguistic analysis of riddles collected in Suntarsky district is carried out and the main semantic-motivational features of dialectal units on the material of folklore text are highlighted for the first time. The purpose of the study is to identify the most characteristic phonetic correspondences and lexical features of dialect words in folk riddles of Suntarsky district. The source and material for the study were riddles collected in 1960–1969 by the local historian Ivan Ivanov – Chopchu Uybaan and published in a separate edition in 2014. The texts of 2891 riddles were frontally reviewed for the presence of dialectal features. To achieve the goal, the methods of phonetic, lexical analysis, as well as descriptive method with the application of interpretation of linguistic material were used. Phonetic features characteristic of the Suntar dialect were revealed: assimilation and dissimilation of consonants; phonetic correspondences (long/short vowels; doubling/short consonants, etc.). We present typical examples of dialectal units from riddles that belong to the lexicon of the Olyokma-Vilyui dialects. In addition to the well-known lexemes of the Suntar dialect (e. g. *muruku* ‘chipmunk’), one can pay attention to some dialectal meanings (e. g. *keghe kulgaagha* ‘snowdrop’), which were not previously included in dialectological dictionaries. The main motivational type of the semantics of dialect words – metaphorical or figurative – was established. This type of nomination is characteristic of the text of riddles, which is expressed by figurative words, euphemisms. The riddles emphasize the dominant features of the subject, phenomenon: shape, sounds, process, action, etc. The presentation of the semantic-motivational picture on the example of dialect words in riddles can fill the gaps in the study of the dialect linguistic picture of the world of the Yakut language.

Keywords: Yakut language; dialectology; Suntar dialect; Yakut folk riddles; folklore text; dialectal units; semantic-motivational features; phonetic correspondences; lexical features; dialectal meanings

For citation: Nikolaev E. R. Dialectal peculiarities in riddles of Suntar district. *Epic studies*. 2023; (3): 89–98. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-89-98.

Введение

Изученность якутской народной загадки считается достаточной, поскольку на данный момент анализ загадок в различных аспектах нашел свою нишу среди исследований разных жанров фольклора. Первыми собирателями и фиксаторами якутских загадок были А. Ф. Миддендорф, И. А. Худяков, В. Л. Серошевский, С. А. Ястремский, А. Е. Кулаковский, М. Н. Ионова-Андросова и др. [1, с. 4–5]. В их трудах загадки в основном записаны на русском языке, тем самым в ходе последующих переводов отчасти утратили свою аутентичность в текстовом плане.

С точки зрения лингвистики якутская загадка была рассмотрена в трудах С. П. Ойунской [1], В. В. Филипповой [2], Е. И. Оконешникова [3] и др. Были составлены тематические группы, выявлены их особенности, раскрывающие быт и традиционное занятие якутов (сахы), описан антропонимический пласт в загадках, установлены их образность и метафоричность.

В 1975 г. якутские загадки были опубликованы в виде сборника [4], который впоследствии стал образцом всех последующих изданий, например: Е. П. Чехордуна [5], И. К. Попов [6; 7], И. И. Иванов [8; 9], Г. С. Тарский [10]. Можно отметить, что все они в той или иной мере дублируют сборник С. П. Ойунской. Из этих изданий можно выделить сборник Ивана Ильича Иванова – Чопчу Уйбаан «Сунтаарым таабырыннара – саха аман өһө» («Загадки моего Сунтара – заветные слова [народа] саха», 2014).

В сборник вошли 2891 загадка. Автор собирал загадки в Сунтарском улусе в 1960–1969 гг. Рукопись материалов – всего более 700 загадок – была сдана в Архив ЯНЦ ИЯЛИ [8, с. 11].

Интересно, что в сборнике С. П. Ойунской есть отметка, что этих загадок было всего около 400 со ссылкой на архивный документ: «ф. 5, оп. 10, ед. хр. 137» [4, с. 349]. Впоследствии, в своей монографии она включила в список источников как «загадки, собранные И. И. Ивановым в 1960–1969 гг. в Сунтарском р-не. 1970. АЯНЦ, ф. 5, оп. 10, ед. хр. 111. (Всего 400 загадок)» [1, с. 111].

Книга И. И. Иванова была переиздана во второй раз в 2017 г. [9], однако, имеет техническую ошибку, связанную с нумерацией отгадок в указателе – произошла обычная перепечатка без учета нумерации страниц первого издания.

Составитель сборника, автор текстологических комментариев, кандидат филологических наук, фольклорист А. Н. Данилова отметила, что загадки, собранные И. И. Ивановым, имеют богатый язык и содержание, присутствуют архаизмы, диалектные слова, русизмы [8, с. 5–6], тем самым вырисовывается актуальность нашего исследования – диалектная лексика загадок, которая ранее не была подвергнута языковому анализу.

Цель статьи – выявить и описать диалектные особенности загадок сборника И. И. Иванова – Чопчу Уйбаан «Сунтаарым таабырыннара – саха аман өһө» (2014). Для достижения цели были поставлены следующие задачи: определить особенности сунтарского говора; выявить фонетические и лексические признаки диалектных единиц; прояснить основные семантико-мотивационные моменты в выявленных лексемах.

Методы исследования: описательный анализ диалектных единиц с применением фонетического анализа; семантико-мотивационная интерпретация значений лексем.

Данное исследование может послужить как дополнительный материал для изучения фольклорных текстов. Выявленные данные могут быть применены в исследованиях малых жанров якутского фольклора. Новизной данной статьи является попытка изучить диалектные признаки в текстах народной загадки как неотъемлемой части современной культурной реалии.

Фонетические особенности

Загадки были собраны на территории Сунтарского улуса, тем самым фонетические особенности имеют признаки, присущие сунтарскому говору, которые проявляются в фонетическом оформлении слов. Наш анализ выявил следующие фонетические соответствия в области вокализма:

Удвоение согласных в орудном падеже. Данное диалектное явление широко распространено в олекмо-вилуйской зоне говора [11, с. 98]:

Абааны уола Уот Кудулу байбалтан уоттаах сымаланнан өрүтэ уһуутуу сытар үһү (булкаан) ‘Говорят, из моря Уот Кудулу сын Демона огненной смолой дышит (вулкан)’ [8, с. 35]; *Биир дьыбэ биэс уол (кыыс) дьуккаах олоролор үһү (илии үтүлүккэ киэрэрэ)* ‘Говорят, в одном доме пятеро парней (девушек) живут (на руку надевают рукавицы)’ [8, с. 93].

Проявление долгих гласных в потоке речи является отличительной чертой сунтарского говора – *употребление долгого гласного в постпозиции слова: таһаараа* *ыал балаҕанын дьэнкир муос хамыйах саба бүрүйэн сытар үһү (халлаан)* ‘говорят, соседнюю юрту накрыла костяная ложка (небо)’ [8, с. 17]; *чаһыым суох эрээри чаҕаардахпына, чакчы сөп буолар диир үһү (бөтүүк)* ‘говорят, когда он кричит «я без часов», то угадывает время точно (петух)’ [8, с. 60].

Соответствия гласных звуков часто прослеживаются в фонетической вариативности, т. е. диалектного произношения некоторых лексем:

[эй]~[иэ]: *балаҕан иһигэр сэйгэн (эһэ) тириштэ (соно) ыйанан турар үһү (оһох куруннуьга)* ‘говорят, в юрте висит шкура (шуба) росомахи (печная сажа)’ [8, с. 118]. В литературном варианте: Бод., сунт. *сиээн* ‘росомаха’ [12, с. 172];

[ө]~[э]: *дьорбоот уол дөйбүүрүн хаһан да ыһыктыбат үһү (ыт кутуруга)* ‘говорят, отважный парень никогда не выпускает из рук комаромахалку (хвост собаки)’ [8, с. 81]. Данное слово служит одним из основных признаков для различения акающих и окающих говоров якутского языка. Возникновение вариантов *дэйбиир* ~ *дөйбүүр* связано с образованием в этих основах долгих гласных и дифтонгов на базе стяжения звуковых сочетаний -эгу, -өгэ. В настоящее

время вариант *дэйбиш* принят в качестве нормы. Как определил диалектолог С. А. Иванов (со ссылкой на Ст. Калужинского), *дэйбиш* присутствует в письменно-монгольском языке: *дэви* – ‘махать, размахивать’, *девигүр* ‘веер, опахало’ и является примером акающих говоров якутского языка [13, с. 157]. Таким образом, *дөйбүүр* – результат влияния оканья;

[ы]~[и]: *киэһэ буолла да Кэрэчэнэ Куо кэрии тыа үрдүнэн, күлэн мичээрдээбитинэн, кэтит сырайа бу малайан тахсар үһү (ый)* ‘говорят, как только наступает вечер, то из-за леса, улыбаясь и смеясь, выглядывает широкое лицо Кэрэчэнэ Куо (луна)’ [8, с. 21]. *Сырай* относится к окающим говорам якутского языка и, видимо, близок к п.-монг. *дьырай* ‘лицо, физиономия’ [11, с. 60];

[ы]~[у]: *муоста анныгар буталаах, орон анныгар олбохтоох Ордьохоон обургу баар үһү (кутуйах)* ‘говорят, есть с норой в подполье, с сидушкой под кроватью важный Орджохон (мышь)’ [8, с. 65]. Данный фонетический диалектизм имеет древнетюркские корни наподобие *булаа ~ былаа*: *бута ~ быта* ‘нора зверя’ [14, с. 782]. Соответствие [ы]~[у] является распространенным в западной диалектной зоне, особенно в есейском говоре: *умдаан ~ ымдаан, дьубар ~ дьыбар* [12, с. 20].

Также присутствуют соответствия в области консонантизма – *диссимилиция согласных в середине слова*:

[рт]~[тт]: *хонуу сабатыгар хоттуоска араскыта бөбө хоройон көстөр үһү (көмнөхтөөх тиит (хатын))* ‘говорят, на окраине поля виднеются ростки картофеля (лиственница (береза) с опавшей хвоей)’ [8, с. 40];

[ск]~[кк]: *муос иллээх мас чааккы иһигэр кырбас эт хоронолуур үһү (тиис уонна тыл)* ‘говорят, из чашки с роговым ободком выглядывает кусок мяса (зубы и язык)’ [8, с. 91].

В произношении (в данном случае в написании) согласных обнаруживаются типичные примеры, которые часто относятся к диалектным:

[б]~[м]: *үтүө киһи буолан баран, мунур быысаһы кыайан сиэбэт үһү (үүн)* ‘говорят, хоть и добрый человек, но не может съесть ободочную кишку (узда, удила)’ [8, с. 77]; *Өргөдөй үнүүтэ өтөрү түстэбинэ, буоһатынан бырабар, оччоҕо Олоохуна эбириэн оһуһа охсуолана түһэр үһү (ингэ, сап, сүүтүк)* ‘говорят, если копые Ергеджея проткнет, то бросают вожжи, а олекминский пятнистый бык начинает биться (игла, нитка, наперсток)’ [8, с. 134]. Соответствие [б]~[м] описывается таким образом: чем ближе к центру, тем более превалирует [б] (муус ~ буус). Если в виллойских говорах распространены варианты *бэкир, буоһа*, то в сунтарском говоре отмечается присутствие вариантов *мэкир, муоһа*. В некоторых случаях, особенно в потоке речи, до сих пор часто встречается двойное употребление *быыһас ~ мыыһас*;

[йм]~[нь]: *үөһээ дойду уола үөгүлүү түһэн баран үрүг көмүс кыймынан далбаатаатабына халлаан кыыһын солко куһаат кура сиргэ түһэн намылыйан хаалар үһү (этингнээх былът уонна кустук)* ‘говорят, когда сын верхнего мира, громко крикнув, машет плеткой, на землю спускается шелковый кушат дочери неба (грозовая туча и радуга)’ [8, с. 26]. Несложно догадаться, что здесь записан носовой [j]: *кыймынан ~ кымньынан*. Об этом ранее более подробно писал фонетист Н. Д. Дьячковский: «... звук [j] при произношении через нос не зависит от рядом стоящих звуков; ряд звуков <...> [йн] в якутской речи были в последующем заменены на [нь], [ннь]» [15, с. 70; 16, с. 104]. Данное словоупотребление входит в ряд таких слов: *кујаас ~ куньяас ~ куйаас* ‘жара’, *кыймы ~ кымньы* ‘плетка’, *кыймыт ~ кыйнньыбыт* ‘кипяченый (о молочной пенке)’, *ыһылын ~ ынньылыбыт ~ ыйылыбыт* ‘слишком туго затягивать (узел)’ и др.

[рдь]~[рб]: *түөрт уон кыһы түрдэли баайбытара суол ааныгар саһан сыталлар үһү (миинник)* ‘говорят, сорок девушек связали в одну связку, спрятались около дороги (веник)’ [8, с. 122]; *түрдэ ~ түрбэ* ‘связка, небольшая охапка чего-л., свёрток’ [17, с. 279]. По С. А. Иванову, данное соответствие употребляется на границе оканья и аканья. В устной речи чаще звучит [-ддь-] чем [-рдь-], что ярче вырисовывается в дальних, периферийных говорах [12, с. 29–30];

[кc]~[xc]: *сыя иһигэр сыя мөксө сылдыар үһү (уулаах биэ, ынах)* ‘говорят, в сале мечется сало (жеребая кобыла, корова)’ [8, с. 76]; *мөһөөччүк иһигэр мөксөр баар үһү (чуораан, хобо)* ‘говорят, в мешке что-то бьется, мечется (колокол)’ [8, с. 79]. Данный диалектный признак – употребление в середине слова [к] вместо [х] – является следствием влияния эвенкийского языка (произношения), которое распространено в северо-западных говорах якутского языка [11, с. 78].

Лексико-семантические особенности

Лексический состав данных загадок не менее интересен для исследования. Отмечаются лексические единицы, которые употребляются только в сунтарском говоре. Присутствие диалектных слов различных говоров якутского языка можно объяснить тем, что, все-таки, данные загадки были собраны в советское время, когда нормативно-литературный якутский язык был на пике устроения, тем самым большинство диалектизмов стали частично известными и употребительными в народе. Можно также допустить, что некоторые факты могли быть подвергнуты редакторской правке, например, ассимилятивно-диссимилятивные явления согласных.

Выделим некоторые диалектные слова из загадок, характерные для сунтарского говора:

- *биэс ачаа кыыс биир үрэби таннары хайан түһэн иһэллэр үһү (тарбахтар, тыгырахтар)* ‘говорят, пять избалованных девочек спускаются по руслу одного суходола (пальцы, ногти)’ [8, с. 93]: *ачаа*, бул., нюрб., сунт., в.-вил. ‘капризный, балованный’ [18, с. 54]. Нормативным вариантом считается *атаах* с таким же значением;

- *далай иһигэр талах даарда дагданньыр үһү (буойуу (быһым))* ‘говорят, в океане качается тальниковая даарда (коробка жерновов) (плотина)’ [8, с. 158]. В словаре: *даарда* ‘приспособление к летним саням для возки копен’; *муоста* ‘пол’; *кыра наара орон* ‘маленькая нара’ [18, с. 84]. Отмечается диалектное слово *даар* в вилюйском говоре: ‘стол для ручных жерновов’ [19, с. 63]. Формант *-да* иногда используется при образовании имен существительных (*дагда*, *агда*, *чагда* и т. д.).

- *таһаараа эмээхсин дагдалаан баран, таһырдыа таһааран таннары (бырахпытын, куппутун) тамнаабытын, биир да киһи күн бүгүнүгэр дылы кыайан амсайа (сиһи) илик үһү (сулустар)* ‘говорят, соседка старуха, взбив сливки, выбросила (вылила) на улицу, которую до сих пор ни один человек не смог попробовать (съесть) (звезды)’ [8, с. 20]; *Айан суолугар күөрчэх төкүнүгүн сытар үһү (иһэх)* ‘говорят, на дороге лежат (разбросаны) взбитые сливки (ком снега или грязи с копыт животных)’ [8, с. 80]; *таала хонуу ортотугар дагдаа (күөрчэх) ытыгын таһааран бырахпыттар үһү (киһин)* ‘посреди ровной поляны выбросили мутовку для взбитых сливок (пупок)’ [8, с. 96]. В загадках выявлено, что диалектные названия взбитых сливок в сунтарском говоре имеют несколько вариантов: *дагдаа*, лен., олекм., токм., *күөрчэх* ‘взбитые сливки’; *дагда*, аб., амг., н.-кол., бул., вил., горн., м.-канг., нюрб., ойм., олекм., сунт., татт., токм., у.-алд., чур., жиг. *күөрчэх* ‘взбитые сливки’ [18, с. 84];

- *кэбэ кулгааба кэһилээх кэрэ сир баар үһү (булгунньах, сыыр)* ‘говорят, есть земля с подснежниками-гостинцами (холм, возвышенность)’ [8, с. 35]. Литературно-нормативная дефиниция *кэбэ кулгааба* такова: *биир умнастан тахсыбыт элбэх манган сибэккилэрдээх, төгүрүк ньалбаархай сэбирдэхтэрдээх от үүнээйи* ‘грушанка’; диал. *ньургунун* ‘подснежник’ [20, с. 451]. В диалектологическом словаре: *кэбэ кулгааба*, татт. ‘грушанка красная’ [18, с. 378]. Из контекста загадки ясно, что *кэбэ кулгааба* – это *күөх ньургунун* ‘фиолетовый подснежник’. Однако, в полевых материалах автора имеются сведения, что, в сунтарском говоре нередко ветреницу лесную называют *кэбэ кулгааба* [21];

- *төгүрүччү түөс, барыта марба, кууччата куртах баар үһү* ‘говорят, есть некто весь грудастый, пузатый да брюхатый (чугун, чугунный горшок)’ [8, с. 129]. В словаре: *марба*, нюрб., сунт., в.-вил. *ис* ‘живот’ [18, с. 157];

- *түөрт атахтаах эрэри көтөн күдээрийэр баар үһү (маскаалай; нэтээги)* ‘говорят, есть с четырьмя ногами, но летает (лятяга)’ [8, с. 65]. В словаре: *маскаалай*, сунт., *маскалай*, *масхалай*, вил. окр. *нэтээги* ‘лятяга’ [18, с. 157, 158]; *маскалаайы* [22, с. 103];

- сур бөрөбө кыайан ситтэрбэт, буордаах **матаба** кыайан көтөхтөрбөт, сыарбатын хатыһа сатаан сөллүбэт үһү (тыял, сир уонна суол) 'говорят, и серому волку не догнать, и мешку с землей не приподнять, и пути саней не развязать (ветер, земля и дорога)' [8, с. 16]; хотон иһигэр сыаната биллибэт сыа **матана** баар үһү (ынах эмиийэ, синньэ, ынах ыаһын) 'говорят, в хлеву есть кожаный мешок, которому нет цены (коровье вымя, доение коровы)' [8, с. 75]: **матаба**, сунт., **матана**, есей., лен. **хаа**, **хааһах** 'большая кожаная сума' [18, с. 158];

- көндөй тиит иһиттэн **мурукулар** (моботойдор) быгыахтаһаллар үһү (сыын) 'говорят, из дупел лиственницы выглядывают бурундуки (сопли)' [8, с. 90]: **муруку**, вил., горн., нюрб., олекм., сунт., у.-алд., в.-вил. **моботой** 'бурундук' [18, с. 166–167];

- үһүн үйэтигэр ийэтэ кэтэрдибит таһаһын устубакка **олобостуур** да, алдьаппакка «ана-раа дойдуга» айанныыр үһү (киһи тириитэ) 'говорят, одежду, которую надела на его мать, он носит всю жизнь, так и не сносив отправляется «на тот свет» (кожа человека)' [8, с. 95]: **олобостоо**, нюр., сунт., в.-вил. 'износить, одевая или используя его постоянно (о вещи)'. Диалектная дефиниция глагола **ылахтаа**: износить – о вещи; заездить – о животном [18, с. 185];

- **сымаба** сыттаһына сыаналаах харчыбын, халаабыска хааланнаһына хара көмүспүн, куулга кутулуннаһына кыһыл көмүспүн диир баар үһү (кууллаах бурдук) 'говорят, есть тот, который говорит: если лежу в кожаной суме, то я – ценные деньги, если положат в кожаный мешок, то я – черное золото, если кладут в куль, то я – красное золото (мешок с мукой)' [8, с. 45]: **сыма**, сунт., в.-кол. **хаа**, **хааһах** 'кожаная сума, большая сума из шкуры, из лап животного' [18, с. 220]. Скорее всего, образовалось от русизма **сума** 'большой кожаный мешок для перевозки и хранения вещей'. В якутском языке присутствует схожая лексема **сыма күөрт**, кол. **уус күөрдэ** 'кузнечный мех' [19, с. 170];

- уу олбохтоох, кумах дьылээх, таас тиэргэннээх, сыаналаах **сыып тааһы** алараа дойду уола апчарыйан сытар үһү (кыһыл көмүс) 'есть, говорят, с водяной подстилкой, с домом из песка, с каменным двором сын нижнего мира, который драгоценную сыып-камень один захватил (золото)' [8, с. 15]. В сборнике **сыып таас** определен как **эмтээх таас** 'исцеляющий камень' [8, с. 184]. Поиски привели к словарю Э. К. Пекарского: **сыып таас** 'рассыпчатый камень, гипс' [23, стлб. 2472]. Судя по контексту, мотивационным толчком для обозначения золота стало его свойство «рассыпчатость»;

- халлаан кыһын солко курун ким да курдаммат, Үөһээ дойду уолун **сыр харчытын** ким да сатаан аахпат үһү (кустук уонна сулустар) 'говорят, что кушаком дочери неба никто не подпоясывается, монеты сына Верхнего мира никто не может сосчитать (радуга и звезды)' [8, с. 23]; **сыр харчы** 'мелочь, звонкая монета' [24, с. 453];

- тарбахтаах **табабайыгар** таба туттарбат үһү (күлүк) 'говорят, что неуловимый есть (тень)' [8, с. 34]: **табабай**: **ытыс иэнэ**, кол. **ытыс көхсө** 'наружная поверхность кисти руки', или **иэнэ** [19, с. 245]. Здесь **табабай** употреблен в значении 'ладонь';

- өлбүт киһи өттүгэстиир сирэ, **хоотункалаабыт** киһи хонор (сытар) сирэ баар үһү (булгуннаах, сыыр) 'есть, говорят, место, где может полежать покойник, есть, говорят, место, где может полежать (ночевать) покойник (холм, горка, возвышенность)' [8, с. 35]: **хоотункалаа**, эвф., лен., сунт. **өл**, **быһын** 'умирать, кончаться' [18, с. 291].

Обсуждение

Фонетический аппарат рассмотренного материала не имеет особенных или новых черт – все они в той или иной мере обсуждались в трудах якутских диалектологов. Однако, следует иметь в виду, что сохранность звуковых признаков сунтарского говора в загадках, опубликованных спустя полвека после их сбора, имеет право быть оцененным как уникальный языковой материал.

Собственно сунтарскими (олекмо-вилуйскими) можно считать диалектные слова **сыр харчы**, **марба**, **дагда**, **муруку**, **хоотункалаабыт**, **кэбэ кулгааба**. Остальные слова более или менее известны всем носителям якутского языка. Основное отличие представлено в значениях.

Анализ семантико-мотивационных признаков значений диалектных единиц показывает, что внешнее оформление – план выражения – основано на внутренней форме слова, т. е. на значении денотата, которое чаще выражается метафорическим типом мотивации. Данный тип мотивации наиболее приемлем для загадок, поскольку загадка сама по себе метафорична, по своей сути имеет переносный характер. Представим основные семантико-мотивационные признаки диалектных лексем сунтарского говора:

кэбэ кулгааба: название растения перекликается с кукушкой – вестником весны, т. к. с ее прилетом и временем кокования совпадает время появления первых цветков подснежника. Стоит отметить, что данная мотивация фитонима пока вызывает сомнения, т. к. в настоящее время нет достаточного полевого материала, чтобы утверждать об этом;

хоотункалабыт: мотивация прозрачна, поскольку произошла эвфемизация лексемы *хоотунка* (окающий вариант) ~ *хаатынка* (акающий вариант) ‘валенки’. Данное слово ассоциируется с русскими фразеологизмами «отбросить копыта (коньки)», «откинуть копыта», т. е. обувь как предметный (вещный) код фигурирует в обозначении ухода в другой мир. Данное слово является не только заимствованием из русского языка, в частности из вологодского диалекта: *катанок* ‘валенки’: «Степаниха и летом в катанках бродит: ревматизма её совсем одолела» [25, с. 107], но и представляет собой религиозные воззрения якутов (саха), жизненный уклад которых имеет все ключевые моменты христианизации, в т. ч. и обозначение смерти и т. п. Однако, можно также предположить, что слово *хоотунка* каким-то образом связано с речкой *Хатанга*, которую местные называют *Хоотунка*;

марба: существует другая дефиниция – кожаный мешок, сума; таким образом, без сомнения, данное слово использовано в загадке для отображения внешней формы предмета, в данном случае чугунного котла;

муруку: вероятно, лексема является заимствованным из эвенкийского языка, и здесь формант *-ку* является «лакмусовой бумажкой»: *мэрийки, мэрипкй* Тк, М, З, Тнг, Брг, Нрч, Ие, А, С-Б ‘бурундук’ [26, с. 388], как и в *чубуку* ‘снежный баран’, *кулухун* ‘костер, очаг’: *чевакун* И ‘горный баран’; *кулувун* Урм ‘костер’ [26, с. 715, 312].

дагда: здесь мы видим глагольный тип мотивации, т. к. производящей основой является глагол *дагдай-* ‘всплыть на поверхность’. Семантико-структурная мотивация, раскрывающая не только процесс приготовления блюда, но и его физические свойства, была перенесена на название молочного блюда;

сыр харчы: *сыр* является звукоподражающим словом, вербализующим звук монет, тем самым мотивационный признак прозрачен – принцип основан на звуке металлических (медных и т. п.) монет.

Заключение

Итак, по итогам анализа диалектных особенностей загадок, собранных И. И. Ивановым – Чопчу Уйбаан, можно сделать следующие основные выводы:

- в фонетическом плане почти все характерные признаки, присущие сунтарскому, вилюйским говорам, а также есейскому говору (относится к одной диалектной зоне – западному массиву говоров), присутствуют в рассмотренных загадках;
- присутствие диалектных слов общекяутского плана говорит о том, что информанты загадок могли иметь корни (контакты) в других улусах Якутии;
- семантико-мотивационные признаки диалектных слов в рассмотренных загадках имеют в основном метафорический тип номинации, т. к. используются образные, эвфемистические, дополнительные или вторичные значения слов, которые отображают те или иные признаки: форму предмета; производимые звуки; процесс, который стал доминантным признаков номинации; заимствованные значения, которые стали частью не только лексики сунтарского говора, но и культурной реалией быта якутов;

- загадки, собранные И. И. Ивановым – Чопчу Уйбаан в 60-е гг. прошлого века, дают представление о речи носителей сунтарского говора как представителей, обладающих ярким, выразительным языком, а также свидетельствуют о степени сохранности сунтарского говора в фонетическом и семантико-лексическом плане.

Сокращения

А – аянский диалект эвенкийского языка; **аб.** – абыйский говор; **амг.** – амгинский говор; **Брг** – баргузинский диалект эвенкийского языка; **Бод** – Бодайбинский говор; **бул.** – булунский говор; **в.-кол.** – верхнеколымский говор; **в.-вил.** – верхневиллойский говор; **в.-кол.** – верхнеколымский говор; **вил.** – виллойский говор; **вил. окр.** – говор виллойского округа (дореволюционное административное деление); **горн.** – горный говор; **есей.** – есейский диалект якутского языка; **жиг.** – жиганский говор; **З** – зейский говор верхне-алданско-зейского диалекта; **И** – илимпийский диалект эвенкийского языка; **Ие** – иенгринский говор эвенкийского языка; **кол.** – колымский говор; **лен.** – ленский говор; **М** – майский говор эвенкийского языка; **м.-канг.** – мегино-кангаласский говор; **Нрч** – нерчинский говор витимо-нерчинского диалекта эвенкийского языка; **нюрб.** – нюрбинский говор; **ойм.** – оймьяконский говор; **олекм.** – олекминский говор; **С-Б** – северо-байкальский диалект эвенкийского языка; **стлб.** – столбец; **сунт.** – сунтарский говор; **татт.** – таттинский говор; **Тк** – токкинский говор эвенкийского языка; **Тнг** – тунгирский говор витимо-олекминского диалекта; **токк.** – токкинский говор; **у.-алд.** – усть-алданский говор; **Урм** – урмийский говор буринско-урмийско-амгунского диалекта эвенкийского языка; **чур.** – чурапчинский говор; **эвф.** – эвфемизм.

Литература

1. Соловьева-Ойунская, С. П. Якутские народные загадки: специфика жанра / ответственный редактор Н. В. Емельянов. – Санкт-Петербург : Наука, 1992. – 110 с.
2. Филиппова, В. В. Якутские загадки: семантика и структура : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.01.09 : Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 2012. – 22 с.
3. Оконешиников, Е. И. Э. К. Пекарский как лексикограф / ответственный редактор П. А. Слепцов. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1982. – 140 с.
4. Саха таабырыннара = Якутские загадки / таабырыннары түмэн тылбаастаата, аан тылын суруйда, комментарий онордо С. П. Ойунская. – Якутскай : Саха сиринээби кинигэ изд-вога, 1975. – 374 с. (На якутском и рус. яз.)
5. Саха таабырыннара / хомуйан онордулар : С. П. Ойунская, Е. П. Чехордуна. – Дьокуускай : Бичик, 2002. – 176 с. (На якутском яз.)
6. Саха таабырыннара, өс хоһоонноро, чабырбахтара = Якутские загадки, пословицы, скороговорки / хомуйан онордо И. К. Попов. – Дьокуускай : Бичик, 2006. – 112 с. (На якутском яз.)
7. Саха таабырыннара, өс хоһоонноро, чабырбахтара = Якутские загадки, пословицы, скороговорки / хомуйан онордо И. К. Попов. – Дьокуускай : Айар, 2021. – 128 с. (На якутском яз.)
8. Иванов, И. И. Сунтаарым таабырыннара – саха аман өһө / бэчээккэ бэлэмнээтэ, текстологической быһаарылылары, ыйынныктары онордо А. Н. Данилова. – Дьокуускай : СМИК-Мастер. Полиграфия, 2014. – 196 с. (На якутском яз.)
9. Сунтаар таабырыннара, бэргэн тыла = Сунтарские загадки, крылатые слова / И. И. Иванов – Чопчу Уйбаан. – Дьокуускай : СМИК-Мастер. Полиграфия, 2017. – 200 с. (На якутском яз.)
10. Тарскай, Г. С. Бэчээттэнэ илик таабырыннар / хомуйан онордулар Нь. А. Сивцева, Н. Р. Бурнашева. – Дьокуускай : Бичик, 2019. – 64 с. (На якутском яз.)
11. Воронкин, М. С. Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. – Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. – 197 с.
12. Диалектологический атлас якутского языка (сводные карты). Часть I. Фонетика / ответственный редактор И. Е. Алексеев ; составитель С. А. Иванов. – Якутск : Изд-во ЯФ СО РАН, 2004. – 124 с.
13. Иванов, С. А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. – Якутск : Кн. изд-во, 1980. – 184 с.
14. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылылаах тылдьыта : в 15 томах. Т. II (Буква Б) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2005. – 911 с. (На якутском и рус. яз.)

15. Дьячковской, Н. Д. Саха билинги тыла. Фонетика : Үөрэнэр кинигэ. – Дьокуускай : СГУ изд-вота, 2000. – 175 с. (На якутском яз.)
16. Воронкин, М. С. Саха диалектологиятын очерката: Фонетика уонна морфология. – Якутскай : Кинигэ изд-вота, 1980. – 242 с. (На якутском яз.)
17. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 томах. Т. XI (Буква Т) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2014. – 528 с. (На якутском и рус. яз.)
18. Диалектологический словарь якутского языка : содержит свыше 8500 слов / составители : П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. – Москва : Наука, 1976. – 392 с.
19. Диалектологический словарь языка саха : Дополнительный том / составители : М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. – Новосибирск : Наука, 1995. – 296 с.
20. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта : в 15 томах. Т. V (Буква К) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2008. – 841 с. (На якутском и рус. яз.)
21. Николаев, Е. Р. Диалектная семантика фитонима *кэбэ кулгааба* ‘кукушкины ушки’ в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2022. – № 1 (38). – С. 89–99. – DOI : 10.25693/SVGV.2022.38.1.008.
22. Кулаковской, А. Е. Саха тылын туһунан ыстатыйалар уонна матырыйааллар = Статьи и материалы о якутском языке / предисловие и примечания Н. С. Григорьева. – Якутск : Гос. изд-во ЯАССР, 1946. – 150 с. (На якутском и рус. яз.)
23. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка. В 3 томах. Т. 2. – 2-е изд. – Москва : Изд-во АН СССР, 1959. – стлб. 1281–2508.
24. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 томах. Т. IX (Буква С–Һ) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2012. – 630 с. (На якутском и рус. яз.)
25. Вологодское словечко : Школьный словарь диалектной лексики / ответственный редактор Л. Ю. Зорина. – Вологда : ВГПУ, 2011. – 344 с.
26. Мыреева, А. Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэды-лучады турэрүк : около 30000 слов ; ответственный редактор В. А. Роббек. – Новосибирск : Наука, 2004. – 796 с. (На эвенкийском и рус. яз.)

References

1. Solovieva-Oyunskaya, S. P. Yakut folk riddles: specificity of the genre. Edited by N. V. Emelyanov. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992, 110 p. (In Rus.)
2. Filippova, V. V. Yakut riddles: semantics and structure. Dissertation abstract for the degree of Candidate of Philological Sciences: 10.01.09. Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS. Ulan-Ude, 2012, 22 p. (In Rus.)
3. Okonoshnikov, E. I. E. K. Pekarsky as a lexicographer. Executive editor P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982, 140 p. (In Rus.)
4. Yakut riddles. Compiler S. P. Oyunskaya. Yakutsk, Yakutsk Book Publ. House, 1975, 374 p. (In Yakut and Rus.)
5. Yakut riddles. Compilers: S. P. Oyunskaya, E. P. Chekhorduna. Yakutsk, Bichik Publ., 2002, 176 p. (In Yakut)
6. Yakut riddles, proverbs, cursive words. Compiler I. K. Popov. Yakutsk, Bichik Publ., 2006, 112 p. (In Yakut)
7. Yakut riddles, proverbs, tongue-twisters. Compiler I. K. Popov. Yakutsk, Ayar Publ., 2021, 128 p. (In Yakut)
8. Ivanov, I. I. Suntar riddles is the richness of the Sakha language. Edited by A. N. Danilova. Yakutsk, SMIK-Master. Polygraphy Publ., 2014, 196 p. (In Yakut)
9. Suntar riddles, winged words. I. I. Ivanov – Chopchu Uybaan. Yakutsk, SMIK-Master. Polygraphy Publ., 2017, 200 p. (In Yakut)
10. Tarsky, G. S. Unpublished riddles. Compilers: N. A. Sivtseva, N. R. Burnasheva. Yakutsk, Bichik Publ., 2019, 64 p. (In Yakut)
11. Voronkin, M. C. The dialect system of the Sakha language: Formation, interaction with the literary language and characterization. Novosibirsk, Nauka Publ., 1999, 197 p. (In Rus.)

12. Dialectological atlas of the Yakut language (summary maps). Part I. Phonetics. Executive editor I. E. Alekseev; compiler S. A. Ivanov. Yakutsk, Publ. House of the Yakut filial of SB RAS, 2004, 124 p. (In Rus.)
13. Ivanov, S. A. Akanie and okanie in the Yakut language. Yakutsk, Book Publ. House, 1980, 184 p. (In Rus.)
14. Explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol., vol. II (Letter B). Edited by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005, 911 p. (In Yakut and Rus.)
15. Dyachkovsky, N. D. Modern Yakut language. Phonetics: Textbook. Yakutsk, Yakut State University Publ. House, 2000, 175 p. (In Yakut)
16. Voronkin, M. C. Sakha dialectology: Phonetics and morphology. Yakutsk, Book Publ. House, 1980, 242 p. (In Yakut)
17. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. XI (Letter T). Edited by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2014, 528 p. (In Yakut and Rus.)
18. Dialectological dictionary of the Yakut language. Compilers: P. S. Afanasyev, M. S. Voronkin, M. P. Alekseev. Moscow, Nauka Publ., 1976, 392 p. (In Rus.)
19. Dialectological dictionary of the Sakha language: Additional volume. Compilers: M. S. Voronkin, M. P. Alekseev, Y. I. Vasiliev. Novosibirsk, Nauka Publ., 1995, 296 p. (In Rus.)
20. Explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol., vol. V (Letter K). Edited by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2008, 841 p. (In Yakut and Rus.)
21. Nikolaev, E. P. Dialectal semantics of the phytonym *kege kulgaaga* ‘cuckoo’s ears’ in the Yakut language. *North-Eastern Humanities Bulletin*. 2022, no. 1, pp. 89–99. DOI: 10.25693/SVGV.2022.38.1.008. (In Rus.)
22. Kulakovskiy, A. E. Articles and materials about the Yakut language. Foreword and notes by N. S. Grigoriev. Yakutsk, State Publ. House of the YASSR, 1946, 150 p. (In Yakut and Rus.)
23. Pekarsky, E. K. Dictionary of the Yakut language. In 3 vol. Vol. 2. 2nd ed. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1959, col. 1281–2508. (In Yakut and Rus.)
24. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. IX (Letter S–h) / Edited by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2012, 630 c. (In Yakut and Rus.)
25. Vologda word: School dictionary of dialect vocabulary. Executive editor L. Y. Zorina. Vologda, VGPU Publ., 2011, 344 p. (In Rus.)
26. Myreeva, A. N. Evenki-Russian dictionary: about 30000 words. Executive editor V. A. Robbek. Novosibirsk, Nauka Publ., 2004, 796 p. (In Evenki and Rus.)

Г. Е. Саввинова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

**ИЗ ОПЫТА СБОРА СВЕДЕНИЙ ОБ ОЛОНХОСУТАХ
ВИЛЮЙСКОГО И ВЕРХНЕВИЛЮЙСКОГО УЛУСОВ ЯКУТИИ**

Аннотация. В 1940-е гг. Институтом языка и культуры Якутской АССР был осуществлён планомерный сбор материалов по вилюйскому региону. Сотрудниками института С. И. Боло и А. А. Саввиным в ходе экспедиции был записан богатейший фольклорный материал. Продолжая дело выдающихся предшественников, за период 2016–2019 гг. сотрудниками Научно-исследовательского института Олонхо СВФУ им. М. К. Аммосова были организованы фольклорные экспедиции в Вилюйский и Верхневилюйский улусы Якутии. Кроме видеофиксации исполнения песенных жанров, сказания легенд, преданий и др. жанров якутского фольклора, участниками экспедиции были собраны сведения об олонхосутах этих двух улусов. Целью настоящей статьи является анализ сведений об олонхосутах Вилюйского и Верхневилюйского улусов, которые имеют важную позицию в вилюйской сказительской традиции олонхо. Материалом исследования послужили анкетные данные, рукописные, аудио- и видеоматериалы, полученные во время экспедиций. Дается краткая характеристика творчеству олонхосутов указанных улусов, рассматриваются особенности сказительского мастерства и традиций, а также факторы, влияющие на формирование их творческой личности. Применен биографический метод исследования: изучены материалы биографии олонхосутов, воспоминания родных, односельчан, знакомых, различные записи, интервью и т. п. Особое внимание уделено творчеству олонхосутов приграничных наслегов Вилюйского и Верхневилюйского улусов. Автор статьи приходит к выводу о том, что отличительной особенностью вилюйских и верхневилюйских сказителей является сильное влияние шаманизма в становлении олонхосутов.

Ключевые слова: фольклорная экспедиция; Вилюйский улус; Верхневилюйский улус; олонхо; локальная эпическая традиция; сведения об олонхосуте; анкета олонхосута; биография олонхосута; становление олонхосута; шаманизм

Для цитирования: Саввинова Г. Е. Из опыта сбора сведений об олонхосутах Вилюйского и Верхневилюйского улусов Якутии // Эпосоведение. 2023. № 3. С. 99–107. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-99-107.

G. E. Savvinova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

**From the experience of collecting information about the olonkhusut
of the Vilyuisky and Verkhnevilyuisky districts of Yakutia**

Abstract. In the 1940s, the Institute of Language and Culture of the Yakut ASSR systematically collected materials on the Vilyui region. Employees of the institute S. I. Bolo and A. A. Savvin recorded the richest folklore material during the expedition. Continuing the work of their outstanding predecessors, in the period 2016–2019, the staff of the Olonkho Research Institute of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University organized folklore expeditions in Vilyuisky and Verkhnevilyuisky districts. In addition to videotaping the performance of song genres, legends, tales and other genres of Yakut folklore, the expedition participants collected information

© Саввинова Г. Е., 2023

© Savvinova G. E., 2023

САВВИНОВА Гульнара Егоровна – старший научный сотрудник сектора олонховедения Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия. E-mail: savgul6767@mail.ru

SAVVINOVA Gulnara Egorovna – Senior Researcher, Sector “Olonkho Studies”, Olonkho Research Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia. E-mail: savgul6767@mail.ru

about the olonkhosuts of the two districts. The purpose of this article is to analyze information about the olonkhosuts of Vilyuisky and Verkhnevilyuisky districts, who have an important position in the Vilyui olonkho storytelling tradition. The material of the study was questionnaire data, manuscript, audio and video materials obtained during the expeditions. The authors briefly characterize the creativity of the olonkhosut of the mentioned districts, consider the peculiarities of storytelling skills and traditions, as well as factors influencing the formation of their creative personality. The biographical method of research is applied: materials of the biography of the olonkhosut, memories of relatives, home folk, acquaintances, various records, interviews, etc.) are studied. Particular attention is paid to the creativity of the olonkhosut of the border heritages of the Vilyuisky and Verkhnevilyuisky districts. The author of the article comes to the conclusion that the distinctive feature of Vilyuisky and Verkhnevilyuisky olonkhosuts is the strong influence of shamanism in the formation of an olonkhosut.

Keywords: folklore expedition; Vilyui ulus; Verkhnevilyui ulus; olonkho; local epic tradition; information about olonkhosut; questionnaire of olonkhosut; biography of olonkhosut; formation of olonkhosut; shamanism

For citation: Savvinova G. E. From the experience of collecting information about the olonkhosut of the Vilyuisky and Verkhnevilyuisky districts of Yakutia. *Epic studies*. 2023; (3): 99–107. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-99-107.

Введение

Научное собрание якутского героического эпоса олонхо, изучение сказительского искусства были начаты уже в XIX в. Первым прокладывал путь в неисследованную область – в сферу собирания и фиксации якутского фольклора русский ученый И. А. Худяков. Исследователь героический эпос олонхо застал уже с устоявшимися традиционными жанровыми признаками и функциональной ролью в общественной и бытовой жизни якутов [1, с. 311].

Период, наступивший после «стыка веков», оказался благоприятной основой для понимания традиционных культурных ценностей, породил осознание времени и социальных перемен у первых якутских просветителей. Вполне можно считать, что 1920–1930 гг. были годами рождения прогресса в культурно-просветительском пространстве Якутии.

По инициативе якутского писателя П. А. Ойунского, ученого-филолога, первого директора Научно-исследовательского института языка и культуры Якутской АССР, одной из важнейших задач в собирании устного народного творчества становится организация фольклорных экспедиций. За период 1938–1941 гг. были организованы экспедиции с участием фольклористов С. И. Боло и А. А. Саввина в вилюйские и северные районы Якутии, в результате которых был собран богатейший материал. «Первая Вилюйская экспедиция оказалась той научной сферой, где в полном объеме реализовалась исследовательская позиция А. А. Саввина и сформировались устойчивые научные интересы молодого С. И. Боло» [2, с. 109–110]. По результатам экспедиций в 1940 г. была издана работа С. И. Боло «Прошлое якутов до прихода русских на Лену» [3]. Однако, не напечатаны в полном объеме собрания записей А. А. Саввина и С. И. Боло.

Был произведен сбор материалов устного творчества, в частности, сказительской традиции и в годы Великой Отечественной войны. В 1941 и 1946 гг. в 13 улусах Якутии было зарегистрировано 83 олонхосута и 396 текстов олонхо [4, с. 181]. Однако, недостаточно «освещена роль непосредственных исполнителей первого экспедиционного проекта института, в котором определяющее значение имели, все же, исследовательский подход, принципы отбора материала и приемы фиксации наиболее значимых составляющих» [2, с. 105–117].

Основной целью нашей работы является выявление новых сведений об олонхосутах, особенностей в формировании творческой личности олонхосута и уточнение ранее известных фактов, требующих подтверждения.

Сбор фольклорных материалов и сведений об олонхосутах Вилюйского и Верхневилюйского улусов

Примечательно территориальное расположение наслегов Верхневилюйского и Вилюйского улусов. Территории наслегов Верхневилюйского улуса – Магассы, Сургулук, Кётёрдах,

Ийылас, Ботулу граничат с Виллойским улусом, с наслегами 1 Кюлятцы, 2 Кюлятцы, Югюлятцы, Тылгыны. В процессе полевой работы в названных наслегах нами были отмечены устойчивые культурные и экономические взаимоотношения. Между жителями этих наслегов со старины веков установились общие охотничьи и сенокосные угодья, пастбища и др.

В экспедициях в Виллойский и Верхневиллойский улусы работали сотрудники Научно-исследовательского института Олонхо СВФУ им. М. К. Аммосова: Р. Н. Анисимов, Г. Е. Саввинова-Отова, О. К. Павлова и В. Н. Габышев. Экспедиционное исследование проводилось: в 2016–2018 гг. в Виллойском улусе, в 2018–2019 гг. – в Верхневиллойском. Основной целью экспедиций были фиксация сведений об олонхосутах и сбор фольклорных текстов [5, с. 171–177]. Были поставлены задачи – выявление особенностей в формировании творческой личности олонхосутов и раскрытие факторов влияния различных фольклорных традиций на творческую личность олонхосута.

В сводном отчете по экспедициям значится следующая запись: в 2017 г. в Виллойском улусе экспедиция проводилась в феврале и апреле, в 2018 г. – в апреле; в Верхневиллойском улусе также в два этапа – в марте 2018 г. и апреле 2019 г. В Виллойском улусе обследованы всего 19 наслегов, в Верхневиллойском – 20. В каждом улусе всего опрошено по более 200 информантов. В Виллойском улусе возраст информантов варьирует от 45 до 87 лет; в Верхневиллойском – от 45 до 93 лет. В результате в Виллойском улусе установлено 105 имен олонхосутов; в Верхневиллойском – 84. В ходе работы сделаны качественные записи исполнений образцов фольклора на современные аудио- и видеоносители. В общей сложности участниками экспедиций произведено более 400 полных аудио- и видеозаписей. Все материалы были переданы в Цифровой архив Научно-исследовательского института Олонхо СВФУ им. М. К. Аммосова. По материалам экспедиции была издана книга «Олонхо и олонхосуты Виллойского улуса (вторая половина XIX – начало XXI в.)» [6], а также готовится к печати книга «Эпические традиции, фольклор Верхневиллойского улуса» (вторая половина XIX – начало XXI в.). В процессе полевой работы была оказана помощь местных энтузиастов-краеведов, работников культуры, учителей и др. Часть корреспондентов содействовали и после отъезда участников экспедиции.

Перед утверждением плана и маршрута экспедиционных мероприятий мы составили предварительный список олонхосутов Виллойского, Верхневиллойского улусов, в котором указываются их фамилия, имя, отчество, год рождения и др. Однако, имеющиеся сведения об олонхосутах были весьма скудны. В связи с этим была поставлена задача продумать дополнительные вопросы, требующие от информанта развернутого ответа, значимые в контексте исследования (фамилия, имя, отчество олонхосута, дата и место рождения, семейное положение, дети; род деятельности, увлечения и др.). В записи о месте рождения уточняется название местности, например, алааса (як. *алаас* – это форма рельефа для равнинной Якутии: поле или луг в лесу рядом с озером). К примеру, немало олонхосутов родились в алаасе Амысах, расположенном вблизи наслегов Югюлятцы, 1 и 2 Кюлятцы Виллойского и Магассы, Ботулу Верхневиллойского улусов.

В процессе работы участниками экспедиции были применены методы исследовательских изысканий фольклористов А. А. Саввина и С. И. Боло. В работе использовалась не только схема проведения интервью, но и метод включенного наблюдения, т. е. ведение естественного общения с информантом. Только при такой фиксации, на наш взгляд, «изыскатель выявляет подлинность сведений об олонхосутах» [5, с. 172], локальной сказительской традиции. При интервьюировании собиратель записывает сведения и о самом информанте, заполняет паспорт информанта.

В записях, сопровождающих сведения об олонхосуте (возраст, образование, местность, профессиональная специализация), привнесены примечания «Якутские имена (*сахалыы аат*) олонхосутов». Дополнительно отмечены сведения о том, в какой семье родился олонхосут: семейные традиции, родственники-олонхосуты, окружающая среда олонхосута и др., также

сведения о наставниках-олонхосутах; составлены словники устаревших или непонятных слов. Особую важность представляют биографические данные о шаманах и целителях, влияющих на творчество олонхосута, сведения об олонхосутах-шаманах.

На наш взгляд, для выявления «истоков сказительского искусства в подлинной традиции, никем и ничем не опосредованной» [7, с. 16], фиксация материала должна максимально отражать формирование личности олонхосута. Немалое внимание уделялось на другие жанры фольклора, т. е. на такие повествовательные жанры, как легенды, исторические предания об олонхосутах и мн. др. Необходимо было установить также количество присутствующих во время выступления олонхосута, сколько времени отводилось на его выступление. Как отмечает В. В. Илларионов, «... народ высокое звание “олонхосут” давал только тем, кто удовлетворял эстетическим и духовным потребностям эпической среды, обладал настоящим талантом создателя и исполнителя» [8, с. 102]. Таким образом, значительное внимание уделено факторам, влияющим на становление олонхосута.

Особенности вилюйских и верхневилюйских олонхосутов

В отчете, составленном в 1938 г. фольклористом А. А. Саввиным, отмечается, что устная народная традиция в полном объеме функционировала только в вилюйском регионе [9, л. 10, 23]. А. А. Саввин особенность вилюйской сказительской традиции связывает с ее архаичностью.

Удаленность и изолированность от влияния «цивилизации» сыграла большую роль на вилюйские и верхневилюйские фольклорно-эпические традиции. В ходе полевой работы в отдаленных наслеггах левого притока Вилюя, реки Тюкян отмечено наличие действующих очагов локальной культурной традиции.

А. А. Саввин в творчестве олонхосутов вилюйской эпической традиции находит отражение тесной связи олонхосута и шамана, т. к. в вилюйском регионе «шаманизм, более чем в других местах, сохранил свои первоначальные черты» [9]. Б. Н. Путилов отмечает, что сказитель и шаман – два культурных типа, между которыми угадываются глубинные связи и, возможно, стадийная преемственность [10].

В сведениях особо выделялись олонхосуты, обладающие даром шамана или тесно контактирующие с шаманами из наслегов Югюлятцы, 1 Кюлятцы, 2 Кюлятцы, Тылгыны Вилюйского и Магассы, Сургулук, Ботулу, Кётёрдах Верхневилюйского улусов.

Во время интервьюирования, когда речь шла о шаманах, информанты часто употребляли выражения: *аата ааттаммат киһи* (человек, чье имя не принято произносить вслух), *улахан ойуун* (большой шаман; главный шаман) и *орто ойуун* (средний шаман), *кыра ойуун* (маленький шаман). Примечательно, что информанты делили шаманов и шаманов-олонхосутов на два типа – на якутские и тунгусские. Подобное разделение присутствует и в записях исследователя Р. К. Маака (экспедиция по Вилюйскому округу в 1877–1887 гг.) [11].

По сведению жителя наслегга Магассы Е. Е. Васильева, есть местность, расположенная вблизи реки Тюкян (название которой не сообщалось). В этой местности было захоронено несколько шаманов, удаганок, олонхосутов-шаманов [12]. Для погребальной культуры якутов нехарактерно такое захоронение, т. к. по их верованию шамана хоронили одного и в отдаленном нелюдимом месте.

В рассказах информантов отмечаются моменты, в которых они имели твердое убеждение, что олонхосут, посвященный в таинства слова, по статусу равен шаману. Многие отказывались рассказывать об олонхосутах-шаманах, которые когда-то жили в их наслеггах, остерегались даже произносить их имена (дабы не разбудить дух покойного шамана). По сведениям информантов 1 и 2 Кюлятского, Тылгынинского и Югюлятского (Вилюйского улуса) и Магасского, Сургулукского, Кётёрдахского (Верхневилюйского улуса) наслегов, наслегга Ыйыллас, образы жизни олонхосутов и шаманов ничем не отличались.

Олонхосут из Югюлятского наслегга Вилюйского улуса Н. Семенов – Боруоран, родившийся во второй половине XIX в., был кузнецом, целителем, прославленным охотником. Особенно

стью его таланта было то, что олонхосут обладал особым шаманским даром [6]. Об олонхосуте Боруоран вспоминают и информанты верхневиллойских наслегов, считая его своим земляком. Выходит, олонхосут Н. Семенов – Боруоран жил или часто менял местожительство, «мигрировал» между вилойскими и верхневиллойскими наслегам.

Шаманскими способностями обладал олонхосут из наслега 2 Кюлятцы С. И. Афанасьев – Мюлюрэ Уола (Мүлүрэ Уола). Жительница 2 Кюлятцы А. Г. Николаева поведала предание о Мюлюрэ Уола, услышанное от своей бабушки, прожившей до преклонных 106 лет [13]. Предание участники экспедиции слышали и от информантов других наслегов. Олонхосут Мюлюрэ Уола имел тесный контакт со знаменитым местным шаманом по имени Испирдиэн (Спиридон), полное имя которого местными жителями не произносится. Рассказывают, что Мюлюрэ Уола признал, что шаман Испирдиэн был его наставником, важнейшей фигурой в его становлении как олонхосута. Позже, после смерти шамана Испирдиэн олонхосут бережно хранил его одежду, ритуальное облачение – *куму*. Олонхосут Мюлюрэ Уола иногда использовал атрибуты шамана, например, в исполнении *алгысов* (як. *алгыс* – благословление, благопожелание). Также рассказали, что с олонхосутом «состязались» высшие невидимые силы. Здесь нами были замечены моменты, в которых информанты уходили от ответа.

В сказительской традиции приграничных наслегов Верхневиллойского и Вилюйского улусов совместная деятельность олонхосута и шамана обращает внимание на концепцию, выдвинутую А. А. Саввиным – «концепцию “исполнителя” шаманской мистерии, совмещающего в себе функции шамана и сказителя (совмещение функций шамана или его помощника – *кутуруксут*)» [9, л. 11–12]. А. А. Саввин отмечает глубинную ритуальную обусловленность жанров, в которой находит подтверждение в фактах существования дополнительных песнопений, сопровождающих исполнение олонхо. А. А. Саввин впервые записал ритуальную песнь «Олонхо кутуругун салайыыта» («Направление хвоста олонхо») у олонхосута из Вилюйского улуса С. Н. Каратаева – Дыгыяр (1861–1943) [10, л. 11–12]. По определению Н. В. Покатиловой, функционально эта ритуальная песнь связана с «завершением пути» самого олонхосута. В традиционном названии песни «Направление хвоста олонхо» слово «хвост» (*кутурук*) использован в значении «конец, завершение», как и в шаманской практике: *кутуруксут* – помощник шамана при совершении ритуала шаманского камлания [2, с. 110]. Такой же позиции придерживается А. А. Кузьмина: она считает, что вставная песня «Направление хвоста олонхо» имела ритуальный характер и по прагматике выполняла функции сакрализации эпоса, обеспечения безопасности слушателей от злых действий представителей потустороннего мира. Далее А. А. Кузьмина объясняет, что слово «хвост» имеет переносное значение «конец чего-либо» и используется в терминологии якутского шаманизма [14, с. 106].

В материалах экспедиций существует интересное сообщение о том, что олонхосута Мюлюрэ Уола звали Ойуун Кутуруксута (Помощник Шамана). По рассказам информантов из разных наслегов, олонхосут был наделен сверхспособностями. Рассказывали, что олонхосут Мюлюрэ Уола любил уединение, часто уходил в лес, ходил в отрешенном состоянии, жил в «ином», в своем мире. Как и шаман, был физически крепким, был одарен искусством перевоплощения. Его уникальность заключалась в том, что он обладал целительными способностями и проводил с шаманом Испирдиэн ритуалы и церемонии. При этом никто не называл его шаманом, а звали Ойуун Кутуруксута.

Олонхосут родом из Сургулукского наслега Верхневиллойского улуса В. В. Степанов – Суор Уола (1882–1979) был потомственным шаманом. По сведениям информантов С. В. Степанова – сына олонхосута Суор Уола, а также И. Н. Харитонова – жителя Балаганнахского, В. А. Буртаховой – жителя Ботулинского наслегов и др., отец Суор Уола шаман Суор Ойуун (букв. Шаман Ворон) в своем краю был одним из сильных шаманов. Рассказывали, олонхосут-шаман Суор Уола обладал способностью «видеть» то, что не видят другие, «слышать» то, что не слышат другие. Он мог предсказывать глобальные изменения в природе и в жизни человечества.

По заключению информантов, здесь нет ничего удивительного, т. к. он являлся потомком шамана Суор Ойуун [12].

От информантов И. Н. Харитонова, Е. Е. Васильева записаны сообщения о том, что иногда шаманы обращались за помощью к олонхосутам. Они просили у олонхосутов слова для *алгысов*, бывало, даже фразы *кырыыс* (як. *кырыыс* – проклятие). Например, есть сведения о том, что приходили за помощью к олонхосуту Н. С. Александрову – Ынта Никиитэ (Дюлюкинский наслег) и олонхосутам из наслега Магассы [12].

Информант Н. Ф. Кононова поведала об олонхосуте С. Герасимове – Онохо Ойуун из 2 Кюлятского наслега Вилюйского улуса. Онохо Ойуун одновременно был олонхосутом, шаманом и кузнецом. Его олонхо славилось необыкновенно богатым языком. Вместе с тем, как отмечает Н. Ф. Кононова, в его олонхо было много незнакомых ей слов. Однажды композитор М. Н. Жирков пригласил олонхосута-шамана Онохо Ойуун в город Якутск участвовать в постановке олонхо «Нюргун Боотур». Однако олонхосут отказался, мотивируя тем, что советская власть не одобрит его выступление на большой сцене [13]. Из Югюлятского наслега Вилюйского улуса информант В. Л. Бочаров рассказывал об олонхосутах Б. Алексеев – Саайы Уола и Н. Семенове – Боруоран, которые также обладали способностями шамана. По воспоминаниям В. Л. Бочарова, олонхосут Б. Алексеев своим исполнением олонхо излечил его, когда он был тяжело болен. Информанту тогда было всего три года. По рассказам информантов, Б. Алексеев – Саайы Уола «изгнал духа болезни», т. е. вылечил больного, исполняя олонхо. Он так же, как и шаман, делал заклинания над больным. Известно, что в старину олонхосуты сказывали и во время эпидемии. К примеру, в долганской традиции «во время эпидемии заставляли вечером рассказывать “хорошие былины”, в которых несчастья героев кончаются счастливым исходом» [15, с. 16]. Иными словами, считалось, что олонхо имеет сильное магическое действие, «застылает глаза духу болезни. Вот потому, сказывать олонхо заставляли, также, и в “худые”, с болезнями, годы» [16, с. 26].

Бытуют невероятные истории из жизни олонхосутов Вилюйского, Верхневилюйского улусов. Так, существует легенда о верхневилюйском олонхосуте Уйбаанта, основанная на реальном событии. Этот олонхосут родился и жил в Ботулинском наслеге в XIX в. Сюжетная особенность народной легенды отличается тем, что она останавливается исключительно на народном веровании. В легенде повествуется о том, как олонхосут по имени Уйбаанта соревновался с нечистой силой – абаасы: «Давным-давно местные богачи каждую весну, когда природа просыпалась от долгой зимней спячки, собирали народ на поляну и организовывали слушание сказания Уйбаанты. Когда Уйбаанта начинал сказывать олонхо, от его прекрасного голоса зеленые листья берез колыхались, птицы, лесные звери утихали, слушали его песню. Уйбаанта с раннего возраста прославился в своих краях и в близлежащих улусах, которому не было равных, и его звали не иначе как Певец Уйбаанта. Однажды, когда Уйбаанта с другом возвращались домой из Вилюйска, Уйбаанта всю дорогу пел тойук, сказывал олонхо. Однако в это время вместе с ним исполнял олонхо-тойук нечистый дух-абаасы. Уйбаанта знал о том, что кто из них первый остановит песню, потерпит поражение. Вот потому он пел без остановки. К несчастью, его лошадь на неровном месте споткнулась и в это время Уйбаанта, буквально на короткое время, прервал песню. Тогда с неба раздался ликующий возглас: “Я победил!”. Войдя в дом, Уйбаанта неожиданно свалился от головной боли и, не приходя в сознание, на четвертые сутки, умер. Рассказывают, что до недавнего времени Уйбаанта своим пением предупреждал о приближающейся смерти человека из рода Хахсык (он сам из рода Хахсык)» [12]. Рассказ с таким же сюжетом зафиксирован и от вилюйских информантов, в котором речь идет о «состязании» олонхосута Мюльюрэ Уола «с верхними силами».

Материал об олонхосуте и певце Н. Семенове – Боруоран записан от верхневилюйских информантов (олонхосут, который также известен как олонхосут из Югюлятского наслега Вилюйского улуса). Он родился во второй половине XIX века, в местности Ыйылас Сургулукского

наслега Верхневиллойского улуса. Особенностью эпического творчества Боруоран было то, что он все время постоянно напевал, в частности, ролевые песни из своего олонхо. Как правило, в старину якуты недолюбливали человека, слишком увлечённого пением, т. к. считали, что его деятельность разрушает будущее потомков, что обязательно последует возмездие. Вследствие таких предрассудков, якобы пением можно навлечь беду на своих близких, его и прозвали *Буорту Боруоран* (от *буорту* – порченный; порченный пением).

В эпической традиции тюркских народов существует погребальное исполнение героического эпоса во время похоронных обрядов [17; 18; 19]. Известны события в якутской традиции о том, что в доме с усопшим человеком исполняли олонхо. Обнаружено следующее сообщение об олонхосуте Маркове (имя олонхосута неизвестно). Олонхосут родился во второй половине XIX в. в наслеге Намцы Верхневиллойского улуса. Из сообщения информанта К. Ф. Павлова, а также из его книги «Рассказы о взлётах и падениях моей жизни» [20] известен один случай об олонхосуте Маркове. Отец информанта Ф. Н. Павлов (1890–1959) и олонхосут Марков были близкими друзьями. Как вспоминает автор, в день похорон жены Ф. Н. Павлова (матери К. Ф. Павлова) Марков сказывал олонхо, также они вместе (олонхосут и вдовец) пели олонхотойук. Данное событие было зафиксировано 28 января в 1957 г.

По сведениям информантов, совместное исполнение олонхо в похоронной церемонии было распространённым явлением в Вилюйском и Верхневиллойском улусах. Так, в материалах фольклорной экспедиции в Вилюйском улусе от 2017 г. записано следующее: «Когда скончалась супруга олонхосута С. П. Еремеева – Дэдэгэс, во время её похорон сказывали олонхо братья олонхосуты Прокопьев Николай Прокопьевич – Сюёдэлик (Сүөдэлик) и Прокопьев Савва Прокопьевич – Чаккаа» [13]. Далее, следующее сведение: «Олонхосут Буслаев Илья Иванович – *Атаҕа Суох Ылдьаа* (букв. Илья Безногий) водил дружбу с Тэмпэ Осипом (Тэмпэ Уоһук). Они жили в местности Алаас (Вилюйского улуса). Дочь Тэмпэ Осипа, Татьяна Осиповна услышала от отца, что олонхосут на поминках друга должен был исполнять олонхо, при этом сказывать должен в течение двух или трёх суток. Как и было оговорено ранее, когда умер Тэмпэ Осип, олонхосут Атаҕа Суох Ылдьаа проводил в последний путь своего друга, сказывая олонхо в течение двух суток» [14].

Заключение

Таким образом, анализ сведений об олонхосутах, их биографических данных, воспоминаний родных и знакомых олонхосутов, позволили сделать следующие выводы:

- особенностью сказительской традиции приграничных наслегов Вилюйского и Верхневиллойского улусов является то, что они имели тесную связь с шаманами;
- олонхосуты совмещали в себе функции шамана и сказителя, в связи с чем информанты их называли «олонхосутами-шаманами»;
- шаманы обращались за помощью к олонхосутам: просили у олонхосутов слова-*алгысы* (с як. *алгыс* – благословление, благопожелание) и слова-*кырыыс* (с як. *кырыыс* – проклятие);
- олонхосуты исполняли погребальное исполнение олонхо во время похоронных обрядов.

Литература

1. Худяков, И. А. Верхоянский сборник: Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым. Т. 1. Вып. 3. – Иркутск : Изд. на средства И. М. Сибирякова, 1890. – 314 с.
2. Покатилова, Н. В. К типологическому открытию «устной традиции»: первый экспедиционный проект академического Института языка и культуры при СНК ЯАССР (1938 г.) // Кунсткамера. – 2021. – № 1. – С. 105–117. – DOI : 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-105-117.
3. Боло, С. И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: По преданиям якутов б. Якут. окр. – Якутск : Бичик, 1994. – 319 с.
4. Эргис, Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – Москва : Наука, 1974. – 402 с.

5. Саввинова, Г. Е. Историко-этнографические аспекты эпического сказительства Вилюйского улуса Якутии // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 65. – С. 171–177.
6. Олонхо и олонхосуты Вилюйского улуса Якутии: (II половина XIX – начало XXI вв.) / [авторы-составители : Р. Н. Анисимов, Г. Е. Саввинова-Отובה, О. К. Павлова, В. Н. Габьшев]. – Якутск : Алаас, 2017. – 173 с.
7. Якутский эпос в контексте эпического наследия народов мира : сборник научных статей / ответственный редактор В. Н. Иванов. – Якутск : Якутский филиал изд-ва СО РАН, 2004. – 156 с.
8. Илларионов, В. В. Эпическое наследие народа саха. – Новосибирск : Наука, 2016. – 344 с.
9. Саввин, А. А. Отчет о работе Вилюйской экспедиции Института языка и культуры. 1938 // Рукописный фонд АЯНЦ СО РАН. – Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 270. – 23 л.
10. Путилов, Б. Н. Эпическое сказительство: типология и этническая специфика. (Исследования по фольклору и мифологии Востока). – Москва : Восточная литература, 1997. – 295 с.
11. Маак, Р. К. Вилюйский округ. 2-е изд. – Москва : АО «Яна», 1994. – 576 с.
12. Анкеты информантов фольклорных и эпических традиций Верхневилюйского улуса. Сост. Р. Н. Анисимовым, Г. Е. Саввиновой-Отובה, О. К. Павловой, В. Н. Габьшевым в 2019 г. // Научный архив НИИ Олонхо СВФУ. – Ф. 1. Оп. 5. – 650 л.
13. Анкеты информантов, знатоков фольклорных и эпических традиций Вилюйского улуса. Сост. Р. Н. Анисимовым, Г. Е. Саввиновой-Отובה, О. К. Павловой, В. Н. Габьшевым в 2017 г. // Научный архив НИИ Олонхо СВФУ. – Ф. 1. Оп. 5. – 101 л.
14. Кузьмина, А. А. «Кутурук салайар ырыа» («Хвост направляющая песня») в олонхо Вилюйского региона: аспекты прагматики // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2020. – № 1. – С. 106–111.
15. Шаракшинова, Н. О. Бурятский фольклор. – Иркутск : Кн. изд-во, 1959. – 227 с.
16. Ефремов, П. Е. Долганское олонхо. – Якутск : Кн. изд-во, 1984. – 133 с.
17. Садалова, Т. М. Ритуально-магические функции алтайской сказки в обрядовой системе сибирских тюрков // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 313. – С. 30.
18. Орус-оол, С. М. Тувинские героические сказания: Хунан-Кара. Боктуг-Кириш, Бора-Шэлэй. – Новосибирск : Наука, 1997. – 582 с. (На тувинском и рус. яз.)
19. Хакасское народное поэтическое творчество / М. А. Унгвицкая, В. Е. Майногашева. – Абакан : Красноярское кн. изд-во. Хакас. отд-ние, 1972. – 311 с.
20. Павлов, К. Ф. Рассказы о взлётах и падениях моей жизни. – Якутск : Прогресс, 2012. – 102 с.

References

1. Khudyakov, I. A. Verkhoyansk collection: Yakut fairy tales, songs, riddles and proverbs, as well as Russian fairy tales and songs, recording by I. A. Khudyakov in Verkhoyansky district. Vol. 1, iss. 3. Irkutsk, Publ. at the expense of I. M. Sibiryakov, 1890, 314 p. (In Rus.)
2. Pokatilova, N. V. To a typological discovery of the “oral tradition”: the first expedition project of the Academic Institute of Language and Culture at the Council of People’s Commissars of the YASSR (1938). *Kunstkamera*. 2021, no. 1, pp. 105–117. DOI: 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-105-117. (In Rus.)
3. Bolo, C. I. The past of the Yakuts before the Russians came to Lena: According to the legends of the Yakuts of Yakutsk env. Yakutsk, Bichik Publ., 1994, 319 p. (In Rus.)
4. Ergis, G. U. Essays on Yakut folklore. Moscow, Nauka Publ., 1974, 402 p. (In Rus.)
5. Savvinova, G. E. Historical and ethnographic aspects of epic storytelling of Vilyuisky district of Yakutia. *Tomsk State University Journal of History*. 2020, no. 65, pp. 171–177. (In Rus.)
6. Olonkho and olonkhosuts of the Vilyuisky district of Yakutia: (II half of the 19th – early 21st centuries). Authors: R. N. Anisimov, G. E. Savvinova-Otובה, O. K. Pavlova, V. N. Gabyshev. Yakutsk, Alaas Publ., 2017, 173 p. (In Rus.)
7. Yakut epic in the context of the epic heritage of the peoples of the world: collection of scientific articles. Chief editor V. N. Ivanov. Yakutsk, Yakut branch of the Publ. House of the SB RAS, 2004, 156 p. (In Rus.)
8. Illarionov, V. V. Epic heritage of the Sakha people. Novosibirsk, Nauka Publ., 2016, 344 p. (In Rus.)
9. Savvin, A. A. Report on the work of the Vilyui expedition of the Institute of Language and Culture. 1938 In: Manuscript fund of the Yakut National Center SB RAS archive. F. 5. Op. 3. Unit ridge. 270. 23 sh. (In Rus.)

10. Putilov, B. N. Epic storytelling: typology and ethnic specificity. (Studies on folklore and mythology of the East). Moscow, Oriental literature Publ., 1997, 295 p. (In Rus.)
11. Maak, R. K. Vilyuisky district. 2nd ed. Moscow, LC “Yana” Publ., 1994, 576 p. (In Rus.)
12. Questionnaires of informants of folklore and epic traditions of the Verkhnevilyuisky district. Comp. R. N. Anisimov, G. E. Savvinova-Otova, O. K. Pavlova, V. N. Gabyshev in 2019. In: Scientific Archive of the Research Institute Olonkho SVFU. F. 1. Op. 5, 650 sh. (In Rus.)
13. Questionnaires of informants, experts in folklore and epic traditions of the Vilyuisky district. Comp. R. N. Anisimov, G. E. Savvinova-Otova, O. K. Pavlova, V. N. Gabyshev in 2017. In: Scientific Archive of the Olonkho Research Institute of the North-Eastern Federal University. F. 1. Op. 5, 101 sh. (In Rus.)
14. Kuzmina, A. A. “Kuturuk salayar yrya” (“Tail guiding song”) in the olonkho of the Vilyui region: aspects of pragmatics. *North-Eastern Humanities Bulletin*. 2020, no. 1, pp. 106–111. (In Rus.)
15. Sharakhshinova, N. O. Buryat folklore. Irkutsk, Book Publ. House, 1959, 227 p. (In Rus.)
16. Efremov, P. E. Dolgan olonkho. Yakutsk, Book Publ. House, 1984, 133 p. (In Rus.)
17. Sadalova, T. M. Ritual-magical functions of the Altai tale in the ritual system of the Siberian Turks. *Tomsk State University Journal*. 2008, no. 313, p. 30. (In Rus.)
18. Orus-ool, S. M. Tuvan heroic tales: Khunan-Kara. Boktug-Kirish, Bora-Shelei. Novosibirsk, Nauka Publ., 1997, 582 p. (In Tuvan and Rus.)
19. Khakas folk poetic creativity. Comp. M. A. Ungvitskaya, V. E. Mainogasheva. Abakan, Krasnoyarsk Book Publ. House. Khakas branch, 1972, 311 p. (In Rus.)
20. Pavlov, K. F. Stories about the ups and downs of my life. Yakutsk, Progress Publ., 2012, 102 p. (In Rus.)

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.25587/2782-4861-2023-3-108-110

И. В. Кульганек
Институт восточных рукописей РАН

**РЕЦ. НА КНИГУ: Басангова Т. Г. Детский фольклор калмыков
(система жанров). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2022. 172 с.
ISBN 978-5-91458-420-4**

Доктор филологических наук, заведующая сектором Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве» Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова Тамара Горяевна Басангова является одним из ведущих российских монголоведов-фольклористов, крупным специалистом в области фольклора, языка и этнографии монгольских народов. Калмыцкому фольклору посвящены более 290 работ Т. Г. Басанговой, среди которых особенно интересны работы, касающиеся малых жанров калмыцкого фольклора – песен, загадок, трехстиший. Большое место в ее научном творчестве занимает исследование свадебных текстов, иносказаний, смехового фольклора. Она – автор монографий «Магическая поэзия калмыков» (1999), «Сандаловый ларец. Калмыцкие народные сказки» (2002), «Детский фольклор калмыков» (2007), «Обрядовая поэзия калмыков: система жанров, поэтика» (2017). Особый интерес представляют ее работы по ономастике и хозяйству Нижнего Поволжья, Чукотки, Якутии, юга Сибири, финно-угорским этнонимам древнерусских текстов, этимологии имен героев эвенских и эвенкийских эпических сказаний.

КУЛЬГАНЕК Ирина Владимировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, сектор Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия. ORCID: 0000-0003-1417-3167. E-mail: kulgan@inbox.ru

KULGANEK Irina Vladimirovna – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, Central Asia Sector, Central and South Asia Department, Institute of Oriental Manuscripts of RAS, Saint Petersburg, Russia. ORCID: 0000-0003-1417-3167. E-mail: kulgan@inbox.ru

В конце 2022 г. в издательстве Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова вышло второе дополненное издание монографии Т. Г. Басанговой «Детский фольклор калмыков», адресованной фольклористам, этнологам, преподавателям и студентам филологических вузов. Книга представляет интерес и для более широкого круга читателей, заинтересованных в познании глубинных основ культуры монгольских народов, поскольку не вызывает сомнения, что именно детский фольклор во многом формирует мировоззрение взрослого человека, которое влияет на самосознание индивидуума, на взаимодействие целого народа с внешним миром.

Монография Т. Г. Басанговой ценна прежде всего тем, что она представляет собой опыт исследования малоизученного на сегодняшний день пласта калмыцкого фольклора. Многие образцы детского фольклора, представленные в книге – колыбельные, считалки, скороговорки, сказки, стали результатом многолетней экспедиционной работы автора с информантами. Рецензентами книги выступили доктор филологических наук Д. В. Сокаева из Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (Владикавказ) и доктор филологических наук З. Ж. Кудяева из Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (Нальчик).

Автор исследования совершенно справедливо замечает, что калмыцкий детский фольклор типологически и генетически связан с «подобными жанрами у ойратов Синьцзяня, бурят и монголов» и что он, как и традиционная система воспитания, мало изучен не только у калмыков, но и у других монгольских народов. Не вызывает сомнения и мнение автора, что детский фольклор – одно из интереснейших явлений устного народного творчества калмыков, что знание ребенком этнических стереотипов поведения и образцов фольклора «расширяет эмоциональный мир ребенка», «знакомит с поэтической системой фольклора», что фольклор является главнейшим фактором, отражающим национальное самосознание, культурное и духовное единство народа.

Работа Т. Г. Басанговой состоит из Введения, шести глав, Заключения, Библиографии и Приложения. В первой главе автор говорит об истории изучения детского фольклора калмыков. Во второй – предложен жанровый состав детского фольклора калмыков, который включает считалки, заклички, колыбельные песни, скороговорки, калмыцкую кумулятивную сказку. Третья глава посвящена вербальному компоненту в детской обрядности калмыков. В четвертой главе автор обращается к проблеме детского фольклора периода депортации. В пятой – на примере одного образца пишет о типологических связях калмыцкого и балкарского фольклора. В шестой главе Т. Г. Басангова анализирует вербальный компонент в калмыцких народных играх. В Заключении автор кратко приводит основные выводы всего исследования. Библиография книги насчитывает 60 наименований исследований на русском, монгольском и калмыцком языках. В Приложении, которое занимает половину объема всей книги, представлено репрезентативное количество текстов детского калмыцкого фольклора на языке оригинала с переводом. Среди них: 4 считалки с переводом, 8 игровых считалок, 9 текстов, которые произносятся во время так называемых «пальчиковых игр»; 2 стихотворения, которые дети декламируют, прыгая на одной ноге; 5 колыбельных песен, 8 заговоров, 16 скороговорок, 5 стихотворений о животных, характеризующих их главные признаки, 5 песен-заклинаний, 5 закличек, 12 дразнилок, 7 благопожеланий, 1 хвала, 34 загадки, 21 пословица, 20 трехстиший, 9 сказок и 16 произведений, которые автор отнес к разряду мифов, легенд, преданий. В этом разделе автор дает объяснение игр, в которых используются данные считалки, описывает сами игры, комментирует обстоятельства, в которых произносятся те или иные тексты.

Исходя из верного тезиса о том, что носителями и творцами произведений детского фольклора являются взрослые и дети, автор выделяет в детском фольклоре две большие группы: «фольклор для детей» и «собственно детский». В каждой группе можно выделить в свою очередь повествовательные и стихотворные жанры. Приоритетным среди всех жанров она считает загадки. Т. Г. Басангова дает определение каждому жанру, характеризует его и описывает

его бытование, поэтическую структуру текстов. Остановившись на генезисе жанра дразнилок, автор указывает, что этот жанр появился как ответ на желание научить ребенка преодолевать страх перед животными. Говоря о сказках, она подчеркивает, что наиболее архаичным пластом калмыцкого фольклора являются этиологические сказки, первоначальный смысл которых был в объяснении происхождения животных, птиц. Каждая глава книги насыщена уникальными сведениями этнографического характера. Это могут быть рассказы о диалогах матери с ребенком во время подготовки его ко сну, объяснение магического значения скороговорок во время свадебных обрядов, толкование связи кумулятивного строя сказки с иносказательным игровым стихоговорением.

Научный труд Т. Г. Басанговой убеждает в том, что автор, опираясь на исследования фольклористов, выделивших состав детского обрядового цикла, его жанровую структуру, специфику функционирования, проделала самостоятельную большую работу по сбору, публикации, сохранению и популяризации детского фольклора. Ее труд, содержащий большое количество текстов, имеет важное значение не только для научных работников, но и в качестве исключительно значимого материала для воспитания детей в парадигме национальных традиционных ценностей калмыцкого народа. Несомненно, труд Т. Г. Басанговой «Детский фольклор калмыков», который вводит в научный оборот оригинальные тексты, имеет большое значение: он открывает перед исследователями перспективу сопоставительного и типологического изучения фольклора монгольских народов.

ХРОНИКА

Ф. В. Шишигина

ЯРОО СНЭ «Ассоциация Олонхо»

ХVI ЫСЫАХ ОЛОНХО НА ПОЛЮСЕ ХОЛОДА

ХVI Ысыах Олонхо, проводимый в целях популяризации якутского героического эпоса олонхо, признанного в 2005 г. Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры ЮНЕСКО шедевром устного и нематериального культурного наследия человечества, состоялся в 2023 г. в Оймяконском улусе. Масштабный национальный праздник, ставший одним из механизмов духовного, культурного единения многонационального народа Республики Саха (Якутия) на стыке двух веков, проводится в рамках второго Десятилетия Олонхо ежегодно в разных улусах.

Фото 1. Благопожелание-алгыс на церемонии открытия Ысыаха Олонхо
(Фото А. Сорокина, ЯСИА).

ШИШИГИНА Февронья Васильевна – Президент Якутской республиканской общественной организации сохранения национального эпоса «Ассоциация Олонхо», Якутск, Россия. E-mail: minproffv@mail.ru
SHISHIGINA Fevronya Vasilevna – President of the Yakut Republican non-governmental organization of preservation of the national epic “Olonkho Association”, Yakutsk, Russia. E-mail: minproffv@mail.ru

Природно-ландшафтные, социально-экономические, историко-геокультурные, духовно-символические особенности Оймяконской земли придали Ысыаху Олонхо-2023 свой неповторимый колорит. В улусе, где расположен Полюс Холода, сходятся 4 великих хребта северо-востока Азии: Колымское нагорье, Верхоянский, Черский, Джугджурский хребты, и берут свои истоки реки Алдан, Яна, Колыма, Индигирка, проведён поистине грандиозный праздник торжества культуры, традиций народов, великого эпоса Олонхо.

Каждый раз особое место в проведении Ысыаха Олонхо занимает подготовительный этап. Распоряжение Главы Республики Саха (Якутия) № 526 «О национальном празднике Ысыах Олонхо в Оймяконском районе РС (Я)» было опубликовано 16 июня 2018 г.

Пять лет творческой созидательной работы общественности республики, района, педагогов, работников культуры, жителей всех наслегов Оймяконского района позволили стать XVI Ысыаху Олонхо значимым мероприятием для социально-культурного, экономического развития богатого своей историей улуса, который в 2020 г. отметил 100-летие.

Через территорию района пролегла трасса АЛСИБа, ныне знаменитая Колымская трасса, заложенная еще заключенными ГУЛАГа, соединяющая северные арктические улусы с магистральными дорогами Якутии и России, обеспечивая выход к Тихому океану. В этих местах в наиболее драматическом виде в разные годы была проявлена борьба ценностей Добра и Зла. Трагические события времён обживания земель, гражданской войны сохранены в преданиях и документах тех лет. Оймяконский купец 1-й гильдии «абыс улууһу аһаным, тобус улууһу тоторбут» (букв. ‘прокормивший восемь улусов, насытивший девять улусов’) Н. О. Кривошапкин (1837–1926) по сей день является образцом добродетели, спасшим от голодной смерти земляков и жителей Колымских, северных улусов вплоть до Чукотки. Оймяконье хранит память о жертвах 32 лагерей ГУЛАГа, где погибли тысячи людей со всех уголков огромной страны. Этот край своей скрытой энергетикой привлекал внимание философа-поэта, основоположника якутской литературы А. Е. Кулаковского, оставившего для потомков бесценные записи старинных легенд от старожиллов этой земли. Оймяконский район имеет своих олонхосутов. В записях

Фото 2. Демонстрация мастерства якутских кузнецов (Фото С. С. Сивцева).

этнографа Сээн Боло есть воспоминания о том, что оймьяконцы не выделяли корма лошадям купцов, не привозивших с собой олонхосутов.

Этническая культура северных малочисленных народов хорошо сохранена и по сей день в силу того, что развиваются исконные виды хозяйственной деятельности – коневодство, скотоводство, оленеводство, охота, рыболовство.

Все эти особенности Оймьяконского культурного кода были отражены в Образах, Идеях и Ценностях Ысыаха Олонхо-2023, которые изложены в Концепции Ысыаха «Айыы санаа айана», ставшей программным документом для всех организаторов и участников.

В преддверии Ысыахов Олонхо стало традицией проведение республиканских научно-методических конференций для разработки научно-методологических основ мероприятия и оказания теоретической и практической помощи населению-организатору Ысыаха. Научно-методическая конференция «XVI Ысыах Олонхо в Оймьяконе: эпический вектор духовного развития народов Якутии в новых социокультурных условиях» собрал около 600 единомышленников со всей республики. Педагоги, краеведы, историки, деятели культуры, общественники в течение трёх дней обменивались опытом, обсуждали вопросы изучения, популяризации олонхо, развития навыков сказительского искусства, педагогики олонхо, программ, методов воспитания личности, сохранения исконных якутских традиций жизнеустройства на селе, повышения мастерства народных умельцев, ремесленников, носителей и пропагандистов декоративно-прикладного искусства, исконных занятий народов Республики Саха (Якутия).

Построено и отреставрировано к Ысыаху Олонхо 17 объектов, которые будут дальше функционировать в рамках туристического кластера «Оймьякон – Полус Холода». Сакральное пространство «Көмүс күрүө» устроено согласно Регламента организации и проведения Ысыаха Олонхо. Проведены ремонт учреждений образования, культуры, исторических объектов. Закуплены для них технологическое оборудование, музыкальная аппаратура. Огромная работа проведена на автомобильных дорогах, по электроснабжению, обеспечению связи наслегов.

Краеведами, Научно-исследовательским институтом Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова проведена большая исследовательская работа, издано восемь научных трудов, посвященных фольклору и эпосу олонхо Оймьяконья.

Особое внимание было отведено обрядам и ритуалам Ысыаха. Кульминацией Ысыаха стали действо благопожелание-*алгыс* во время встречи Солнца и церемонии открытия Ысыаха.

Гости Ысыаха Олонхо в эти дни стали слушателями аутентичного исполнения олонхо, окунувшись в древний эпический мир олонхо. По сложившейся традиции в эти дни на пяти площадках прошло самое большое состязание олонхосутов.

Ысыах Олонхо стал площадкой демонстрации мастерства, обмена опытом огромного количества творческих талантливых людей республики, дал возможность оценить уровень культуры ремесленничества якутских мастеров. В организации конкурсов соблюдены все традиции Ысыаха Олонхо. Ысыах украсили своим искусством хомусисты, запевалы танца *оһуохай*, исполнители песнопения-импровизации *тойук*, *дэгэрэн*, скороговорок-*чабырбах*. Мастера, кузнецы, ремесленники представили на суд зрителей искусство шитья традиционной одежды саха, мастерство в изготовлении традиционного лука, конского убранства, лучших стремян-*ингэһэ*, хомуса. В самом широком спектре было представлено декоративно-прикладное искусство народов. Особое внимание уделено изделиям из конских волос.

Во время проведения Ысыахов Олонхо стало практиковаться проведение различных деловых площадок. В Оймьяконе организованы дискуссионные площадки для народных философов, предпринимателей, представителей науки, общественности о путях развития республики, круглые столы по историческому и культурному наследию А. Е. Кулаковского, сохранности Полуса Холода, развитию туризма, коневодства.

Крупное республиканское мероприятие послужило консолидации всего населения района, где проживают представители 63 национальностей. Активизирована деятельность по возро-

Фото 3. Якутские борцы (Фото С. С. Сивцева).

дению культурно-духовного наследия народов, сохранению уникальных традиций, народной мудрости жителей севера, выработанных веками при суровых условиях. Значимыми результатами Ысыаха стали плановая работа по упрочению связи поколений, воспитанию патриотизма, уважения к своим национальным истокам, толерантности. Ысыах стал одним из механизмов поддержки, развития мелкого и среднего предпринимательства. Состоялось творческое общение носителей аутентичной культуры, исполнителей героического эпоса олонхо, кузнецов, народных мастеров, ремесленников. Появились новые имена, расширился круг молодых исполнителей героического эпоса олонхо, исчезнувшего и вновь возрожденного на стыке веков и традиционных видов фольклора. Игры, состязания Ысыаха в ловкости, силе, выносливости продемонстрировали торжество здорового тела и духа.

XVI Ысыах Олонхо принял гостей с регионов России, всех районов и городов республики и по праву признан народом самым крупным республиканским общественно-политическим и культурно значимым событием 2023 года.

ТРЕБОВАНИЯ к статьям, направляемым в рецензируемый научный журнал «Эпосоведение»

Правила оформления статьи

Авторы, направляющие статьи в редакцию «Эпосоведение» должны руководствоваться положениями, разработанными редакцией журнала (приложение).

1. Общие правила:

1.1. Редакция оставляет за собой право на сокращение и редактирование присланных статей без изменения их основного содержания. Датой поступления статьи считается время поступления окончательного (переработанного) варианта статьи.

1.2. Статья присылается в редакцию по электронной почте и 2 экз. в распечатанном виде.

2. Правила оформления статьи – согласно Требованиям.

3. Материалы следует направлять по адресу: 677013, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 101, редакция «Эпосоведение».

Контактные средства связи: телефон (4112) 49-68-83; e-mail: eposvestnik@mail.ru.

Приложение

ТРЕБОВАНИЯ, предъявляемые авторам статей

1. Журнал принимает к публикации научные статьи преподавателей СВФУ, докторантов, аспирантов, магистрантов, а также других лиц, занимающихся научными исследованиями, из всех регионов России.

Принимаются статьи по следующим отраслям науки:

5.9. Филология

5.9.4. Фольклористика

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

2. К публикации принимаются рукописи с максимально конкретизированными аннотациями. Композиционно она может быть построена по принципу IMRAD (Introduction, Methods, Results and Discussion): Актуальность, цели и задачи исследования. Как проводилось исследование, какие методы использовались. Основные выводы, результаты исследования; каковы перспективы исследования, направления дальнейшей работы. Объем аннотации – не менее 250 слов. Раздел «Хроника» предоставляется без аннотаций.

Ключевые слова (не менее 10) используются для поиска статьи в электронных базах, они должны быть лаконичными, отражать содержание и специфику рукописи.

3. К печати принимаются статьи, содержащие неопубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения, а также статьи методологического характера. Статьи должны быть актуальны по тематике, значимы с научной и практической точек зрения, композиционно чётко структурированы.

Во введении необходимо представить содержательную постановку рассматриваемого вопроса, краткий анализ известных из научной литературы решений (со ссылками на источники), критику их недостатков и преимущества (особенности) предлагаемого подхода. Обязательна четкая постановка цели работы.

Основная (содержательная) часть работы должна быть структурирована на разделы. Разделы должны иметь содержательные названия. Не допускается название «Основная часть». Введение, разделы и Заключение не нумеруются. Все примеры на английском языке и других языках следует сопроводить переводом на русский язык.

Заключение. Приводятся основные выводы по содержательной части работы. Следует избегать простого перечисления представленного в статье материала.

Объем статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять до 24 страниц, хроника и юбилеи – 1-2 страницы.

4. Статьи должны быть тщательно отредактированы. Печатный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах. Редактор MS Word, формат А-4, ориентация – книжная, поля – *верхн.* 2,0 см; *нижн.* – 3,0 см; *левое и правое* – 2,5 см; абзацный отступ – 1,25 см; интервал – полуторный; кегль основного текста – 14, кегль аннотации – 12, шрифт – Times New Roman. 2-й печатный экземпляр предоставляется без указания имени автора (для слепого рецензирования).

Перед названием статьи обязательно указать УДК сверху справа (жирным шрифтом).

Статья должна начинаться с инициалов и фамилии автора (-ов) справа жирным шрифтом (курсивом), затем дается прописными буквами название статьи (жирным шрифтом). Название статьи на английском – строчными буквами.

5. В конце рукописи обязательна подпись автора (-ов), на отдельной странице – сведения об авторе (-ах) на русском и английском языках:

- ФИО полностью;
- ученая степень (при наличии);
- ученое звание (при наличии);
- место работы, должность;
- E-mail;
- контактный телефон (для мобильной связи с редакцией).

6. Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах не допускаются. Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом их употреблении в тексте. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через два интервала. Комментарий к таблице должен быть размещен непосредственно под таблицей.

Приводимые формулы должны иметь сквозную нумерацию. Номер пишется в конце строки арабскими цифрами в круглых скобках. Между формулами, выделенными в отдельную строку, и текстом, а также между строками формул следует оставлять пробелы не менее 1,5 – 2 см.

7. Все иллюстративные материалы: графики, карты, схемы, фотографии – именуются рисунками, имеют сквозную порядковую нумерацию арабскими цифрами и пишутся сокращенно (например, рис. 1). Допускаются цветные изображения (графики, диаграммы). Если иллюстративный материал выполнен на отдельной странице, то на оборотной стороне листа карандашом пишется порядковый номер рисунка, фамилия автора и название статьи. Рисунки и подписи к ним предоставляются в двух экземплярах. Размер рисунка – не менее 40x50 мм и не более 120x170 мм. К ним прилагается список подрисовочных подписей, в которых приводятся указания размерности приведенных на рисунке величин.

Ссылки в тексте пишутся в виде номера арабской цифрой, взятой в квадратную скобку.

8. Цитируемая литература приводится под заголовком «Литература» сразу за текстом статьи. Список литературы дополнительно дублируется латиницей по системе Библиотеки Конгресса США (LC, сайт для транслитерации: <http://translit.ru>). Все работы перечисляются по порядку упоминания ссылок в тексте. Для периодических изданий необходимо указать фамилию автора, инициалы, название статьи, название журнала, год издания, том, номер или выпуск, начальную и конечную страницы работы.

9. Электронный вариант статьи принимается по электронной почте, рисунки следует предоставлять отдельными файлами в формате jpg.

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 3–6 месяцев.

Окончательное решение о публикации статьи принимает редколлегия.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Статьи, присланные без соблюдения изложенных выше требований, не подлежат рассмотрению.

ЭПОСОВЕДЕНИЕ

Сетевое издание

EPIC STUDIES

Online journal

№ 3 (31) 2023

Технический редактор *С.Д. Львова*
Компьютерная верстка *Л.М. Винокурова*
Оформление обложки *П.И. Антипин*

Подписано в печать 30.09.2023. Формат 70x108/16.
Печ. л. 10,33. Уч.-изд.л. 10,58. Тираж экз. Заказ №.

Издательский дом Северо-Восточного федерального университета
677891, г. Якутск, ул. Петровского, 5
Отпечатано в типографии Издательского дом СВФУ